
ДАРЬЯ СОЙФЕР

Рождение
МАРЫ

ОСТРОВ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

Тамаре четырнадцать, и всю свою сознательную жизнь она провела в детском доме, мечтая выяснить, кто же убил ее маму. Однажды девочку забирает из интерната таинственная незнакомка и увозит на остров, где располагается необычный пансион. Там учатся подростки, которые умеют менять обличье: кто-то может превращаться в животных, кто-то — в других людей. Тамаре предстоит выяснить, есть ли у нее дар, найти друзей и расследовать убийство матери.

Остров перевертышей. Рождение Мары — Дарья Сойфер

Швеция, Линдхольм

— Ты уверен, что девочка — перевертыш? — с сомнением спросила молодая женщина, склонившись над досье.

Профессор Эдлунд, сунув руки в карманы джинсов, стоял у окна и смотрел, как бьются о подножие маяка грязно-бурые волны. Ветер трепал верхушку старой липы, которая росла внизу, у главного входа. Штормило второй день кряду, собиралась гроза. Где уж тут насладиться майскими белыми ночами.

— Парс, данных не хватает, — женщина положила планшет на массивный дубовый стол. — Даты рождения мало. Тем более, в четырнадцать способность уже могла бы и проявиться.

Профессор обернулся, озадаченно потер русую щетину.

— Ждать нельзя, — произнес он, наконец. — Если не мы — то спецслужбы.

— Ты всерьез считаешь, что их заинтересует провинциальный российский детский дом?

— Ей нужна помощь. И подготовка, — твердо ответил он.

— Но, Ларе...

— Нет, Мила. Это последняя воля ее матери, и меньшее, что мы можем сделать — привезти девочку на остров.

— Прошло столько лет... И вместо отца — прочерк, — Мила снова сверилась с досье. — Я бы не стала рисковать.

— Прояви человечность, — он подошел к собеседнице, расправил лацкан ее твидового пиджака, мягко сжал плечо. — Какой смысл во всех этих правилах, если мы не будем думать о детях?

Ей пришлось поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Мила поджала губы, нахмурилась, отчего аккуратные очки без оправы съехали на кончик носа. Водворила их на место и отвернулась: испытующий взгляд профессора Эдлунда всегда заставлял ее нервничать. Придется поверить ему. В который раз.

— Тебе понадобится помощник? — он довольно усмехнулся, наблюдая, как она сердито поправляет свой безупречный каштановый пучок на затылке.

— Я сама.

— Хорошо. Управься за месяц, хочу, чтобы к солнцестоянию она была здесь.

— Да, профессор Эдлунд, — теперь Мила даже не смотрела в его сторону.

— Не сердись, мисс Вукович, — передразнил он. — Это последняя командировка в этом году. И пансион не рухнет без твоей железной руки.

— Пойду к себе, ознакомлюсь с деталями, — она прижала планшет к груди.

— Постой. Можешь работать здесь. Хочу размяться, пока нет дождя. Проверю территорию.

— Уверен? — ее бровь скептически дернулась вверх. — На ногах не безопаснее в такую погоду?

Профессор Эдлунд снял старинные наручные часы с барометром и убрал на полку. Стянул ботинки, старый серый свитер, распахнул окно. Порывом холодного ветра со стола сдуло бумаги.

— Именно в такую погоду я люблю летать, — он улыбнулся и перемахнул через

ПОДОКОННИК.

Россия, Тверская область

Тома выскочила с лестницы на второй этаж: у младших был тихий час, коридор пустовал. Аккуратно, стараясь не скрипеть кедами, она перебежками добралась до противоположного конца, — оттуда вели ступеньки в учительское крыло. Там Кирилл не посмеет ее доставать.

Она обернулась: обидчик уже стоял в дверях главной лестницы и озирался. Заметил ее и замахал в воздухе шарфом. Рука Тома потянулась к горлу, коснулась уродливого ожога, покрывающего шею от ключицы до правого уха. Кирилл снова украл шарф, под которым она пыталась спрятать шрамы. Наверняка, мечтал сейчас крикнуть очередную гадость. Ей тоже хотелось обозвать его, послать забористо. Что-что, а ругаться детдомовская девчонка к четырнадцати годам умела почище боцмана.

Но оба молчали. Нарушишь тихий час, разбудишь хотя бы одного из мелких — и оторвешь воспиталку от сериала. А это каралось страшно, как минимум, чисткой мальчишечьих туалетов клочком тряпки.

Тома ринулась наверх, к спасительной хлипкой дверце. Кирилл ни в жизни там ее не найдет. Достала из заднего кармана ключ, — стащила у пьяного трудовика, — торопливо шагнула внутрь и едва успела запереться, как услышала снаружи шаги. Наивный! Пусть попробует теперь ее отыскать! За два года никому в голову не пришло полезть в подсобку, где хранился допотопный столярный инструмент. И сам Михалыч туда заглядывал редко, что уж говорить о других.

От старых поделок пахло древесиной. Тома залезла в дальний угол — в нижнем ящике с отвертками у нее была заначка на такой случай. Пакет с леденцами, альбом и карандаши. Она закинула в рот любимую лимонную стекляшку, взъерошила и без того растрепанные короткие волосы и принялась рисовать.

Грифель яростно царапал бумагу, в отрывистых линиях уже угадывалось лицо Кирилла. Оттопыренные уши торчали еще сильнее, чем в жизни, на лице застыло тупое выражение. Голова, превращенная Тамарой в шкатулку, была открыта сверху. Над тем, что она нарисовала внутри, кружили мухи.

Девочка выдрала лист и отбросила в сторону. Что толку в этих картинках? Все равно никто не станет его дразнить. Вокруг Кирилла разрослась целая банда, он верховодил ей, как лев своим прайдом. Никто слова не говорил поперек. Конечно, кому охота было стать его новой мишенью?

Это ее, Тому, избрали прокаженной. Хотя была и Катя с шестью пальцами на правой руке, и Алишер, у которого брови срослись на переносице, и Витя с заячьей губой. Обезображенная шея — не самое страшное, что видели стены детского дома. Самого пожара, убившего ее маму, Тамара не помнила, ей было года два, когда она попала в ожоговое отделение, а оттуда — в детский дом. Страх огня намертво укрепился в ней, как и боязнь отрастить длинные волосы. Сама брала ножницы и резала свои черные локоны, едва они начинали касаться шеи.

Тома прикрывала обгоревшую кожу от чужих глаз, хотя самих ожогов не стыдилась. Это было напоминание о том, что она выжила, а мама — нет. Даже крошечных обрывков информации о пожаре девочке хватило, чтобы понять: там что-то нечисто. Не мог

двухэтажный кирпичный дом сгореть в одно мгновение. И почему ее нашли на улице живой, а мама осталась внутри? И отчего именно шея? Тома перелопатила кучу книг: чаще всего от огня страдали руки и лицо... Но шея? Однажды она все собиралась выяснить, а до тех пор — сжать зубы и терпеть подлую травлю.

Законы детского дома просты: либо травишь ты, либо тебя. А Тома никого унижать не хотела. Какие только клички не прицеплялись к Томе. Заморыш, Кашей, Черномазая, Рубанок, Швабра. Одна из последних — Висельник. Учителя плевать хотели на детские разборки, а другие воспитанники... Как-то на ее защиту встала соседка по комнате, Лиза Тимохина. С того самого дня заступницу стали звать Скунсом. Больше желающих впасть в немилость Кирилла и его дружков не было.

Вот и сегодня выдался тяжкий день. Закончился учебный год, Тому выставили на районный конкурс чтецов по английскому. Язык давался девочке на удивление легко, новые слова впечатывались в память сами собой, от скуки она в одиночку прошла учебники на несколько лет вперед.

Первое место за отрывок из «Сна в летнюю ночь» заставил скрежетать зубами не только конкурсантов из престижных гимназий. Директрисе хватило глупости поздравить Тому перед всем детским домом, вручить новенький шарф и томик Уайлда в оригинале. Ей, уродливой пацанке. Прямо на глазах Кирилла Осипова, который выше тройки с минусом по английскому ничего не получал. Который на последнем уроке прочитал слово carriage[1] как «кариаге», за что ему и вlepили в журнал очередную корягу.

[1] Карета (англ.)

Превосходства над собой Осипов не терпел. Разодранные сказки Уайлда уже засорили канализацию в женской уборной, и на Тому планировал обрушиться завхоз. Виктор Палыч не ведал логики. Чья вещь — тот и виноват. Задуматься, зачем Тамаре уничтожать собственный приз, было бы слишком сложно.

Вдобавок Кирилл носился по корпусу с ее шарфом, изображая висельника, и вслед за ним радостно улюлюкали другие. Такие, как он, ненавидели два типа людей: непохожих на других и отличников. Тамару угораздило попасть в обе категории. Что ж, по крайней мере, труда не будет ближайšie три месяца, а значит, подсобка останется безопасной. И раньше ужина Тома не собиралась ее покидать.

Девочка порисовала немного. Эльфов, орков, всякую сказочную дребедень. Потом взобралась на шершавую косую табуретку: узкое окошко располагалось почти под потолком. Во дворе цвели каштаны, сумерки окрашивали воздух мягкой лавандовой дымкой. За забором виднелся бетонный козырек автобусной остановки и синеватая темень хвойного леса. Там, далеко на северо-востоке ее ждал Питер. Еще немножко, три года с хвостиком, и она вырвется отсюда. Поступит на переводчика, заработает денег, наймет частного сыщика, — самого лучшего, — и он непременно выяснит, кто убил ее маму.

К воротам детдома подрулила шикарная черная машина. Тонированная, чистая до глянца. Томе не приходилось видеть такие в их глуши. Депутат какой-нибудь или спонсор, как пить дать. Сейчас забегают! И точно — завхоз собственной персоной пронесся по дорожке на всех парах. За ним показалась Валентина Семеновна, директриса. Сверху девочка видела только ее непрокрашенную рыжую макушку. Женщина на ходу застегивала парадный пиджак, который хранился в ее кабинете для внезапных визитов начальства.

В любой другой день Томе было бы любопытно посмотреть, как суетится и лебезит их суровая генеральша, но сейчас следовало поспешить. Завхоз отвлекся, и если получится

самой устранить засор, есть шанс, что про наказание забудут.

Она дотянулась до верхней полки стеллажа. Заначки были не только у нее — еще зимой трудовик припрятал там бутылку. Переложит ее Палычу, тот разбираться не станет. Опрокинет — и всего делов. Никаких карательных мер дня два, не меньше.

Тома осторожно приоткрыла дверь — мимо проковыляла старая уборщица. Шарканье и кряхтенье постепенно стихали, тетя Фая спускалась вниз. Девочка выждала немного, вылезла и со всей мочи рванула следом. Перепрыгивая ступеньки ломанулась на первый этаж, в каморку Палыча. Поставила у тахты бутылку и снова метнулась вверх — теперь уже в туалет.

Мутная вода держалась у самой кромки унитаза, по поверхности плавали обрывки «Кентервильского привидения». Что ж, почитает в другой раз. Томе пришлось закатать короткие рукава линялой футболки до плеч, чтобы не замочиться. Девочка брезгливо зажмурилась, отвернулась. Ее передернуло — но куда деваться. Села на корточки, опустила руку по локоть в ледяную дрянь, стараясь нащупать за изгибом скользкие комки листов.

Английский она знала хорошо, закон Архимеда — хуже. Вода ливанула наружу, на единственные приличные джинсы и просто единственные кеды. Тома выругалась. Шлепнула на кафель первую порцию Уайлда, принялась за следующую. И тут, — нет, серьезно, все в один день?! — в уборную вошли старшие.

Тех, кому предстояло покинуть стены интерната в следующем году, за глаза называли дедами. Как в армии. Периодически им поручали наказания учителя. Потому что тот, кто претерпел измывательства на собственной шкуре, обладает прекрасными навыками палача. Стрельцова и Пипкина уставились на Тому, ехидно улыбаясь.

— Что это у нас Висельник затеял? Никак, топиться полезла?

— Ты че, не видишь? Пацанка опоздала на обед, ищет, че пожрать.

Девушки загоготали, Пипкина вынула мобильник, — все нормальные телефоны из пожертвований доставались дедам, — и несколько раз щелкнула камерой.

— Ну вот, Корсакова, ты теперь наш раб. Ясно?

— Что надо делать? — без выражения спросила Тома.

Нарываться она не собиралась.

— Так, выстираешь джинсы, только не в прачечную передавай, а сама, ручками-ручками. Я проверю. И мне подарить, — Стрельцова задумчиво оглядывала жертву. — Десерты тоже мои. И полезешь к Вальке, у нее завалилось куча шоколада.

— К Валентине Семеновне?

— А что, ты еще Вальку знаешь? К ней самой. Чтобы у меня был сладкий завтрак, иначе это увидят все, — помахала смартфоном Пипкина. — А мы пока посмотрим твои вещички, что-нибудь подберем себе.

Девушки вышли, и Тома уронила голову на грудь. Еще год терпеть эти издевательства! В носу заципало, глаза заволокло влажной пеленой, первая слезинка скатилась по щеке, оставив горячую дорожку. Тамара шмыгнула, отерла лицо сухой рукой. Надо торопиться, пока не зашел кто-то еще. Выгребла разбухшие комки бумаги один за другим, пока вода с громким хлопом не всосалась в трубу. То, что когда-то было ее призом, полетело ошметками в мусорное ведро, а главный районный чтец Шекспира пошел к себе в комнату, оставляя на вытертом бугристом линолеуме мокрые следы.

— Что с тобой? — Лиза обеспокоенно вскочила с кровати. — Опять Кирилл?

— И да, и нет... Хуже. Я попалась дедам.

— Капец, Томка! Вот ты вечно от всех огребаешь!

— Судьба такая. Погоди, я штаны переодену, пойдем на ужин. Не слышала, что сегодня дают?

— Треску с морковью.

— Отлично. Идеальное завершение такого дня, — Тамара раздраженно швырнула мокрые джинсы на пол: смысл теперь их беречь?

Дверь в спальню распахнулась, шарахнув по стене.

— Корсакова, тебя Валька ищет. Давай бегом, — в проеме стоял Леха из девятого класса. — Ого, ничесе!

— Леш, уйди, я тебя прошу, — Лиза вышла вперед, чтобы загородить Тамару. — Сейчас она придет. Пожалуйста.

Без зрителей докапываться было скучно, и парень потопал дальше по своим делам. Тома выудила уродскую летнюю юбку, которая повидала не одно поколение воспитанников детдома, натянула на себя и влезла в шлепки, — кеды были насквозь.

— Думаешь, тебе достанется? — Лиза сочувственно поджала губы.

— Почему я знаю. К Валентине Семеновне вроде какая-то шишка приехала, может, хотят показать призера.

— Только бы! На вот, возьми мой шарф. Он, конечно, теплый, но хоть что-то.

— Чуть не забыла... Спасибо, Лиз. Застолби мне место в столовке, я быстро.

Тома старалась сохранять невозмутимость, хотя внутри все трещало по швам. Хотелось упасть лицом в подушку и завывать от отчаяния, но дать новый повод для издевательств? Увольте. Главное — не показывать, что тебя удалось достать. Тогда травильщикам надоест. Рано или поздно. Наверное. Тома в этом себя убеждала.

В кабинете директора висело густое амбре одеколona. Девочка попыталась дышать ртом, но на язык словно накрошили мыла. Либо Валентина Семеновна хотела скрыть, что курила, либо тут разбился ящик духов.

Напротив стола сидела незнакомая женщина. Шикарная — не то слово. Стройная, в элегантном костюме. Каптановые волосы уложены в гладкую высокую прическу, руки на коленях — как с какой-нибудь музейной картины. Нет, точно не депутатша и не начальница из района. Слишком худая и ногти не перламутровые. Она вообще русская?

— Тамарочка, здравствуй, — осклабилась Валентина Семеновна. — Проходи, садись, что же ты. А где красивый шарфик, что я тебе давала?

— В стирке, — соблазн сдать Кирилла был велик, но Тома знала, что бывает со стукачами.

— Вот, познакомься, это Анна Леонидовна. Она хочет взять тебя под свою опеку. Рядом с Тамарой будто взорвалась граната: в ушах свистело.

— Анна, я говорила вам про шрамы, поэтому девочка закрывает шею, — голос Валентины Семеновны доносился откуда-то издалека. — Корсакова, сними шарф.

А, вот и оно. Теперь понятно. В этот день не могло случиться ничего хорошего. Не с ней. Сейчас красotka ахнет, поморщится и деликатно выкрутится. Тамара отлично знала, какое впечатление производят ее ожоги. Тетка одумается, попросит белобрысого ангелочка из дошколят. Или смазливую Кристинку, раз уж потянуло на подростков. Наверное, не хочет, чтобы мелкие испортили интерьер.

Девочка открыла шею и, не мигая, уставилась в окно. Не станет она никого жалобить.

— Это не имеет значения, — спокойно произнесла посетительница.

Голос у нее был такой же, как и вся она: мягкий, певучий. Тома с недоверием посмотрела на женщину. Та встретила взгляд ровно, даже доброжелательно. И совершенно не тарасилась на шрамы.

— Ты согласна пойти со мной? — Анна Леонидовна коснулась Тамариной руки.

Она что, шутит? Куда угодно, хоть на край света! Неужели это не сон? Неужели она больше никогда не увидит Кирилла и дедов?

— Да, — как можно безразличнее ответила она вслух и пожала плечами.

— Могла бы полюбезнее, — пророчала Валентина Семеновна.

— Нет-нет, я понимаю. Ведь мы незнакомы, — загадочная красавица чуть наклонила голову. — Я много слышала о тебе, а ты даже не знаешь, кто я. Не хочешь пройтись?

На мгновение Томе почудился странный, едва уловимый акцент.

— Где? — спросила она.

— У вас в саду. Такой теплый вечер.

— Может, завтра? — встряла Валентина Семеновна. — У детей скоро ужин.

Еще бы директорша не заволновалась! Назвать их двор садом мог только очень воспитанный человек. Вчера опрокинулась одна из лавок, детская песочница пустовала год, а от качелей и вовсе остались одни палки. Кто ж показывает такую разруху богатым гостям?

— Ничего, мы ненадолго. Пусть ей оставят порцию в столовой. К тому же я привезла угощение. Вот, возьми, — Анна Леонидовна извлекла из сумочки красивую золотистую коробочку.

Вот это да! Теперь будет, что предъявить дедам! Как бы у них только рожи не треснули от импортного шоколада. У Валентины Семеновны такого не водилось. И Тома вцепилась в подарок.

— У тебя, наверное, много вопросов? — мягко спросила гостя, когда входная дверь на скрипучей пружине захлопнулась за ними.

Вечер выдался тихий и безветренный, опускалась роса, стрекотали кузнечики. Комары жадно облепили Тамарины ноги, в июне их всегда была прорва. Девочка прихлопнула одного на щеке.

— Почему вы захотели взять именно меня?

— Ты особенная. Я знаю это. Умная и талантливая.

— Все ясно. Конкурс чтецов?

— Да, я слышала о нем. Удивительно, правда? У тебя отличное произношение. Я верю, это не просто так. Хочешь один секрет?

— Конечно.

— Ты никому не расскажешь?

Тома криво усмехнулась.

— Могила.

— Мы полетим в другую страну. Английский тебе пригодится.

— Что?! — девочка опешила. — Но ведь документы оформлять гораздо дольше, и только если вы хотите временную опеку... И загранпаспорта у меня нет.

— Обо всем уже позаботились. Я умею решать бумажные проблемы, — улыбнулась незнакомка.

Легкий ветерок донес до Тома изысканный аромат. Такой тонкий, чуть фруктовый. Ей показалось, что она в жизни не чувствовала ничего приятнее, захотелось внюхаться, но она сдержалась.

— И куда вы меня повезете?

— В Швецию. На остров Линдхольм.

— Никогда не слышала о таком.

— О нем почти никто не слышал. Он частный. Там находится пансион профессора Эдлунда.

— Опять в интернат?

— Это школа для особых детей. И я буду там с тобой.

— Особых? — Тома сдвинула брови. — Слушайте, я хватаю, конечно, тройки по физике там или математике. Но я не особая, у меня с головой все в порядке.

— Тамара, я неправильно выразилась. Особых — в смысле одаренных. Талантливых, понимаешь?

— Думаете, я туда подойду?

— Я чувствую твое недоверие. Положись на меня: все будет в порядке. Там учатся дети из разных стран, тебе будет интересно. Или ты хочешь остаться здесь? — Анна Леонидовна кивнула в сторону обшарпанного здания.

Тома подняла голову: в горящих окнах спален маячили силуэты детей. Каждое появление потенциальных родителей вызывало здесь ажиотаж. Детдомовец готов был пойти на любой трюк: распахнутые с надеждой глаза, слезы, жалобный голосок, трогательный стишок, хватание за подол, — все, что угодно, лишь бы забрали именно его. Конкурентов распахивали не на жизнь, а на смерть. Стоит Тамаре зазеваться — в секунду кто-нибудь заставит красивую гостью поколебаться. Разинул клюв — торчи здесь до победного. Кирилл Осипов, его шайка, Стрельцова с Липкиной. Тома вздрогнула.

— Что вы. Поеду, куда скажете.

— Пусть это пока будет нашим секретом, ладно?

— Заметано.

— Я хочу доверить тебе одну книгу. Она небольшая, но очень интересная. Прочитай сегодня на ночь, а завтра мы поговорим, — Анна Леонидовна достала из сумочки небольшую книгу в яркой красной обложке.

— Конечно, — кивнула Тома.

Уж слишком доброй выглядела эта женщина. Неспроста. Тома покосилась на спутницу. Секреты, книжка, пансион... Ну, точно. Секта. А, наплевать. Всяко лучше, чем терпеть издевательства.

Анна Леонидовна тронула Тому за плечо, развернулась и пошла к воротам, оставив после себя еле ощутимый шлейф духов. Девочка прихлопнула очередного комара и поспешила внутрь.

Тома уже не рассчитывала на ужин, но Лиза Тимохина ждала ее в спальне с тарелкой трески и стаканом компота. Остальные с любопытством взирали на ту, ради которой расстаралась директриса.

— Кто к тебе приходил? Степанчук говорит, тебя забирают, — заговорила Лиза, пока Тома пережевывала холодную вареную рыбу.

— Вроде того, — Тамара вытащила застрявшую косточку.

— Да ты что? Правда?

— Откуда мне знать. Говорит, что завтра мы уезжаем. Чего загадывать. Может, у нее не все дома.

— А она видела?.. — Лиза потянулась рукой к своей шее.

— Видела. Ноль эмоций.

Тома подняла глаза: вокруг ее койки уже толпились соседки.

— А ты вещи собрала? — спросила Катя Порываева.

— Не-а. Пусть сначала приедет. Да и вещей-то у меня..., — Тамара вытряхнула в рот из опустевшего стакана размокшие изюминки. — Ладно, пошла стирать.

И отнести конфеты дедам — но об этом лучше пока ни слова.

Выполнив все обязанности перед Стрельцовой и Липкиной, Тома улеглась в кровать и подождала, пока остальные заснут. Потом вытащила свой допотопный мобильник, накрылась с головой одеялом, и, подсвечивая фонариком, раскрыла книгу, которую дала ей Анна Леонидовна. Название «Дети Солнца» укрепило подозрения насчет секты. Ни издательства, ни года выпуска — только кружок с лучами. Плотные мелованные страницы приятно поскрипывали и пахли свежей типографской краской. Тома провела пальцами по прохладному глянцу и принялась читать.

Дети Солнца

Давным-давно, когда наш мир только обретал свои очертания, а человек жил в гармонии с природой, существовали те, кто обладал Тайным Знанием. Одни народы называли их шаманами, другие — жрецами, но всех их объединяла печать Солнца. Поскольку рождались они лишь в дни Солнцестояния. Зимнего, когда самая долгая ночь в году окутывала Землю, или Летнего, когда ночь была короче остальных. И потому тех, кто ведал неведомое, считали детьми Солнца.

Летние предчувствовали смену погоды, помогали охотникам выйти на след добычи, земледельцам — получить большой урожай, а рыбакам — отыскать удачное место для богатого улова. Летние знали, где лучше рыть колодец, ориентировались по звездам и вели путешественников.

Зимние владели мастерством целителей, лечили свой народ, защищали от болезней и мора. Самых сильных воинов воспитали Зимние: нашептывали секреты побед, вселяли отвагу.

Со временем обычные люди испугались того, что было им неподвластно. Детей Солнца объявили колдунами, ведьмами, еретиками и чернокнижниками. Правители утрастились собственного бессилия. И Детям Солнца, избежавшим костров и осиновых кольев, пришлось уйти в тень.

Тайные знания, призванные помогать людям, во время гонений утратились, уступив

место одной лишь способности: дару скрываться. Природа щедро наделила им своих служителей, защитила потомков Солнца. Летние стали Звероликими, научились принимать облик животных и птиц, рыб и насекомых. Зимние, рожденные долгой и темной ночью, обрели умение превращаться в других людей, сделались Иноликими.

Долгими столетиями скрываются дети Солнца от людей, хранят тайну своего дара и рождения. Никто не знает, сколько их осталось, где они живут, ведь простому человеку не под силу разглядеть под шкурой лисы или медведя, под личиной старика или ребенка наследника древнего рода самого Солнца.

Тома перевернула страницу — дальше шли легенды народов мира о волшебных многоликих существах: о кицунэ[1] и волколаках, о келпи[2] и оборотнях. Но было уже поздно, нестройным хором сопели и всхрапывали соседки по комнате. Глаза слипались, читать не было сил. Тамара не знала, зачем ей эти сказки, но обещала себе пролистать с утра, чтобы быть во всеоружии.

[1] В японской мифологии — лиса-оборотень.

[2] В шотландской мифологии — водяной дух, способный принимать облик лошади.

Потом девочка достала из ящика мамину фотографию. Единственная памятная вещь, выпрошенная у директрисы. Мутноватый снимок с заломами, истрепанными махровыми краями. Это был ежевечерний ритуал. Тома не могла лечь спать, не поцеловав маму. Точнее, то, что от нее осталось. Погладила улыбающееся лучистое лицо, бережно вложила карточку в новую книгу и убрала на тумбочку. Потом поерзала немного в провисшей кровати, стараясь не скрипеть, устроилась в ямке и уснула.

Ей снился темный, ночной лес, кругом горели костры, шипя и выпуская снопы искр. Она металась между ними, казалось, пламя вот-вот охватит и ее. Сердце бешено колотилось, живот скрутило в тугой комок, было липко и душно, но она не могла найти выход. В треске сухих веток ей послышался шепот, кто-то звал ее по имени. «Тома, Тома...» Она оборачивалась: никого, а огненные языки уже щекотали кожу...

Тамара резко открыла глаза, но сон не кончался, прямо перед ее лицом колыхалось пламя. Она содрогнулась и закричала так громко, как не кричала никогда. Пыталась отползти назад, вжимаясь в холодные металлические прутья, и тут на нее обрушился хохот. От неожиданности она замолчала и сумела, наконец, отвести взгляд от пугающего огня: около ее кровати стояли Осипов и двое его дружков. Кирилл держал в руках горящую книгу с легендами и гадко ржал.

— Дебил, что ты наделал! — взвизгнула Тома.

Обугленная карточка, лежащая между страниц, спланировала, покачиваясь, на пол. Кирилл со злорадной ухмылкой опустил полыхающий томик в жестяное ведро и выждал, пока тот догорит до конца. Соседки по комнате сидели в своих кроватях и не решались влезть.

Тамара справилась с испугом, дрожащими руками подняла мамину фотографию. Та половина, на которой было самое родное на свете лицо, превратилась в черную труху. Тома подняла на Кирилла полные слез и злости глаза.

— Это была моя мама, ублюдок, — прошептала она.

Парень замялся. Он хотел, как обычно, поиздеваться, но здесь, в детдоме, родители были неприкосновенны. Тамара рванула с места, накинулась на гаденьша. С размаху расцарапала ему щеку, потом вцепилась намертво, и он, опешив, рухнул вместе с ней на пол. Она уселась сверху, молотя без разбора кулаками.

— Не-на-ви-жу! — в такт ударам кричала она, глотая слезы. — Не-на-ви-жу!

Начинало светать. На шум прибежали дети из соседних комнат, в дверном проеме призраками белели ночные рубашки. Дружки Осипова пытались оттащить Тому от Кирилла, но она, задыхаясь в истерике, билась, размахивала всеми конечностями, норовя снова до него дотянуться.

— А ну тихо! — грянул над всеми голос нянечки из младшей группы.

Тучная, с растрепанными клоками морковных волос, она прошаркала к эпицентру драки и смачной оплеухой заставила Тому замолчать. Девочка сникла, обхватила колени руками, подрагивая и всхлипывая. Кирилл поднялся с пола. Его лицо пересекали четыре багровые царапины, футболка была разодрана.

— Что здесь жгли? — нянечка принялась, отпихнула парня от кровати и обнаружила ведро с черными хлопьями. — Какой придурок устроил костер, я спрашиваю?!

Голова одного из приятелей Кирилла дернулась в сторону зачинщика.

— Осипов... — протянула она. — Ты у меня пожалеешь. Ты даже представить себе не можешь, что я тебе устрою. Марш вниз, к завхозу! Сядешь в коридоре и не пикнешь, пока он не придет. Вы оба — вперед за швабрами, и чтобы до завтрака этот этаж блестел.

— А че я?.. — возмутился дружок Осипова.

— Охота препираться? — тетка уперла руки в боки.

— Да ладно, идем уже. Че сразу начинать...

— Чокать он мне будет! Ну, а ты, моя дорогая, к Валентине Семеновне.

Тома встала, шмыгнула и вытерла нос запястьем.

— Живо! — нянечка толкнула ее в плечо.

Пихнув ноги в шлепанцы, Тамара поплелась в учительское крыло. После драки на нее нахлынула полнейшая апатия. Пусть делают, что хотят. Мамы больше нет — даже такой, на снимке. Книгу спалили, и странная женщина наверняка пойдет в обратку. Сейчас еще от директорши попадет. Тома плюхнулась на обитую холодным дерматином лавку и опустошенно уставилась на стену напротив. В том году протекала крыша, штукатурка пошла трещинами. Потом рабочие подлатали и покрасили уродской розовой краской прямо поверх сколов. Кого хотели этим обмануть? Как будто в новом цвете стена перестала быть обшарпанной.

Вокруг двери с золоченой табличкой громоздились рамочки с фотографиями. Елки, хороводы, праздники, довольные дети с игрушками. Просто конфетка, а не интернат. Тома фыркнула. И тут ее пронзила внезапная мысль. Если сегодня Анна Леонидовна все-таки увезет ее в эту Швецию или Швейцарию, — куда там она собиралась, — то как же потом разузнать про маму? Тамара всегда планировала забрать свое личное дело после выпускного, а теперь? Кто знает, что случится за эти несколько лет, что ее не будет? Передадут в какой-нибудь архив, потеряют... Рисковать нельзя. Надо стащить бумаги, пока не поздно. Все равно Валентина Семеновна придет не раньше девяти. Времени вагон. Осталось добыть ключ.

Звук собственных шагов казался Томе слишком шумным в окружающей тишине. Тапки отрывались от пяток и громко шлепали по ступенькам. Она старалась аккуратно переставлять ноги, поэтому спуск был долгим. Перед дверью в каморку охранника задержалась, лихорадочно соображая, что наплести. Кивнула самой себе, шагнула внутрь. Тот, как обычно, дрых под пледом на скособоченной тахте.

— Иван Саныч, Иван Саныч! — испуганно затараторила Тома.

— Чего? — недовольно буркнул он.

Пришлось изображать божьего одуванчика. С училками этот фокус бы не сработал, а мужика было разжалобить легче.

— Там кто-то ходит... На улице... Я выглянула в окно... Иван Саныч, мне так страшно... Вчера показывали в новостях, что в Твери орудует маньяк... Пожалуйста, посмотрите, я Вас умоляю!

— Какой маньяк, у нас ворота заперты, — небритое помятое лицо окатило ее вонью нечищенных зубов.

— Ну, пожалуйста! Он заглядывал в окна!

— Ладно, — он закричал и сел. — Но если это ваши приколы...

— Какие приколы в шесть утра!

Иван Саныч встал, потер поясницу и заковылял на свой пост, к мониторам видеонаблюдения. Тома подхватила директорский ключ с крючка, сжала в кулаке за спиной. Охранник поворчал, вернулся досыпать, и она смогла подняться наверх.

Там, оглянувшись по сторонам, проникла в кабинет, не веря, что все вышло так просто. Может, давно пора было это сделать? И просто сбежать отсюда? Взгляд суетливо метался по шкафам. С чего начать? За стеклом какие-то книги, больше для красоты, чем для чтения. Сувенирные фигурки, дипломы, герань... В столе? Вряд ли. Места не хватит. Распахнула нижние дверцы книжного — картонные коробки, конфеты... В раздумье опустилась на корточки и увидела железную тумбу в углу у окна. Самое то, вот только замочные скважины на ней — не к добру. Заранее ни на что не рассчитывая, Тома все же подошла и дернула ящик. Другой, третий... Так и есть. Все заперто.

Кусая губы, пыталась сообразить, где ключи. На столе в канцелярской подставке среди прочей мелочевки лежали скрепки. А если попробовать?.. Но тут за дверью раздался голос директрисы. Откуда она здесь в такую рань?!

Тома понимала, что в сказку вроде «заблудилась» или «зашла случайно» никто не поверит. Нужен был достоверный повод. Схватила первую попавшуюся коробку конфет и нарочито плохо спрятала ее под пижамную футболку.

— Я что, не заперла вчера?.. Проходите, пожалуйста, — Валентина Семеновна пропустила вперед вчерашнюю гостью. — Корсакова?! Что ты здесь делаешь?

— Ой, простите... Я... Случайно... А почему вы так рано?..

— Спрашивать буду я! Ну-ка, что это у тебя?

— Ничего...

— Доставай сейчас же!

Тома, опустив глаза, вынула красную коробку с нарисованными розами.

— Так... Воруем, значит. Анна Леонидовна, извините, что вам пришлось это увидеть. Но я даже рада: подумайте еще раз, стоит ли...

— Я уже приняла решение, — твердо перебила директрису посетительница. — Тамара сегодня же уедет со мной.

— Валентина Семеновна, простите, меня пригнали к вам за драку. Было не заперто, и я подумала, что хорошо бы угостить всех на прощание...

— Тебе же подарили вчера конфеты!

— Я их съела ночью. Все равно бы не хватило...

Начальница интерната в нерешительности переводила взгляд с девочки на богатую кандидатку в опекуны.

— Ладно, Тома. Иди, собирай вещи, — наконец, произнесла она. — Что хоть за драка?

— С Осиповым.

— Из-за чего?

— Ну... Как обычно.

— Бог с тобой. Иди, не хочу ругаться напоследок. Но вам, Анна Леонидовна, я бы советовала хорошенько...

Тамара не стала дослушивать до конца. Отныне эта красивая, элегантная женщина, будет считать ее воровкой. Наверное, станет прятать от нее свои украшения. Странная она все-таки. Зачем ей такая проблемная девчонка?

Соседки уже не спали после утреннего скандала. Как только Тома появилась на пороге, разговоры стихли, и все повернулись к ней.

— Что было? — не удержалась Лиза Тимохина.

— Ничего, — дернула плечом Тамара. — Меня забирают.

— Да ладно! Менты из-за какой-то драки?

— Не менты. Опекунша.

Тишина. Скрипнув дверцей, Тома открыла шкаф и принялась выгружать одежду. Это заняло от силы минуту. Ну, и в тумбочке еще несколько книг, кислотно-зеленый заяц и тетради. Щедрые благотворители редко совались в эту дыру.

— Ну вот, — произнесла она, наконец. — Ни у кого нет пакетика?

— Слушай, я так за тебя рада, — Лиза первой пришла в себя. — Просто так неожиданно... Поздравляю и вообще.

— Удачи тебе. Не забывай нас. Держись там, — посыпались разрозненные напутствия.

— Угу, — кивнула Тома. — Лиз, можем поговорить?

— Сек, — соседка обулась.

Они пошли в дальний конец коридора, чтобы наверняка оторваться от любопытных ушей. У подоконника с субтильными цветами, свесившими вниз длинные бледные листья, Тимохина остановилась и вопросительно взглянула на подругу.

— Раз уж я уезжаю... Ну, кроме тебя тут ко мне, вроде как, никто нормально не относился... Короче, хотела тебе кое-что отдать, — Тома протянула Лизе потемневший от времени ключ.

— Что это?

— От подсобки трудовика. Там табуретки старые, столярка... Барахло одно. Он там редко бывает. Если надо будет где-то отсидеться...

— Так вот, где ты пропадала! А я все думала, может, в туалете или с мелкими... Спасибо.

— Только ты это... Не говори никому. Ну чтобы место не профукать.

— Ты что! Такая вещь! Только у меня для тебя ничего нет.

— Ерунда, — Тома неуклюже похлопала Тимохину по плечу но та полезла обниматься.

Ощущения были странными, Тамара ни к кому не была так близко, как сейчас. Ну, кроме драк. Она замерла, но потом все же сомкнула руки у Лизы за спиной. Обе чувствовали себя неловко, поэтому объятия длились недолго. Тимохина отлепилась первой, благодарно кивнула и, не оборачиваясь, вернулась в спальню.

Тома растерянно смотрела ей вслед. Каждый детдомовец мечтает о моменте, когда его заберут из ненавистных стен. У Тамары было вдвое больше причин бежать отсюда, сверкая пятками. И она совсем не ожидала, что перед отъездом вдруг почувствует что-то, похожее на

сожаление.

— Уже попрощалась? — из раздумий ее вырвал мягкий женский голос.

— Анна Леонидовна? Пора идти? Я готова. Только переоденусь в уличное.

— Нет-нет, не торопись. Мне осталось уладить кое-какие дела с документами. — Я знаю, что произошло утром. Почему ты ничего не сказала про огонь?

— Стукачей бьют.

— Кого? — Анна Леонидовна наморщила лоб.

Боже, неужели она настолько рафинированная, что даже слова этого не знает?!

— Ну, ябед. Тех, кто жалуется.

— Ясно. Что он сжег?

— Вашу книгу. Я не успела дочитать.

— Не страшно. Что еще? — допытывалась опекунша.

— Ну... фотографию моей мамы. Единственную.

— Ты поэтому была в кабинете? Я сразу не поверила в историю про конфеты.

— Да. Хотела стащить личное дело. Долгая история. Вы не волнуйтесь, я не воровка. Не собираюсь тырить у вас деньги и все такое.

— Я верю. А ты не думала просто попросить?

— Давно как-то. Она выдала только эту фотографию, рассказала про пожар. Я знаю, у нее там что-то еще есть. Но она говорит, что тема закрыта.

— Понятно. Хорошо, собирайся и жди меня у выхода, — Анна Леонидовна развернулась, но Тома окликнула ее.

— Погодите... А вы... вы разве не будете меня ругать?

— И не подумаю, — улыбнулась женщина и, как ни в чем не бывало, зашагала к лестнице, постукивая каблуками.

Даже если она из секты, в чем Тома уже сомневалась, жить у нее будет не так плохо.

Спустя полчаса девочка переминалась с ноги на ногу у поста охранника, сжимая в руках два шуршащих пакета с наполовину стертými надписями. Ожидание казалось невыносимо долгим, где-то в глубине ворочалось и разрасталось подозрение: вдруг передумает? Вдруг за забором уже нет той красивой иномарки?

Но Анна Леонидовна появилась. Она шла, подняв подбородок, ровно и невозмутимо. Походка у нее была такая, что ей смело можно было поставить на голову поднос с хрустальной вазой — все сохранилось бы в целости. Рядом с подобострастной улыбкой семенила директриса. Гостья определенно была важной шишкой: Тамара еще не видела у начальства такого услужливого выражения лица.

— Ну, Томочка, я поздравляю тебя с новой семьей! — Валентина Семеновна влажно расцеловала воспитанницу в обе щеки.

Вполуха Тома выслушала безликие наигранные пожелания, окинула взглядом холодный от ламп дневного света коридор, кафель, знакомый до последней щербинки, стол охранника, на котором когда-то нацарапали гвоздем неприличное слово, а потом залепили наклейками с бабочками. Их, правда, все равно называли, мягко выражаясь, «хреновые бабочки», потому что каждый интернатовец старше десяти знал предысторию.

Больше она сюда не вернется. Никогда. Тамара вышла на улицу. Ржавая пружина входной двери в последний раз проскрежетала у нее за спиной. Солнце уже поднималось над каштанами, из распахнутых окон доносились детские голоса: после ночи проветривались спальни младших. На другом этаже толпились за стеклом ее ровесники. Тома махнула им

рукой, они замахали в ответ. Кирилла не было видно, и Тамара очень надеялась, что он сейчас по полной огребает от завхоза.

Анна Леонидовна подошла к машине, достала ключ — фары вспыхнули, щелкнули замки.

— Садись назад, до Москвы ехать долго. Ты, наверное, не выспалась сегодня.

— Шутите? Не думаю, что смогу уснуть.

Но Тома все же подчинилась, ей хотелось произвести самое благоприятное впечатление, если это было возможно после утренних событий. Какое-то время они ехали молча, потом Анна Леонидовна вырулила на трассу до Москвы.

— Куда мы сейчас?

— Я же говорила: полетим в Швецию, — опекунша взглянула на Тамару через зеркало заднего вида. — В шесть у нас самолет до Стокгольма. Если успеем, купим тебе одежды. Я бы предпочла шопинг там, на месте, но мы прилетаем вечером, надо будет сразу плыть в пансион.

— Ясно.

— Тебе не верится? — глаза в зеркале мягко прищурились: женщина улыбалась.

— Не очень, если честно.

— У меня есть для тебя сюрприз. Посмотри в бумажном пакете. Там, рядом с тобой.

Девочка нерешительно заглянула в дорожную картонную сумочку с ручками-ленточками, — даже про себя она не могла назвать это произведение искусства пакетом, — и увидела грязно-белую папку. Достала — и обомлела: «Личное дело № 30386-Д — Корсакова Тамара Андреевна, 21.06.2002».

— Но откуда?.. Неужели она Вам отдала?.. Нет, не может быть...

— Ты права. Она не отдавала.

— Неужели?..

— Пусть это останется нашим маленьким секретом, — Анна Леонидовна подмигнула. — Ты рада?

— Я?! О, Господи, конечно, рада! Я счастлива! Нереально! Спасибо вам огромное!

— Хорошо. Можешь пока почитать, а мне лучше сосредоточиться на дороге.

У Тома пульс звенел в ушах от волнения. Дрожащими пальцами она погладила канцелярский картон, развязала серые веревочки и раскрыла папку. Ее фото, анкета, прививки, характеристика, даже грамота за конкурс чтецов. Копии документов и прочее барахло... Вот! Выписка из больницы, свидетельство о смерти матери... Желудок сжался, к горлу подкатил комок тошноты. Тамара через силу сглотнула и сжала челюсти: старый прием. В детдоме рвоту заставляли убирать самих, поэтому она предпочитала сдерживаться. Во рту остался горький привкус желчи.

— Ты в порядке? — брови Анны Леонидовны сдвинулись.

— Да. Кажется.

— У тебя... Как же это... Морская болезнь?

— Я не завтракала. Все нормально, уже прошло.

Но опекунша все же заехала в придорожное кафе с манящим названием «У Володи», с трудом найдя место на обочине между фурами. Дальнобойщики здесь останавливались вздремнуть и перекусить. Хозяин Володя оказался бородатым осетином Вариком, который, как и директриса, попал под обаяние Анны Леонидовны, рассыпался в комплиментах и лично подал на их столик свежие круглые лепешки с зеленью.

— Не хочешь рассказать мне про маму? — женщина тщательно изучила кусочек выпечки, прежде чем отправить его в рот.

— Нечего рассказывать, — Тома успела запихать за щеку четверть лепешки и теперь с усилием ее проглотила. — Мне было два года, я ничего не помню. Знаю, что мы жили в кирпичном доме. Ночью начался пожар. Когда приехали пожарные, я лежала на снегу с ожогом на шее, а мама осталась там... Ее тело обнаружили потом.

— А другие родственники? Больше у тебя никого нет?

— Вместо отца в моем свидетельстве стоит прочерк. Отчество, видимо, досталось от деда. Больше я ничего не знаю. Вроде, есть в Москве какие-то родственники. Но раз меня решили оставить в детдоме, то мне они никто. Вот и все, — Тамара старалась говорить ровно, без эмоций.

— И зачем тебе личное дело?

— Мне не нравится история с пожаром. Вырасту — и найму сыщика. А пока пусть материалы будут у меня.

— Логично.

Анна Леонидовна не стала давить с расспросами, они спокойно закончили завтрак и до Москвы едва перебросились парой фраз.

Тома углубилась в старые ксерокопии. К счастью, тот, кто вел архив, для верности переснял все: и отчет пожарных, и документы на дом. Чьи-то размашистые каракули на копиях стали совсем черными, буквы сливались. И все же главное ей удалось разобрать: возгорание произошло ночью на втором этаже, в спальне. То есть плиту сразу можно было отбросить как причину. О проводке речи тоже не шло: судя по протоколу осмотра, в тот день весь поселок был без света.

Внимание Тома привлекло заключение милиции. Якобы в руках найденного тела Корсаковой Елены Андреевны был нож. Зачем человеку нож во время пожара? Более того, откуда он взялся в спальне? Теперь Тамара была уверена на все сто: маму убили.

Но кто? И почему? Никаких улик. И снимки плохого качества — только копии. Страшные, расплывчатые, похожие на фотороботы портреты ее мамы.

— Мы почти приехали, — голос Анны Леонидовны вернул Тому в реальность.

Девочка посмотрела наружу: от деревень не осталось и следа. За пыльными серыми ограждениями сустились люди, возвышались высотные новостройки с пустыми глазницами окон, краны, вывески.

— Не знаешь, где здесь можно купить приличную одежду?

— Я в Москве была дважды: на экскурсии в Кремле и елке. По магазинам нас не водили.

— Точно, прости. Давай остановимся здесь.

Они зашли в сияющий стеклом и хромом торговый центр. Тома сначала жалась, стеснялась что-то выбирать, но Анна Леонидовна с такой беспечностью кидала в корзину новые и новые вешалки, что девочка под конец освоилась, и сама выбрала толстовку с высоким воротом, пару бандан для шеи и узкие джинсы. Ворох вещей заботливо разложили по пакетам, потом были куплены средства гигиены и даже туалетная вода, а довершением праздника жизни стали вместительный чемодан и рюкзак, куда были упакованы все обновки.

Тома сразу же переделалась в новые штаны и футболку, шикарнейшие замшевые кроссовки, как в рекламе, и поскольку время позволяло, опекунша настояла на визите к

парикмахеру. Уроливо обрезанным волосам придали молодежной небрежности, и Тома почувствовала себя готовой на все ради милейшей женщины, которая появилась в ее жизни меньше суток назад.

— У тебя есть какое-нибудь увлечение? — спросила Анна Леонидовна. — Чтобы занять себя в свободное время? У нас, конечно, есть библиотека и настольные игры, но вдруг тебе захочется заниматься чем-то своим.

— Ну... Я рисую иногда. Не так, чтобы профессионально... Но мне нравится...

— Поняла, — Анна Леонидовна сосредоточенно кивнула и повела ее в «Мир хобби».

— Смотри, какой красивый!

И она протянула девочке толстый альбом с бабочками и сердечками.

— Здорово, — без энтузиазма протянула Тома.

— Ну, ладно. А если этот? С котятами?

— Мне четырнадцать.

— Выбирай. Любой.

Тома подошла к стеллажу, пробежалась по нему взглядом и вдруг наткнулась на черный, нарочито состаренный альбом для скетчей в кожаной обложке. Он напоминал книгу заклинаний, и потому вызывал благоговейный трепет.

— Отличный выбор, — Анна Леонидовна положила альбом в корзину, а вместе с ним немецкие акварельные карандаши в жестяной коробке и здоровенное пособие для начинающих художников.

Когда с покупками было покончено, путешественницы устроили себе привал в ресторанном дворике.

— Вы хорошее себя чувствуете? — занятая гамбургерами, Тамара не сразу заметила бледность на лице своей благодетельницы.

— Немного устала, — уголок губ приветливо дернулся вверх, но глаза Анны Леонидовны выдавали измотанность.

Вид опекуни вызывал у Тома опасения, но не прошло и десяти минут, как она вновь отвлеклась на новенький альбом и предстоящий перелет в другую страну. После перекуса они доехали до Шереметьево, сдали машину в прокат и отправились на регистрацию. В очереди женщина вдруг вцепилась в локоть Тома.

— Что случилось? — по спине Тамары пробежал неприятный холодок.

— Голова немного кружится. Скоро пройдет, — и Анна Леонидовна пробормотала что-то непонятное.

Переспрашивать и лезть не хотелось, к тому же вокруг все завораживало. Электронные табло, люди в красивой форме, иностранцы и чемоданы с бирками. Тома с удивлением осознала, что она здесь в своей тарелке — от ее волос теперь приятно пахло фирменным шампунем, да и бандана на шее казалась стильным аксессуаром.

Непривычно и увлекательно было проходить сканирование, стоя босиком на нарисованных следах, а уж зона Дьюти Фри... Глаза разбегались. Томе и в Кремле-то понравилось меньше, чем в Шереметьево. Она в волнительном предвкушении прижалась к стеклянной стене, за которой проплывали и взлетали самолеты. Это зрелище вызывало у нее больший восторг, чем у других детей. К примеру, девочка лет семи на соседней скамье равнодушно играла в планшет.

Наконец, объявили начало посадки, симпатичный мужчина в пиджаке проверил талоны, и Тома прошла по самому настоящему тоннелю в салон. Она не знала, что вот так можно

попасть на борт. По телевизору она видела, как всякие знаменитости спускаются из самолета прямо по трапу, и надеялась, что будет карабкаться по ступеням и потрогает обшивку своими руками. Но и этот путь оказался удивительным: вроде идешь себе по обычному коридору, не выходя даже из здания, а потом один шаг — и ты уже внутри самолета. А стюардесса? Какие там певицы, модели... Фуфло. То ли дело стюардесса: в ней прекрасно все. Безупречные туфельки, юбка, пиджак с вышитым логотипом, самая белая в мире блузка и аккуратный галстук. И лицо такое добродушное, с бархатными глазами олененка, приятное, как у снегурочки. Анна Леонидовна определенно могла бы стать стюардессой.

Томе досталось место у окна, но она все не сводила глаз с бортпроводниц, которые знаками разъясняли правила безопасности. Происходящее никак не укладывалось в голове. Потом начался разгон, девочка припала к иллюминатору: мимо понеслись деревья, ангары, толчок, — они оторвались, и Тамару наполнило до того непередаваемое огромное чувство, что грудь, казалось, вот-вот лопнет, как воздушный шарик. Деревья стали маленькими, машины превратились в едва различимые ползающие точки, высотки напоминали кубики крошечного конструктора. А самолет продолжал набирать высоту.

— Анна Леонидовна, посмотрите, мы над облаками, — прошептала Тома и повернулась к своей спутнице.

Но та сидела, безжизненно склонив голову на плечо. Веки были закрыты, лицо побледнело, под носом виднелась темно-алая капля.

— Анна Леонидовна! Что с вами?! — Тамара испуганно схватила женщину за плечо и потрясла.

— Что? — та с трудом разлепила глаза.

— Слава Богу! У вас кровь! Кажется, Вы потеряли сознание. Может, позвать стюардессу? Или нужно лекарство?

— Нет-нет, — Анна Леонидовна говорила тихо, но уверенно. — Не шуми. Пойдем со мной.

Она поднялась и, придерживаясь за спинки кресел, прошла через проход к туалету.

— Заходи.

Тамара шагнула следом и закрыла за собой дверцу на задвижку.

— Я думала, что смогу дотерпеть до пансиона, но... Профессор Эдлунд был прав насчет витаминов. Я не хотела показывать тебе все вот так, в спешке.

— Что происходит? — тревожно спросила Тома.

— Только пообещай не пугаться. Ты ведь успела прочитать первую легенду из книги? О детях солнца?

— Да, но какое это имеет...

— Не перебивай. Это не легенда. И я — одна из них. Из зимних.

— Вы же не собираетесь сказать, что умеете... Вот черт! — Тамара застыла, раскрыв рот.

Прямо на ее глазах лицо Анны Леонидовны трансформировалось. Кожа потемнела, радужные оболочки изменили цвет с голубого на зеленый. Брови стали гуще, губы — тоньше, роскошные каштановые волосы утратили глубокий оттенок и немного посветлели, став невзрачными. Тело ужималось: высокая красавица превращалась в худенькую миниатюрную женщину невыразительной внешности. В конце концов, ее передернуло, как мокрую собаку, на правой скуле появилась черная родинка и превращение остановилось.

Тамара смотрела на незнакомку: та стояла к ней вплотную и утопала в одежде, которая пару секунд назад сидела идеально на Анне Леонидовне. Девочка побледнела, вцепилась в край раковины, чтобы не сползти по стенке.

— Что это было?.. — пролепетала она, еле шевеля губами. — Кто вы?

— Подожди минутку, — женщина достала из внутреннего кармана пиджака маленькие очки, нацепила их на нос и улыбнулась. — Так лучше. Приятно познакомиться, меня зовут Мила Вукович.

— Какая еще Мила Вукович? — Тома собралась с духом.

Бежать с самолета было некуда, но субтильная дамочка вряд ли умела драться лучше детдомовца. На всякий случай Тамара перенесла вес на левую ногу, чтобы если что как следует врезать правой.

— Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Я это все еще я, просто раньше была в другом облике, — успокаивающе проговорила незнакомка.

— Что это значит?

— Тамара, ты же читала легенду: тот, кто родился в день зимнего солнцестояния, может принимать облик других людей. Я — иноликая.

— Но это сказки! Чепуха какая-то... В чем фокус?

— Никакого фокуса. Это должно было произойти дома, в присутствии профессора Эдлунда. Но мой организм не выдержал такой долгой трансформации. Это отнимает много сил. Я могла даже впасть в кому.

— Бред! — Тома покачала головой. — Я все поняла. Вы накачали меня чем-то во время обеда. Подбросили что-то в воду... Я не знаю, как это делается. Но явно...

— Да нет же! Послушай, все именно так, как я говорю, пусть и кажется безумием.

— Не верю. Какой-то пансион, Швеция, профессор Эдмунд...

— Эдлунд.

— Неважно! Может, вас вообще не существует? Может, меня из интерната перевезли в дурдом, и все это — просто глюк? — девочка больно укусила себя за запястье и проверила: на коже остались вполне настоящие вмятины от зубов.

— Это нелегко принять, — вздохнула бывшая Анна Леонидовна. — Обычно такие, как мы, растут в семьях, воспитываются с рождения и момент, когда способность проявляется, встречают подготовленными. У тебя все было иначе. И я даже представить себе не могу, что ты сейчас чувствуешь.

— Мне плевать, что у вас, психов, там творится. Я к этому не имею никакого отношения. Верните меня обратно в интернат. Или я просто сбегу, как только мы окажемся на земле.

— Дело твое, но я бы... — Мила Вукович не успела договорить: в дверь туалета настойчиво постучали. — Придется уступить кабинку. Если ты обещаешь вести себя прилично, мы вернемся на наши места, и я все объясню. Дальше будешь решать сама.

Тамара смерила незнакомку скептическим взглядом. Эта миниатюрная невзрачная женщина сильно напоминала мышь. Ладно, хуже не будет, да и деваться некуда. Пусть расслабится, потеряет бдительность, тем проще будет потом слинять.

— Хорошо, — Тома кивнула.

— Погоди секунду, у меня сползают брюки.

Действительно, наряд на этой Вукович висел мешком. Она подвернула штаны, подтянула пояс и закатала рукава. Вышло пристойно.

В самолете никто не заметил, что в туалет зашла одна женщина, а вышла другая. Потревожив грузного мужчину в наушниках, который к тому моменту уже успел задремать, они пробрались к своим креслам. Тома скрестила руки на груди и выжидательно уставилась на спутницу.

— С чего бы начать... — протянула та. — Видишь ли, я никогда еще не рассказывала кому-то о нас. Все, с кем мне приходилось иметь дело, знали о своей сущности с пеленок. Итак. Никому неизвестно, правда ли то, что описано в легенде, до конца. Насчет тайных знаний, например. Но то, что есть люди, способные менять облик, ты теперь видела сама. Мы называем себя перевертышами. Рожденные в день зимнего солнцестояния превращаются в других людей, в день летнего...

— В зверей. Я прочитала. И что, хотите сказать, что вы вот так запросто можете превратиться в любого человека?

— Нет. Не запросто. Способность к трансформации появляется в подростковом возрасте. До этого есть только некоторые признаки. Например, перевертыши легко учат другие языки. Русский я выучила лет десять назад за несколько месяцев.

— А разве Вы не русская?! — изумилась Тома.

— Нет. Я хорватка. Но в России бывала, у меня даже есть друзья в Санкт-Петербурге. Так вот, зимний перевертыш в свои четырнадцать-пятнадцать лет не может сразу превратиться в другого человека. Он может менять внешность только частично. Цвет волос, глаз, форму носа. И только в рамках генетической предрасположенности.

— Что это значит?

— Ну... Он может имитировать только внешность своих родителей и предков. Например, если мама была рыжей, то и молодой перевертыш может на время сделать свои волосы рыжими. Но у него не получится придать коже темный цвет, если в роду у него не было темнокожих. Понимаешь?

— Кажется, да.

— Со временем, после долгих тренировок, ученики осваивают полную трансформацию. Тоже, как правило, начиная с кого-то из ближайших родственников. Но для того, чтобы принять облик другого человека, перевертыш должен получить частичку его ДНК. Кусочек волоса, чешуйку кожи. Только тогда организм считает информацию и сможет перевоплотиться.

— Вы даже научную базу под это подвели?

— Конечно. Профессор Эдлунд — генетик, ему крайне интересны эти процессы. Он изучает их много лет. Раньше думали, что чужой волос — это отголоски магических ритуалов. Но нет, оказалось, все довольно научно.

— Почему Вам стало плохо?

— Трансформация в чужого человека — неестественное состояние для перевертыша, на нее тратится много сил. Новичок сможет продержаться минут десять, опытный — около суток. Известны случаи сильных мастеров, которые перевоплощались на несколько дней, но это испортило им здоровье.

— А сколько часов вы были в образе Анны Леонидовны? И кто она такая? И что с ней сейчас?

— Вижу, тебе стало интересно, — улыбнулась Вукович. — Я перевоплотилась утром и продержалась весь день. Четырнадцать часов. Раньше у меня получалось лучше, поэтому я не взяла дополнительные витамины. Теперь придется восстанавливаться. А Анна Леонидовна Караваева — жена депутата. Поэтому с документами проблем не возникло. С ней все в порядке. Ты удивишься, как просто достать человеческий волос.

— А ее паспорт? Как Вы все это провернули?

— Пусть это останется в секрете. Тебе не надо вникать в детали. Главное, что ты теперь

едешь со мной в пансион Линдхольм. И я — твой законный опекун.

— Разве не Анна Леонидовна Караваева?

— Думаешь, я это не предусмотрела? Мы обе, у меня есть доверенность от нее. Тома задумчиво поднимала и опускала столик на спинке кресла впереди себя.

— Зачем все-таки я вам нужна? — спросила она после долгой паузы. — Только не надо про таланты. И что это за пансион на самом деле?

— Как, ты до сих пор не поняла? Когда день твоего рождения?

— Через две недели.

— Ты родилась двадцать первого июня.

— Знаю. И?

— Тамара! Это день летнего солнцестояния!

— Что? Я думала это середина лета, Иван Купала или... Подождите, — Тома отпрянула от собеседницы. — Вы намекаете, что я тоже из ваших?!

— Да.

— Тогда сразу можете про все забыть. Нет у меня никаких способностей. Мне исполнится пятнадцать, и поверьте, я бы заметила, если вдруг стала оборотнем.

— Не оборотнем, перевертышем.

— А, это сильно меняет дело.

— Послушай, я же объяснила, что способность проявляется постепенно.

— Ну, цвет глаз у меня не менялся, это уж точно. Или это у зимних? А у летних что — вырастают рога и хвост? — Тамара нервно хохотнула. — Бред сивой кобылы.

— Кого?

— Неважно. Бред.

— У тебя сложная ситуация. Ты росла вне семьи, не знаешь свой род, свой тотем, но профессор Эдлунд считает...

— Свой... что?! И какой на фиг профессор! Слушайте, я не собираюсь участвовать в этом дурдоме!

— Тише, на нас уже оборачиваются, — зашептала Вукович.

— Какой на фиг профессор! — шепотом повторила Тома. — Чихать я на него хотела. Хорватка посмотрела на девочку, как на умалишенную. Видимо, Тамара покусилась на святое.

— Не говори так, пока не узнаешь его, — губы перевертыша сжались в узкую ниточку.

— Это он настоял, чтобы тебя взяли из детского дома. И если хочешь знать, действительно нет никаких гарантий, что ты одна из нас.

— Вы же только что говорили, что я родилась на равноденствие...

— Солнцестояние!

— Какая разница! И если я не этот... как его... Короче, если все непонятно, то зачем Вы меня все-таки увезли? И что происходит в этом пансионе? Если ваш драгоценный профессор — генетик, значит, собираетесь опыты на мне ставить? Теперь ясно, почему русских детей не отдают иностранцам!

Вукович глубоко вздохнула и пробормотала что-то на незнакомом Томе языке.

— Тамара, тебе никто не желает зла. Пансион Линдхольм — это всего лишь школа. Колледж, если тебе угодно. Там учатся перевертыши со всего мира, потому что больше такой места нет. Нас осталось мало, каждого ценят и оберегают, невзирая на то, какой выбор он сделает потом.

— То есть каждого перевертыша обязаны отдавать вам?

— Нет. Есть те, кто не развивает свои способности, есть те, кто предпочитает оградить свою семью от остальных. Но это случается редко. Потому что те, кто учился в Линдхольме сам, привозит потом на остров своих детей. Основной курс обучения длится всего четыре года. За это время дети учатся владеть даром.

— Курс молодого перевертыша? — Тома язвительно хмыкнула.

— Что?

— Ничего. Допустим, у вас там все прекрасно. Но я не понимаю, зачем я вам, ведь даже неизвестно, есть ли у меня эта... способность, — девочка показала в воздухе кавычки.

— Есть признаки. Дата рождения, — загибала пальцы Вукович. — Способность к языкам и... твоя мама.

— Что? Но она-то родилась двадцатого июня!

— Солнцестояние выпадает на разные дни. Иногда на двадцатое, иногда на двадцать первое. Для нас дата не так важна, мы отмечаем день рождения исходя из расположения Солнца.

— И вы уверены, что мама была... такая же, как Вы?

— Она была звероликой, если ты об этом. Да, она тоже училась в Линдхольме, есть записи.

— И этот профессор знал ее?

— Конечно. Профессор Эдлунд, если можно, — Вукович подчеркнула имя. — Они должны были знать друг друга. Он немного старше твоей матери и никогда не уезжал с острова надолго. Это его родное место, до него директором пансиона был его отец.

— А он — тоже?..

— Да. Он летний.

— И все равно я не понимаю, что мне делать в пансионе, — Тома сосредоточенно теребила край своей футболки. — Не могу же я там просто сидеть и тужиться каждый день в надежде в кого-то превратиться. С тем же успехом я могла бы мечтать снести яйцо. Это пахивает каким-то психозом. Ажурная шизофрения, как говаривала наша географичка. А можно мне пожить где-нибудь в человеческом месте? Могу вернуться в детский дом, если хотите.

— Тебе сейчас тяжело, — хорватка положила руку Тамаре на плечо. — Но подумай вот о чем. Что было бы, если бы ты впервые обратилась на глазах у учителей или других детей? Вышел бы скандал. Тебя бы передали ученым. Ты могла бы сойти с ума.

— Но теперь-то вы меня подготовили. Вырастет хвост — переживу. И уж точно тогда к вам на остров приеду.

— Профессор Эдлунд считает, что ты должна быть рядом с нами к моменту первой трансформации.

— Вы говорите только про то, что считает он! А вы? Сами-то вы что думаете?

— Не знаю, — честно ответила Вукович. — Но я доверяю ему больше, чем себе. И теперь вижу, он был прав. Тебе надо дать время свыкнуться с этой мыслью, узнать о мире, к которому ты, вероятно, принадлежишь.

— А если нет? От чего это вообще зависит? Или каждый, кто родился в день солнцестояния, может оказаться перевертышем?

— Нет, что ты! Тогда бы нас были миллионы! Кто-то из родителей тоже должен иметь способность. Желательно, оба. Если только один — шансы есть, но пятьдесят на пятьдесят.

— Как у меня да? Дело в моем отце?

Вукович кивнула. Тома собиралась что-то спросить, но женщина предупредительно подняла руку, указывая глазами на соседа с краю: тот снял наушники и оживился. В конце прохода появились стюардессы с тележкой напитков.

— Договорим потом, — сказала хорватка. — Слишком много информации для одного раза.

Она дождалась бортпроводниц и попросила у той, что напоминала снегурочку, горячего чая и шесть пакетиков сахара. Волоокая красавица удивилась, но в просьбе не отказала.

— Зачем Вам так много? — Тома заморожено наблюдала, как белый порошок из четвертой упаковки исчезает в кипятке.

— Восстановить силы перед паспортным контролем.

— А витамины?

— Остались в чемодане. Иногда сахар или шоколад могут помочь, — Вукович высыпала последний пакетик и, поморщившись, отхлебнула приторный напиток.

Тамара тоже машинально скривилась — трудно было даже представить, что там за гадость.

Через несколько минут пустые стаканчики собрали, и хорватка посмотрела на Тому долгим внимательным взглядом.

— Ты можешь поступать, как хочешь, — произнесла она, наконец. — Но подумай о своей маме. Подумай, чего бы она хотела для тебя. Разве тебе не интересно увидеть место, когда она росла и училась? Разве не хочется понять, кем она была? И кто ты?

Ответить Тамаре не дал голос пилота: на двух языках по громкой связи объявили о начале снижения. С мелодичным звоном загорелись лампочки над креслами, девочка пристегнулась.

— Я ведь даже не знаю шведского, — пробормотала она.

— Линдхольм — международный пансион. Обучение проходит на английском, — Вукович защелкнула на талии металлическую пряжку ремня.

От смены высоты у Тома заболели уши. Она пыталась сглатывать, открывала рот, но ничего не помогало. Боль отключила мысли, от которых ломался мозг. Опустив голову, она хватала воздух и считала минуты до приземления.

Наконец, основательно тряхнувшись, самолет коснулся твердой поверхности. Пассажиры зааплодировали, но звук этот доносился до Тамары словно через слой ваты. Вукович что-то говорила.

— А? Я не слышу! — крикнула девочка.

— Заткни нос и попробуй выдохнуть в уши, — хорватка показала, как это делается.

Тома повторила. С болезненным хлопком одно ухо вернулось в норму. Со вторым пришлось постараться. К тому моменту, когда слух восстановился полностью, у нее на лбу выступила испарина.

— Ужас, — прошептала она. — И так каждый раз?

— Сегодня он снижался быстро, — ответила Вукович. — Хотя от человека тоже зависит. Была бы ты зимней, могла бы стать мной, у меня с ушами полный порядок.

— Опять вы об этом...

Люди уже повскакивали с мест и суетливо толкались в проходе, снимая с верхних полок сумки. Вукович невозмутимо сидела в своем кресле.

— Разве нам не надо выходить?

— Надо. Но мы сделаем это спокойно.

Дождавшись, пока людская волна схлынет из узкого прохода, женщина встала, накинула сумочку на плечо и прошествовала к выходу. Аэропорт Арланда встретил их дождем и темным небом, сплошь затянутым грозowymi тучами. Томе посчастливилось спуститься по ступенькам, как это делали знаменитости. А внизу, на глянцевом от воды асфальте, отражающим белые тела самолетов, их уже ждал автобус.

Тамара заняла очередь на паспортный контроль, с любопытством изучая шведские надписи с точками и кружочками над буквами, пока ее спутница отлучалась в дамскую комнату. Вернулась она в облике Анны Леонидовны.

— А почему вы... — начала было Тома.

— Тише, не привлекай внимания. Я регистрировалась на рейс под этим именем.

— А если Вам снова станет плохо?

— Это быстро. Я потерплю.

Терпеть все же пришлось довольно долго. Как назло, именно в этот день посетить Стокгольм решили сотни туристов, и хотя любезные пограничники старались изо всех сил, очередь отняла минут сорок. Уже перед самой кабинкой Анна Леонидовна держалась за Тома обеими руками, миловидное лицо посерело, пальцы стали ледяными.

Получив одобрение паспортистки, Тамара спешно повела готовую рухнуть женщину в туалет. Они зашли в широкую кабинку для инвалидов, Анна-Мила схватилась за железные поручни и начала сжиматься, возвращая себе истинный облик. На сей раз Тома наблюдала за трансформацией без шока и недоверия, как в самолете. Скорее, с любопытством. Что-то завораживающее было в этом процессе, словно в ускоренной съемке растущего дерева или распускающегося цветка.

Сбоку было видно, как меняется форма ушей, укорачивается шея, сужаются плечи. Вукович передернуло, и она, облегченно вздохнув, опустилась на закрытый унитаз. Выглядела она неважно: под глазами залегли синюшные круги, из треснувшей губы сочилась кровь.

— Все, три дня никаких превращений, — она попыталась улыбнуться, но тут же скривилась и прикоснулась к ранке. — Надо заглянуть к мадам Венсан.

— К кому?

— К нашему врачу. Ты ведь еще не передумала ехать со мной? Потому что если ты собираешься бежать — сейчас самое время. Я не смогу за тобой гоняться.

Тома вздохнула. Куда она сейчас побежит? Ни денег, ни жилья. Чужая страна с этими кружочками над словами. И говорят они странно, — протяжно, и как будто во рту камешек.

Она чувствовала, что бессильна перед ситуацией. Но остаться ее побуждало другое. Стоило Вукович упомянуть Томину маму, девочка поняла, что физически не сможет вырваться из этой истории, не выяснив все до конца. Кто знает, вдруг на острове она найдет след, ведущий к пожару? Вдруг отыщет людей, способных рассказать что-то важное? В конце концов, она вытянет все из этого несчастного профессора: какой была мама, что любила, о чем мечтала, кого считала друзьями. И если повезет, у него даже сохранилась хотя бы одна настоящая фотография. К тому же Тамара не хотела подвести свою спутницу, которая рисковала здоровьем ради незнакомой девчонки.

— Я не собираюсь сбежать, — сказала Тома. — По крайней мере, не сейчас.

— Хорошо, — хорватка облегченно прикрыла глаза. — Я рада. Сейчас вызову такси, и мы поедем в порт.

— В вашем состоянии? Может, лучше переночевать в гостинице?

— Я в порядке. И расслабиться я смогу только дома, в своей постели. К тому же мне не мешает помощь мадам Венсан.

Они вышли в зал, и пока Тома ловила на ленте чемоданы, женщина сменила сим- карту и вызвала машину. Спустя полчаса их уже везли к Стокгольму. Вукович достала из багажа бутылочку с красной пахучей жидкостью, осушила ее в пару глотков и теперь гораздо больше походила на здорового человека.

Тома смогла расслабиться и изучала пейзаж. Пока он не сильно отличался от России. Трава как трава, холмистая местность с самыми обычными деревьями. Те же машины, торговые центры и заправки. Разве что деревеньки не попадались, и траурные венки не висели у трассы через каждые десять метров.

Иногда виднелись под травой валуны, каменистая изнанка, над которой громоздились сосны, и только это напоминало Тамаре, что она в северной стране. Вскоре зачастили городские дома, а зеленые указатели возвестили о прибытии в Стокгольм. Несмотря на пасмурную погоду, город показался Томе уютным. Шведы определенно любили красный кирпич: из него здесь было построено почти все.

Такси въехало в парк, и через несколько минут Тома увидела воду, рассыпанные по ней лодки и длинную деревянную пристань.

— Давай договоримся, — сказала хорватка, пока водитель парковался. — На острове в присутствии других людей мы будем говорить на английском. Поверь, ты освоишься очень быстро. Русский оставим только для нас с тобой, иначе будет невежливо. И обращай ко мне мисс Вукович, — так меня называют другие дети. Я по-прежнему твой опекун и всегда готова тебе помочь, но лучше, чтобы остальные не думали, что у тебя есть привилегии. Понимаешь?

Тома кивнула. За годы, проведенные в детском доме, она усвоила: главное — не выделяться.

— А почему вы говорите это сейчас? Ведь мы еще не на острове, — Тамара смотрела, как мисс Вукович пересчитывает купюры для таксиста.

— Нас ждет один из работников пансиона. Я — старший учитель, завуч. И хочу, чтобы ты знала, как себя вести. Твоя история известна только мне и профессору Эдлунду.

Она расплатилась и вышла из машины. Водитель выгрузил из багажника чемоданы и сумки, и едва он отъехал, к ним подошел высокий седой старик с обветренным лицом, изборожденным глубокими морщинами. Он приветливо улыбнулся, и морщины изогнулись, образовав длинные дуги от глаз до уголков рта.

— God kvall[1]! — произнес он.

[1] Добрый вечер (швед.)

— Густав, рада тебя видеть, — ответила мисс Вукович по-английски. — Познакомься, это Тамара, наш новый студент из России. Тамара, это Густав, наш... Даже не знаю, как сказать. Он для нас — все.

— Добрый день, — старательно сказала Тома на языке Уайлда и Шекспира. — Приятно познакомиться! Вы — профессор Эдлунд?

Густав расхохотался.

— Нет, как это ни прискорбно, — он тоже перешел на английский. — Я просто его помощник. Моя фамилия Петерсон.

— Извините, — смутилась Тома.

— Ничего! Это было даже приятно! — посмеиваясь и что-то бормоча под нос на шведском, Густав с легкостью подхватил два самых больших чемодана и стремительно зашагал в сторону причала.

Тому удивила его резвость в такие-то годы, но она промолчала, не желая снова попасть впросак. Того и гляди окажется, что ему лет сорок, а седина и морщины в этом возрасте появляются у всех перевертышей.

Они спустились на небольшую белую яхту, у которой на корме было нарисовано солнце в круге и выведена красным цветом надпись: «Solveig».

— Это древнее скандинавское имя, — мисс Вукович проследила за ее взглядом. — Означает «сила солнца». А оно — символ нашего пансиона.

Густав завел мотор и отчалил. Тома и ее опекунша сидели на корме и жевали длинные сэндвичи с лососем. Они плыли вдоль зеленых берегов, девочка любовалась городом, каменистыми островками, аккуратными домиками.

Она приготовилась вот-вот увидеть пресловутый остров, но прошел час, другой, а Густав даже не думал поворачивать к какой-нибудь пристани. Лишь через три часа, когда темная, чернеющая глубиной вода стала действовать Томе на нервы, она увидела свет маяка.

Старик обернулся. Его глаза жутковато блеснули в полумраке.

— Мы дома, — сообщил он.

Яхта «Сольвейг» обогнула маяк и подошла к небольшому причалу. Дождя здесь еще не было: сухой гравий приятно шуршал под ногами. Но тучи уже сгустились. Они будто двигались следом от самого Стокгольма. Сзади на горизонте виднелись всполохи молний.

Маяк расположился в конце узкой полосы суши, которая соединяла его с основной частью острова. Там все утопало в деревьях, между ними приветливо светили окнами красные домики с белыми наличниками. Их расцветка ассоциировалась у Тома с фермами, которые она видела в детских книжках. Пахло чем-то приятным и сладким.

— Липы цветут, — мисс Вукович с наслаждением втянула носом воздух. — Пойдем скорее, я покажу, где ты будешь жить.

Когда Тамара узнала, что Линдхольм — место для странных существ, которых Вукович с повседневной легкостью именовала перевертышами, в воображении возник каменный замок или массивный викторианский особняк. Эдакое мрачное поместье на вершине отвесной скалы. Именно в таких местах должны были обитать таинственные создания. Но Линдхольм больше походил на уютную деревушку: почву устилала короткая, как ковер, трава, а старые кряжистые деревья защищали от морских ветров аккуратные домики с широкими верандами.

Самое крупное и единственное здесь белое здание виднелось в глубине острова. Тамара смогла насчитать не меньше четырех этажей: низ скрывали густые кроны лип. Двускатная крыша поднималась высоко, большие окна со ставнями были обращены к маяку. В них горел свет, и Тома различила неподвижный силуэт человека.

— Это главное здание, — пояснила мисс Вукович. — Там проходят занятия, и там живет профессор Эдлунд.

— Это он? — Тамара указала глазами на силуэт.

— Думаю, да. Это его кабинет. Но мы сейчас к нему не пойдем. Уже поздно. Дети и учителя живут в красных домиках. Справа от главного здания — зимние, слева — летние. Как ты понимаешь, мы будем жить отдельно. Если я тебе понадобится, мой дом — номер шесть. И запомни: входить надо сбоку. Главный вход — для детей, боковой — для учителя. За каждым домом закреплен один взрослый. Ты будешь жить в доме номер два. Он женский, там летние девочки первого и второго года обучения. Ваш куратор — мисс Юми Кавамура. Она личный ассистент профессора Эдлунда, так что ты в надежных руках.

Они подошли к одному из домиков. На веранде сидел парень с гитарой и брэнчал, еще несколько ребят расположились вокруг и что-то шумно обсуждали.

— Добрый вечер! — громко поздоровалась мисс Вукович.

Все головы разом повернулись к ней, раздалось разрозненное приветствие.

— Познакомьтесь, это Тамара, наш новый ученик из России.

Тома почувствовала себя неуютно под пристальными взглядами незнакомых людей. С неуклюжей улыбкой буркнула «Хай» и неопределенно махнула рукой. Голос вышел каким-то чужим и хриплым.

Присутствие завуча автоматически делало всех вежливыми, но Томе было неуютно, она чувствовала себя лишней.

— Кто твой тотем? — спросила чернокожая девочка.

В грозном сумраке сложно было разглядеть выражение ее лица, и Тамара не понимала,

шутка это или какая-то проверка. В любом случае, она не знала, что ответить. Воцарилась пауза.

— Все вопросы потом, — отрезала мисс Вукович. — Мы в дороге с самого утра.

Тома еще не видела ее такой строгой. Что ж, иметь в тылу человека, которого все побаиваются, будет полезно.

Опекунша провела ее внутрь. Прихожая дыхла теплом, — только теперь Тамара осознала, как замерзла во время морского путешествия. Все стены были отделаны светлым деревом. На крючках рядами висели куртки, на низких полках стояла обувь. Наверх вела лестница, а справа через открытую дверь Тома разглядела гостиную.

— Это общая комната, — объяснила мисс Вукович, разуваясь. — Сейчас посмотрим, где твоя спальня.

— Моя? Я что, буду жить отдельно? — удивилась Тамара, привыкшая к детдомовским спальням на шесть человек.

— Нет. У тебя будет соседка... — хорватка сверилась с листком, приколотым к стене.

— Так, третья спальня, тебя уже вписали.

Тома заглянула ей через плечо: действительно, в табличке значилось: «№ 3 — В. Refursdottir, T.Korsakov».

— Они забыли «а» на конце.

— Нет. Привыкай, к тебе будут обращаться «мисс Корсакофф». Учителя, по крайней мере. А другие студенты... Ты должна решить, как представиться. Тамара — длинное имя. Тома — похоже на мужское Том. Не стоит давать повод для шуток в первый же день. У меня была одна знакомая Тамара из Англии, все звали ее Тамми.

— Спасибо, я подумаю.

Мало было проблем. Ожоги, шарф, отсутствие денег и родителей, со сверхспособностями тоже большой вопрос, теперь еще к имени могут прицепиться. И, главное, кто?! Эта соседка с абракадаброй вместо фамилии?

Мисс Вукович торопливо показывала дом. Наверное, устала и мечтала оказаться в своей кровати. Тома была ей благодарна за русскую речь: так быстро на английском она бы сейчас ничего не разобрала. И без того едва находились силы кивать и волочь чемодан.

— Там кухня. Завтрак, обед и ужин — в главном здании. Но здесь всегда можно перекусить, выпить кофе, — Вукович указала на громоздкую серебристую кофемашину и задумчиво взглянула на Тому. — Ну, или чай, если ты к нему привыкла. Чайник тоже должен где-то быть. Просто здесь его мало, кто пьет. Так, идем дальше. Наверху три спальни студенток второго курса. У них свой душ и туалет. Внизу — спальни младших учениц. Проходи.

Они зашли в общую комнату. Длинные диваны стояли буквой «П», стены занимали полки с книгами и настольными играми. Три девочки смотрели кино по телевизору.

После короткого знакомства, как на веранде, мисс Вукович показала Томе дверь в душ и туалет первого этажа, а потом повела в крайнюю справа спальню с цифрой «3» и карточкой с фамилиями, как в списке.

Это была небольшая, но уютная комната, обставленная симметрично: с каждой стороны — шкаф, кровать, тумба и письменный стол. Только правая половина была стерильно пуста, лишь на застеленной кровати лежала стопка чистого постельного белья, а левая пестрела плакатами, мягкими игрушками, цветастыми подушечками и прочей девичьей ерундой. От избытка резало глаза. Хозяйка всего этого барахла отсутствовала.

— Располагайся, — с улыбкой сказала мисс Вукович, закрывая за собой дверь и глядя, как Тома нерешительно садится на краешек кровати. — Нравится?

— Мягко, — только и смогла сказать девочка.

— Ну, хорошо. Завтра мисс Кавамура введет тебя в курс дела. Ты устала, думаю, ваше знакомство можно отложить до утра. Отдыхай.

— Мисс Вукович?

— Что? — женщина уже взялась за дверную ручку, но теперь обернулась.

— Что такое тотем? Та девочка спросила меня...

— Это животное рода. Первое, в которое летние перевертыши начинают превращаться. Собственно, те, кто не пытается развить дар, только в него и могут трансформироваться. Принимать облик тотема летним проще всего, и это совсем не отнимает сил. Обычно звероликие наследуют его от матери или от отца.

— А кто мой тотем?

— Не знаю, ведь про твоего отца нам ничего не известно.

— А мамин?

— Как правило, название тотема — в фамилии перевертыша. Ты Корсакова, как и твоя мама.

— И что это значит?

— Корсак — степная лисица, — терпеливо объяснила Вукович. — Но на твоём месте я бы пока не рассказывала об этом остальным. Вдруг ты переняла тотем отца. Или у тебя нет способности. Всякое может быть.

— Они будут смеяться, если узнают, что я не умею?..

Мисс Вукович пожала плечами.

— Лучше просто не врать им с самого начала. Или говори правду, или не говори ничего. Но решать тебе. Не переживай, ты обязательно с кем-нибудь подружишься. Летние — открытые и дружелюбные ребята.

— А зимние?

— На сегодня много вопросов. Извини, я устала после перелета и долгой трансформации.

— Конечно. Извините.

— Спокойной ночи, Тамара. Я предупрежу мисс Кавамура, что ты приехала.

И хорватка вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь, оставив Тому переваривать события прошедшего дня.

Можно было, конечно, выйти, познакомиться с соседками, но Тамара еще от детдомовских не оклемалась, а тут новые... Нет, завтра. И чем позже — тем лучше.

Она застелила постель, постоянно косясь на дверь. Хотела успеть до появления соседки, чтобы не пришлось с ней разговаривать. Белье здесь было совсем другое. Мягкое, плотное, с сердечками. Тома всю жизнь плевалась на девчачьи глупости, но сейчас ее почему-то так и тянуло забраться под красивое одеяло.

Она вытащила из чемодана первую попавшуюся футболку, натянула ее и нырнула в постель. Матрас был идеально ровным, упругим, но Тома никак не могла приспособиться к новому месту, без своего провисшего скрипучего металлического гнезда. Немного повертелась, долго внюхивалась в свежий пододеяльник, — он пах сладко, как цветущие липы. В голове безумной каруселью вертелись картинки и обрывки мыслей. После долгого плавания ей казалось, что ее все еще укачивает, будто она до сих пор в каюте.

По оконному козырьку звонко ударили капли дождя, громынуло, и сплошной ливень обрушился на остров Линдхольм. Интернат, Кирилл Осипов и все остальные остались далеко в прошлом. Тома вслушивалась в мерную дробь и сама не заметила, как провалилась в сон.

Проснулась она рано, ведь так и не решилась накануне высунуть нос из комнаты и навестить уборную. Предраассветные сумерки окутывали комнату, тихо посапывала во сне соседка. Тома повернулась — на подушке напротив разметались длинные белые волосы, как будто там спала не девочка, а старушка. Хотя рядом с ней и валялся большой плюшевый заяц.

В домике было тихо. Тамара захватила зубную щетку, аккуратно приоткрыла дверь, прокралась босиком к туалету. Потом направилась в душ. С пристрастием изучила себя в зеркале, умылась и старательно начищала зубы минуты две. Говорят же, что у иностранцев — идеальная улыбка, вот ей и не хотелось упасть в грязь лицом. Потом ополоснулась целиком, но слишком поздно поняла, что полотенце осталось в комнате, да еще и на дне чемодана, а в первый же день будить соседку своей возней она не собиралась. Поэтому прямо так, на мокрое тело, напялила спальную футболку и пошла осматривать дом. У нее была фора, чтобы освоиться, до того, как все встанут и начнут сверлить ее взглядами и пытаться вопросами.

На кухне рядами стояли кружки. Тома взяла какую-то наугад со смешными цветочками, отыскала чайник и коробку с печеньем. Выудила пару шгучек — никто же не станет пересчитывать. И с кружкой горячего чая в руках и рассыпчатой выпечкой за щекой отправилась в общую комнату.

Надо было срочно пополнить свои скудные знания о перевертышах. Почерпнуть информацию в интернете вряд ли бы вышло: никаких айпадов у нее не водилось. И даже если был бы: что искать? Кто такие дети Солнца?

И Тома двинулась вдоль книжных полок, методично осматривая их снизу вверх. На русском ничего, как и ожидалось. Даже какие-то книги с иероглифами. Зато на глаза попался толстый переплет с большими английскими буквами. Она перевела: «Тотемы. Краткий атлас». Поставила чай на подоконник и потянула за корешок книги. Если этот фолиант — краткий, то чего же тогда ждать от полного атласа?

Страницы пожелтели от времени: изданию перевалило за сотню лет. Текста оказалось не так много, а вот иллюстрации... Тонкие и детальные, как гравюры, изображения птиц и животных, прорисованные до каждой чешуйки и волоска. Раскрашенные акварелью и бережно прикрытые папиросной бумагой. Тома любила рисовать и считала, что у нее получается довольно сносно, но это... Выше всяких похвал.

Девочка заморожено переворачивала страницы и направилась было к дивану, не отрываясь от книги, но случайно задела забытый на подоконнике чай. Кружка рухнула вниз, и горячие брызги вперемешку с осколками разлетелись по полу. Тома в ужасе замерла.

Первый день! Самый первый день в новом месте — и она уже нарвалась на наказание! А кружка? Она ведь была чья-то! Теперь и соседки ополчатся против нее, и начнется все то же самое, что и в детдоме! Вот черт!

Тамара лихорадочно соображала, чем убрать беспорядок. И вдруг вспомнила, что стоит посреди общей комнаты босиком в мокрой футболке и трусах. На цыпочках метнулась в свою спальню, натянула вчерашние джинсы, стараясь не разбудить соседку, а потом ринулась на кухню. Искала тряпки повсюду, заглядывала в каждый шкаф — ничего. Только широкий рулон, похожий на туалетную бумагу. Но это ж сколько придется извести! Она

поежилась: в детдоме за такое ругали.

А душ? Ну, должны же они чем-то мыть душевую? В интернате в углу всегда стояло жестяное ведро с красными буквами и швабра. Тамара поспешила в ванную — ничего. Ни ведра, ни швабры, ни даже обрывка тряпки. Полотенце! Они все равно моknут, вытрет быстренько, прополощет — и никто не узнает! Выбрала бежевое, чтобы не было заметно чайных пятен, вернулась в общую комнату и рухнула на колени. Осколки собирала прямо в ладони. В мусоре их сразу обнаружат, надо найти место получше... Пока припрячет у себя в вещах, а потом выкинет где-нибудь, когда все забудут.

Прокралась к себе, с трудом расстегнула свободной рукой рюкзак и выудила пакетик из-под шампуня и всякой дребедени.

— Ты кто? — английская речь заставила Тому вздрогнуть.

Она спешно ссыпала осколки в пакет, пихнула в рюкзак и обернулась. На нее сонным подозрительным взглядом смотрела соседка: девочка с самыми белыми волосами, которые Тамаре только приходилось видеть в своей жизни. Выглядело бы красиво, если бы не белые брови и белые ресницы. Они делали свою хозяйку похожей на инопланетянина.

— Привет, я — Тамара. Твоя новая соседка.

— Привет, — недовольное выражение не сходило с лица девочки.

— Извини, что разбудила. А тебя как зовут?

— Бриндис. Или Брин. У тебя кровь, — белокурая девочка указала ледяными голубыми глазами на руку Тома.

Действительно, с ладони стекала темная струйка. Наверное, поранилась об осколки.

— Ерунда.

— У меня есть антисептик, — Брин откинула одеяло и опустила ноги на пол.

На ней была ночнушка с феями — вот уж точно инопланетянин.

— Не надо. Я сама, — и Тома вышла из комнаты, чтобы смыть кровь.

Получилось довольно невежливо, но она понятия не имела, как себя вести. Подержав царапину под холодной водой, Тамара зажала в кулаке кусок туалетной бумаги и вдруг вспомнила, что грязное полотенце до сих пор в гостиной. Ринулась туда, но было поздно: Брин стояла посреди комнаты и в ужасе взирала на пол.

— Что это?! — воскликнула она. — Кто это сделал?!

— Пожалуйста, не кричи, — зашептала Тома. — Я все уберу.

— Так это ты?! Мое бамбуковое полотенце!

— Извини! Я все постираю. Я не знала, что оно твое.

— Что происходит? — из второй спальни выглянула чернокожая девочка, которая вчера спрашивала про тотем.

Ее курдюшки темным облаком пушились вокруг головы.

— Она вытирала пол моим полотенцем! — возмущенно крикнула Брин.

— Я искала тряпку, но нигде не было, — оправдывалась Тома. — Я пролила чай, и не знала, как убрать... Но я... как это по-английски... не специально! Я не хотела!

— Ну да! Я видела, как ты пялилась на меня! Решила сделать мне гадость?

— Что?! Я тебя знаю только пять минут!

— Брин, зачем ты нападаешь на новенькую? Это всего лишь полотенце! Посмотри, как она перепугалась! А что у тебя с шеей? — девочка из второй спальни подошла к Томе, обеспокоенно разглядывая ее ожоги.

Да-да, именно обеспокоенно. Без испуга, отвращения или жалости. Тамара ожидала

чего угодно, но не участия.

— Я... попала в пожар, когда была маленькая, — неуверенно протянула она.

— Болит? — спросила ее защитница.

— Нет, — Тома пожала плечами.

Из дверей уже выглядывали растрепанные со сна девочки в пижамах.

— Что случилось? — зевнув, поинтересовалась одна из них, худая и долговязая.

— Брин устроила скандал из-за испачканного полотенца, — сообщила африканка. —

Совсем напугала новенькую!

— Зури, она нарочно! Она вытирала им пол! — Брин сердито уперла руки в боки.

— Не придумывай, — попыталась ее утихомирить долговязая. — Она только вчера приехала, ничего здесь не знает... Как тебя зовут?

— Тамара.

— Очень приятно, я — Ханна.

Тома стояла, не веря своим глазам и ушам. За нее заступились! И кто? Совершенно незнакомые девочки, которых по ее вине разбудили в несусветную рань.

Брин насупилась, схватила свое полотенце и демонстративно удалилась в спальню. Остальные обступили Тому, засыпав ее вопросами. Когда выяснилось, что Тамара — сирота, которая всю жизнь провела в интернате, градус сочувствия и симпатии зашкалил окончательно. Ханна предложила свое запасное полотенце, Зури принесла экзотические сухофрукты. Даже с тотемом удалось выкрутиться: Тамара наплела, что не знает своих родителей, а первую трансформацию помнит плохо из-за шока. И мадам Венсан, мол, запрещает перевоплощаться до специальных обследований. Девочки проглотили вранье на ура.

Мисс Вукович была права: летние отличались дружелюбием. За исключением разве что Брин. Вернувшись в комнату после первого в своей жизни компанейского кофепития, Тома застала соседку в слезах. Та ничком лежала на кровати и содрогалась от рыданий.

— Слушай, прости меня за полотенце, — Тамара виновато вздохнула. — Я испугалась, что меня будут ругать. Я не знала, что оно твое!

— Там монограмма! — всхлипнула в подушку девочка-альбинос.

— Прости меня. Я постираю.

Брин села и уставилась на Тому мокрыми глазами. Ее лицо пошло красными пятнами, отчего брови стали казаться еще белее.

— Я думала: откуда у тебя кровь? Почему ты ее не заметила? Если больше не было следов на одежде, значит, порез был свежим. Ты поранилась здесь.

— Да... И что такого?

— Ты ведь пила чай. Разбила кружку. И я поняла, что ты спрятала осколки здесь, когда я проснулась, — Брин шмыгнула. — Вот они.

И она протянула Томе пакет с фарфоровыми черепками.

— Ты залезла в мой рюкзак?

— Да. И это стоило того, чтобы найти мою кружку.

— Твою? Да ты издеваешься...

— Нет! Это ты издеваешься! Что я тебе сделала?! — Брин снова разрыдалась.

Тома не знала, что делать. Во-первых, таких плакс в детском доме не было. Во-вторых, обычно жертвой была она сама. Чтобы не усугублять, Тамара решила ретироваться. Надела толстовку с высоким воротом, — сегодня ей и так четыре раза пришлось рассказывать о

пожаре, — и вернулась в гостиную, чтобы рассмотреть, наконец, книгу про тотемы. Но и тут Брин не дала ей расслабиться: выскочила из спальни, демонстративно промаршировала мимо и вылетела на улицу, хлопнув за собой дверь.

— Куда она? — спросила Тома Зури, которая валялась на соседнем диване, задумчиво переключая каналы.

— К мисс Кавамура, наверное, — лениво отозвалась та. — Жаловаться.

— А она строгая? Неудобно вышло с Брин: я и кружку ее взяла, и полотенце.

— Не обращай внимания, — Зури махнула рукой. — Мисс Кавамури — добрая и тихая.

— Ее надо видеть, — кивнула Ханна. — Ее тотем — рыба.

— Рыба?

— Нуда. Какая-то маленькая, точно не помню.

За кофе Ханна Оттер рассказала о собственном тотемном животном, выдре. И теперь Томе во всем чудилось сходство новой знакомой с этим зверьком: длинная шея, манера поднимать подбородок. Все ее долговязое туловище казалось вытянутым, а гладкие темно-русые волосы напоминали шелковистый мех.

Ханна приехала на остров из Америки, ее сразу выдали гортанный выговор и идеальная улыбка. То ли из-за роста, то ли из-за прямоты и доброжелательности она была среди первокурсниц лидером. Показала Томе чуланчик под лестницей, где хранилось все необходимое для уборки, внесла в график дежурств и перезнакомила с остальными обитательницами домика.

— Бриндис хорошая, — объяснила Ханна. — Просто немного избалованная. Она не привыкла жить далеко от дома, скучает по маме, вот и срывается постоянно. Плюс она дико умная, у нее айкью сто шестьдесят. У всех гениев свои заскоки. Брин вот цепляется за свои вещи и по пять раз в день звонит домой.

— Наверное, у нее хорошие отношения с мамой, — Тома понимала, почему других это забавляет, но сама откровенно завидовала исландке.

— А ведь у Брин есть старшая сестра, Сигрун, кажется, — поведала Зури, уроженке Кении, которая уже успела похвастаться своим тотемом — зеброй.

— И где она?

— В другом домике, она ведь четверокурсница, — Зури потянулась и выключила телевизор. — Кстати, нормальная и веселая девочка. Не понимаю, почему Брин вышла такой капризной...

Тома помнила, что название тотема должно упоминаться в фамилии, но никак не могла разгадать Бриндис: в атласе не было ничего похожего на Рефюрсдоттир. Или как там читалось это заковыристое исландское слово. И едва Тамара собралась спросить Ханну, как входная дверь распахнулась, и на пороге появилась крошечная японка. Белокурая макушка Брин виднелась за ее спиной.

— Доброе утро, девочки, — мелодично проговорила гостья.

— Доброе утро, мисс Кавамура, — хором ответили все, кроме Тома.

— У нас новенькая, мисс Корсаковфф, — японка наклонила голову. — Добро пожаловать в Линдхольм. Я слышала, у вас произошел неприятный случай... Мы должны непременно сесть за стол переговоров. Мисс Корсаковфф, жду вас на кухне.

Тамара встала в нерешительности.

— Все будет хорошо, — шепнула ей Зури.

И Тома последовала за учительницей.

Брин и Мисс Кавамура уже сидели за столом.

— Садитесь, — пригласила японка. — Вы очень расстроили мисс Ревюрседоттир этим утром.

— Я извинилась.

— Меня пугает не то, что вы взяли чужие вещи. Вы здесь первый день, и могли что-то перепутать.

— Так и было! Я не знала, где лежат тряпки и...

— Прошу вас, мисс Корсаков, дайте мне договорить, — твердо продолжила мисс Кавамура. — Вы пытались скрыть свой проступок, хотели обмануть девочек и меня. Здесь это недопустимо.

— Я боялась...

— Уверю, за честность вас никто не будет ругать, — японка пристально смотрела на Тому, заставив ее отвести глаза. — Но за попытку обмана я прошу вас сегодня помочь синьоре Коломбо убрать в столовой после завтрака. Из-за этого вы опоздаете на тренировку по трансформациям, но я предупрежу профессора Эдлунда.

— Тренировку? А разве сейчас не каникулы?

— Каникулы. Они закончатся через две недели, после летнего солнцестояния. Но тренировки обязательны каждый день.

— А почему не осенью? — удивилась Тома.

— В нашем пансионе такое расписание, — учительница с гордостью подняла подбородок.

— Хорошо, мисс Кавамура. Брин, извини меня, пожалуйста, еще раз, — Тома стрельнула в соседку сердитым взглядом и, поджав губы, вышла из кухни.

Наказание ее не пугало. Помогать поварихе? Ерунда. После того, что было в детском доме. Но негодование так и бурлило внутри: единственная стукачка досталась в соседки именно ей. А ябед Тома не переносила хронически. И поэтому когда Зури спросила, чем все закончилось, от злости сделала то, от чего сама страдала всю жизнь: придумала кличку.

— Из-за этой Фриксдоттир мне придется убирать и мыть посуду после завтрака, — буркнула она, плюхаясь на диван.

Девочки расхохотались. Томе почувствовала себя неуютно, ей просто хотелось выместить досаду, а не выставить Брин на посмешище. Живот скрутило от дурного предчувствия, Тома подняла глаза... Так и есть. Исландка стояла в дверях и все слышала. Под дружный хохот она кинулась в спальню.

Впервые смеялись над кем-то другим, но Тамару это не обрадовало.

Завтрак произвел на Тому неизгладимое впечатление. Давали вкуснейший омлет, булочки, разные джемы, а уж какао... Она осушила три кружки и не могла остановиться. Никакого сравнения с серо-коричневой жижицей, которую она пила всю свою жалкую жизнь. Да можно ли это было назвать жизнью, если в ней не было таких йогуртов, фруктов, пиццы с маленькими копчеными колбасками?

Глаза разбегались, руки накладывали на поднос все подряд без разбора. Соседки по столу удивленно воззрились на гору еды и даже поспорили, что Томе не под силу будет это съесть. Ха! Да любой интернаговец сказал бы, что она поскромничала и слишком мало взяла. Когда она покончила с пиццей, омлетом и третьей булочкой, заглатывая добычу огромными кусками, вокруг стола летних первокурсников столпились ребята. Кто-то даже принялся болеть за новенькую русскую девочку.

Последняя крошка была заботливо отправлена в рот, и просторный зал столовой огласился ликующим улюлюканьем. Тома чувствовала, что она в ударе. Ее дружески похлопывали по плечу, со всех сторон сыпались приветствия и незнакомые имена. Китайские, испанские, немецкие, индийские... Да каких только не было.

— Ты чемпион! — воскликнул худощавый смуглый паренек с серьгой в ухе и творческим беспорядком на черных волосах, напоминающим Томе ее собственную прическу. — Я Фернанду Торду из Бразилии. Для друзей просто Нанду. Слушай, ты съела даже больше, чем мой сосед Джо, а я всегда думал, что у него бездонный желудок!

Нанду кивнул на парня в дальнем углу стола, который во всеобщей движухе не участвовал. Джо был поистине огромным: окружающая мебель казалась фотомонтажом рядом с ним. И ростом около двух метров, и весом как две Томы, не меньше. У него были широкие скулы и застывшее безразличной маской лицо. Он равнодушно ел, не обращая никакого внимания на звучное щебетание Нанду. А тот продолжал заливаться, игриво вскинув бровь и сверкая пиратской улыбкой:

— Разве ты еще не знакома с Джозефом из гордого племени оджибве? О, он местная знаменитость. Иногда я просыпаюсь в холодном поту от страха, что он переманит всех девчонок.

— Я — Джо, — угрюмо пробасил индеец, не отрываясь от тарелки.

— Ну, что я говорил? — Нанду щелкнул языком. — Сама любезность и флиртует, как Бог. Но ты держись, не поддавайся его мощным флюидам... Как, говоришь, тебя зовут?

— Та... — от неожиданности и внезапно воцарившейся тишины Тома поперхнулась, закашлялась и договаривала уже хрипло и прерывисто. — ...мара.

— Как? — Нанду сдвинул брови. — Мара?

Она замерла: вот оно! И не надо мучиться, придумывая уменьшительное имя, как советовала мисс Вукович.

— Да. Мара. Полное имя — Тамара, а для друзей — Мара, — она смаковала это слово, и ей нравилось, как лаконично и гордо оно звучит.

— Супер! — Нанду смачно шлепнул ее по спине. — Я бы поболтал еще, но мне на тренировку. Ты идешь?

— Она наказана, — мстительно встряла Брин.

— О, круто! — восхитился Нанду. — За что?

— Разбила кружку, — пожалала плечами Тома.

— И все?

— И Фриксдоттир пожаловалась учительнице, — сообщила Зури, и все рассмеялись.

— Не надо... — Тамара попыталась одернуть африканскую девочку, но никто не слышал ее протеста.

— Ничего смешного, — громкий низкий голос заставил всех замолчать и повернуть головы: это говорил Джо.

Он встал, скрежетнув ножкой стула по кафелю, взял свой поднос и пошел, переваливаясь, к кухне. Ребята последовали примеру Джо и отправились на тренировку.

В столовой остались только Тома и несколько зимних девочек. Не все были воспитаны, как монументальный индеец: кое-где валялись забытые подносы с грязной посудой, крошками и объедками. После битвы виноградом, устроенной мальчишками, один из столов был сплошь усыпан раздавленными липкими ягодами.

Кроме Тамары наказанных не было. Видимо, только она со своим талантом умудрилась провиниться так рано. Повариха, синьора Коломбо, невысокая говорливая итальянка, сплошь состоящая из округлостей, как свежая выпечка, выдала ей тряпки и бутылочку с распылителем.

Тома принялась за уборку.

— Ты не стесняйся, можешь все доедать, — крикнула одна из зимних.

Ее стайка противно захихикала. Тамара решила промолчать.

— Или возьми вон тот кусок пиццы, — продолжала обидчица, указывая на пол. — На него почти никто не наступал.

Тома окинула взглядом не в меру остроумную девицу: худая, русая, с конским хвостом. Явно богатая, — одета с иголочки, одна бровь брезгливо изогнута вверх. Такая вся из себя аристократичная: темно-синяя кофточка с эмблемой, застегнутая на все пуговицы, плиссированная юбка-шотландка. Ни дать, ни взять, Барби в королевской школе. И две подхалимки. Нет, лучше не ввязываться. Не в первый же день.

И Тамара вернулась к уборке, не произнеся ни слова. Но блондинка не унималась.

— А Вы видели, как она запихивала в себя булки? — нарочито громко говорила она своим подружкам. — Не удивлюсь, если она скоро будет, как тот жирный парень из Канады.

— Ну, не знаю, — поморщилась рыжая девочка. — Я слышала, она — русская. Там их, наверное, ничем кроме картошки не кормят.

— Точно, Шейла! — кивнула Барби. — Тем более, такой аппетит бывает от глистов. Лучше держаться подальше.

— Эй, оставьте ее! — синьора Коломбо выглянула из кухни. — Нормальный здоровый аппетит!

Повариха махнула полной рукой, заворчала по-итальянски и удалилась обратно.

— Завела себе защитницу? — презрительно прошипела блондинка. — Конечно, Вы с ней похожи. Скоро будете. Наверняка она как раз пошла доедать остатки. Слушай, ты бы проверила, вдруг — она твоя родственница? А мама у тебя такая же толстая?

Терпеливостью Тома и раньше не страдала. Но так сильно ее от гнева не колотило никогда. Она подскочила к наглой девице и изо всех сил вцепилась в край стола, чтобы не расцарапать ей лицо.

— Слушай меня, крыса, — процедила она. — С этого дня не смей попадаться мне на глаза, или я за себя не ручаюсь!

— Да что ты можешь сделать? — ухмыльнулась Барби.

— Знаешь, кто мой тотем? — Тома импровизировала: в голову пришла картинка, которую она утром увидела в атласе. — Змея. Черная мамба. Поищи в своем красивом телефоне. Смерть наступает через час. Не думаю, что на остров так быстро привезут противоядие.

— Тебя выгонят! И посадят в тюрьму!

— Я похожа на человека, который соблюдает правила? — и Тамара нагнулась к уху своей обидчицы. — Я бы на твоём месте тщательно закрывала дверь в спальню. И лучше не ходи босиком.

— Сара, пойдем отсюда, — одна из подружек, судя по всему, уроженка Индии, тронула блондинку за рукав.

— Пойдем, Рашми, — с деланным безразличием отозвалась Сара. — Она явно сумасшедшая.

Но Тома не без удовольствия отметила, что Барби побледнела. Конечно, это ненадолго. Вранье рано или поздно раскроется. Но триумф был приятным. Даже лучше, чем просто врезать. К тому же, за драку ее могли бы исключить, а ей тут нравилось. Уютно, красиво, вкусно. И плевать, что кругом — странные существа.

Тамара нарочно затянула уборку: ей хотелось не просто опоздать на тренировку, а пропустить ее совсем. Чтобы не разочаровывать ребят: Зури, Ханну и даже этого шумного Нанду. Столько друзей у нее с роду не было.

Она не спеша вытерла до блеска каждый столик, собрала посуду, подмела пол и прошлась по нему шваброй. Синьора Коломбо от восторга всплеснула руками.

— *Benissimo*[1]! — воскликнула она. — А я ведь просто просила тебя убрать посуду! Как обрадуется синьора Чанг, наша уборщица! Пойдем, налью тебе еще какао. Я видела, тебе понравилось.

[1] Здорово! (итал.)

— Да. Это самое вкусное, что я пила в своей жизни.

— Что ты! — отмахнулась повариха, хотя и выглядела польщенной. — Ты не пробовала какао моей покойной матери! *Perfetto*[2]!

[2] Идеально! (итал.)

Она звонко чмокнула сжатые пухлые пальцы и потрясла ими в воздухе. Для своей комплекции она двигалась удивительно быстро и ловко, порхала по кухне, не переставая болтать и размашисто жестикулировать.

— Эта юная мисс Уортингтон... Какая наглая! — вещала она.

— Сара? — Тома уселась на табуретку в углу.

— Да, да! Я знала ее отца, когда он учился здесь. Такой же сноб! Вечно задирает нос, словно все ему денег должны, — синьора Коломбо осуждающе покачала головой. — Ходил тут, как король. А потом женился на мышке. Все удивились, думали, выберет себе красавицу.

— На мышке?

— Буквально. Американка из летних, мышь была ее тотемом. Маленькая, невзрачная. Лора Лемминг. Бедная девочка!

— Почему? Он же, наверное, богат.

— Все так думали! Но нет. Нищий аристократ женился на дочке богача из Техаса, — покачала головой итальянка. — История не меняется.

Синьора Коломбо поставила на стол две кружки горячего какао и блюдце рассыпчатого орехового печенья с тонкими пластинками миндаля. Святая женщина!

— Ешь, это мои любимые. Жаль, я не могу дать тебе их с собой: у синьориты Кавамура сильная аллергия, она запрещает приносить орехи в шестой домик. А что такого ты сказала этой Уортингтон? Она убежала, словно за ней гнались собаки.

— Я сказала, что мой тотем — черная мамба. Змея, — Тома отхлебнула какао и потянулась за лакомством.

— Что? Змея?! — повариха отшатнулась и схватилась за щеки. — Какой ужас!

— Вы не бойтесь, — спокойно ответила девочка с набитым ртом. — Я наврала.

— Как?! — синьора Коломбо всполошилась еще сильнее.

— Просто. Не могла же я ее ударить.

— А я удивилась, что профессор Эдлунд меня не предупредил.

— О чем?

— О противоядии. Когда к нам приезжает кто-то ядовитый, профессор обязательно раздает персоналу специальные препараты. Ты же знаешь, что дети не всегда могут контролировать трансформации. Сильный испуг, стресс... Большая опасность! Пресвятая Дева Мария, хорошо, что у нас давно уже не было ядовитых перевертышей! — синьора Коломбо перекрестилась. — А кто же тогда твой тотем? Я

— голубь.

Тома заметила, что для летних тотем был поводом для гордости. Про свое животное они говорили, как про олимпийскую медаль.

— Я не знаю. У меня не было трансформаций, — и она выложила дружелюбной женщине свою историю.

Врать надоело, и отчего-то очень захотелось хоть с кем-то поговорить по душам. Франческа Коломбо подходила для этого, как никто другой: терпеливо слушала, сочувственно наклонив голову.

— Не переживай, — сказала она Томе. — Я уверена, все сложится наилучшим образом. Я обязательно помолюсь за тебя. Иди на тренировку.

— Зачем? Все равно у меня ничего не получится. Давайте, я лучше помогу Вам с обедом.

— Нет, — итальянка была непреклонна. — Ты должна обязательно встретиться с профессором Эдлундом.

Тяжело вздохнув. Тома обогнула главное здание, как показала ей синьора Коломбо, и побрела на задний двор. Там в окружении зелени располагался большой стадион, похожий на футбольный, только разделенный на отсеки. В каждом из них бегали животные. Пожалуй, если собрать их всех на корабль, получился бы самый настоящий Ноев ковчег. Вдоль одной из сторон стадиона тянулась длинная низкая постройка со множеством дверей. Тамара двинулась туда и, засмотревшись на жирафа, у самой калитки натолкнулась на крепкого высокого мужчину со светлыми волосами и короткой бородой. Он держал в руках папку и что-то записывал.

— Простите, пожалуйста, — извинилась она.

Он поднял на нее глаза и широко улыбнулся.

— А! Тамара Корсакофф! — воскликнул он. — Первый день — и уже наказание, да? Она виновато пожала плечами.

— Уверен, ты справишься. В конце концов, у тебя самый большой жизненный опыт

среди студентов. Меня зовут Ларе Арвик Эдлунд, я директор этого пансиона. Добро пожаловать на остров Линдхольм, — он протянул ей ладонь.

Она оказалась сильной и горячей; от рукопожатия исходила поддержка.

— Думаю, сейчас ты не станешь пробовать, — продолжил он. — Лучше нам начать индивидуально. Скажем, сегодня в пять часов. Как раз перед ужином. Приходи ко мне в кабинет, и мы попробуем выяснить, есть ли у тебя способность. Хотя лично я в этом несколько не сомневаюсь. Пойдем, я покажу тебе, как тут все устроено.

— Профессор Эдлунд, а как дела у мисс Вукович? — обеспокоенно спросила Тома. — Я не видела ее со вчерашнего дня.

— Она скоро будет в порядке. Мадам Венсан считает, что ей надо полежать пару дней. И я настоял, чтобы мисс Вукович никто не беспокоил.

Профессор провел Тому на стадион и прикрыл калитку.

— Это раздевалки, — он указал на длинное здание с рядом дверей. — Они отличаются по размеру в зависимости от тотема.

— А зачем раздевалки? — удивилась Тома.

— Вижу, мисс Вукович не успела тебя подготовить. Дело в том, что у перевертышей трансформируется только тело. Не одежда. Поэтому ученики спокойно снимают лишнее, перевоплощаются и уже в новом облике выходят на поле. К тому же, новичкам часто нужно спокойно настроиться и сосредоточиться.

— Синьора Коломбо сказала мне, что дети не всегда себя контролируют и превращаются от сильного стресса.

— Такое тоже бывает. К сожалению, раньше многие родители именно так побуждали ребенка к первой трансформации.

— Это как бросить человека в воду, чтобы он научился плавать?

— Верно. Например, могли оставить ребенка на всю ночь в лесу, чтобы он от страха поменял облик. До сих пор в некоторых племенах это нормальное явление. Они используют страх, боль и даже гнев. Но я считаю, что это варварский метод. Сегодня доказано, что мягкая и естественная первая трансформация благоприятно сказывается на дальнейшем развитии перевертыша. Более того, помогает гораздо глубже развить способности.

— Как это?

— Мои студенты могут перевоплощаться не только в свой тотем и даже не только в его ближайших родственников. Благодаря нужной концентрации и медитациям самые старательные выпускники Линдхольма могут трансформироваться в представителей других биологических классов, — гордо сообщил профессор.

— И в растения тоже?!

— Нет, я же говорю — классов. Рыбы, земноводные, рептилии...

— Извините.

— Ничего. Биологию мы тоже преподаем. Многие перевертыши интересуются генетикой и посвящают себя науке, как это сделал я.

— Мисс Вукович говорила, что вы — ученый.

— Да. Люди веками верили, что способность к перевоплощению — это магия. Но я считаю, что нет ничего необъяснимого. Генетика, положение солнца... У всего есть причины и следствия. Если хочешь, я дам тебе почитать свои труды. Я старался писать их... — он замялся, взглянув на Тому. — ...простым языком. Для широкой аудитории. Если, конечно, маленькую популяцию перевертышей можно считать таковой.

— Конечно, профессор. Я с удовольствием почитаю.

Она, мягко говоря, лукавила. Но вряд ли нашелся бы на свете такой феноменальный кретин, который сказал бы директору своей новой школы что-то наподобие: «Фу, биология!.. Серьезно думаете, я буду это читать?!» Поэтому Тома вежливо улыбнулась и отвела глаза. Наверняка, и у него имелись сомнения, что девочка, путающая виды, классы и что там еще в науке есть, станет увлеченно изучать исследования по генетике. Что ж, такая она, светская болтовня.

От разговора ее отвлекло созерцание животных. Лучше всякого зоопарка! Ради этого уже стоило побывать на Линдхольме. Высокие перегородки из прочной сетки делили поле на участки. Хищники прогуливались в своих отсеках, травоядные — в своих. Мелкие животные были собраны в небольшой загон, чтобы их ненароком не раздавил кто-то крупный.

Внимание Тома привлек необычный зверек, размером с кота. Он сидел на длинных задних лапах, как кенгуру. Коричневый мех напоминал мышинный, длинный хвост волочился по земле. Особо умильной была мордочка грызуна с мультяшной улыбкой.

— Боже мой, какая прелесть! — восторженно воскликнула Тома и присела на корточки. — Иди сюда, хорошенький! Можно тебя погладить? Какое чудо...

Она протянула к зверьку руку, но он раскрыл пасть и угрожающе зашипел.

— Тамара! — одернул ее профессор. — Ты что, забыла, что это не животные? Ты хотела погладить одного из третьекурсников!

— О, Господи! Прости, пожалуйста!

Зверек отвернулся.

— А что это за животное? — спросила Тома профессора.

— Квокка. Очень редкий вид из Австралии. Зря ты так. Их племена очень гордые теперь он будет на тебя обижаться.

— Значит, внутри они думают, как люди? — на всякий случай уточнила она.

— Да. Подготовленная трансформация полностью сохраняет человеческое сознание. Звериная натура может взять верх только в двух случаях: если перевертыш провел в теле тотема несколько суток или больше суток в теле чужого животного. Или если перевоплощение было спонтанным, шоковым. Но последнее случается крайне редко и, как правило, у подростков. Да и контроль при этом возвращается довольно быстро.

— А если он был животным несколько суток?

— Я сталкивался с таким лишь однажды. Это был мой коллега, генетик с Гаити. Профессор Мартин Айвана. Он проводил эксперимент, проверяя, как долго сможет оставаться в другом облике. С трудом мне все же удалось вернуть его сознание и заставить перевоплотиться обратно. Но на его психике это сказалось разрушительно. Он стал забывчивым, появились странные повадки, внезапные приступы агрессии и апатии. Ему пришлось оставить преподавание и вернуться домой. Печальная история. Он был моим другом, одним из лучших профессоров Линдхольма.

— Как зовут этого австралийского парня, которого я чуть не погладила? — тихо спросила Тома, когда они отошли от квокки на достаточное расстояние. — Наверное, лучше будет потом извиниться...

— Альберт Куоко.

— Альберт? А разве у аборигенов не должны быть имена посложнее?

— Сегодня представители многих племен берут европейские имена. И индейцы, и

маори... Чтобы не выделяться. У них есть и свои, настоящие имена, но они не всегда о них рассказывают. Вот, например, Джо из первокурсников. Ты, наверное, с ним уже познакомилась за завтраком? Такой большой парень.

— А, Джо, — вспомнила Тома. — Конечно.

— Он из Канады, из племени оджибве. Его фамилия — Маквайан, что значит «медвежья шкура». Вот он, — и профессор указал на огромную бурую тушу.

Медведь сидел в углу у решетки ко всем спиной.

— Он и в облике человека не очень общительный. Можно я к нему подойду?

— Конечно.

Тома перешла в соседний отсек, увернулась от бегущей прямо на нее рыси, — кто-то из старших явно хотел напугать, — и направилась к медведю.

— Эй, Джо! — нерешительно окликнула она, но он не шевелился.

Легонько тронула лоснящуюся на солнце шкуру, — и зверь с утробным рыком резко повернулся к ней. От неожиданности она отпрянула. Сердце бешено стучало, дыхание прерывалось.

— Ты чего! — обиженно сказала она, когда Джо перестал рычать и закрыл пасть, активно шевеля носом. — Это же я, Мара. В столовой, помнишь?

Профессор Эдлунд уже шагал к ним.

— Джо Маквайан! Я просил тебя не медитировать на общих тренировках! — он сурово сдвинул брови. — Ретрансформация! Сейчас же! Жду тебя в своем кабинете в половине пятого!

Медведь шумно выпустил ноздрями воздух, поднялся с земли и потопал к раздевалкам, покачивая задом с прилипшими травинками.

— Джо! — Тома кинулась за ним. — Слушай, прости меня! Я не хотела тебя подставлять...

Он остановился на мгновение, но, так и не взглянув на нее, двинулся дальше.

— Профессор Эдлунд! — она метнулась обратно. — Пожалуйста, не наказывайте его. Я его испугала и...

— Ты здесь ни при чем. Даже лучше, иначе я бы не заметил.

— Чего?

— Он медитировал. Это практики индейцев оджибве, не до конца мною изученные. Они довольно скрытны и не любят делиться своими достижениями. Но это углубляет переход в звериную сущность. Билл, отец Джо, уверял, что это безопасно. Я сомневаюсь. Ты же слышала этот рык. А если бы он напал?

— Что ж, тогда Вам повезло, что там была я, — она усмехнулась. — Меня никто искать не будет.

— Не шути так. Никогда, — профессор серьезно посмотрел ей в глаза.

После неловкой паузы он нарочито бодро улыбнулся и снова обратился к ней:

— Ну, мисс Корсакофф, кого еще из своих новых друзей ты можешь узнать?

— Выдру Ханну, зебру Зури. А, еще вон тот барсук — наверняка Марта.

— Пока все верно.

— А это что за зверек? — она кивнула на животное с острой треугольной мордочкой.

Оно было небольшим, немногим ниже колена, серый мех казался облезлым, по бокам торчали клоки белой шерсти.

— Похоже на помесь крысы и собаки, — задумчиво произнесла Тома.

Сразу несколько животных неподалеку отчаянно зафыркали. Крупный волк будто бы даже кашлял. Тамара готова была поспорить, что именно так звери смеются.

— Что я сказала? — удивилась она.

— Это твоя соседка, — удрученно ответил Эдлунд, глядя, как зверек убегает, поджав хвост.

— Фри... То есть Брин?

— Да. Она — песец.

— Но почему тогда она не белая? И шерсть у нее не такая густая? — Тома замерла, пораженная внезапной догадкой. — Она что, больна?!

— Нет, конечно. Это всего лишь ее летний мех. Да, летом песцы выглядят не очень презентабельно. Зато зимой она здесь будет самой красивой.

Тома выругалась по-русски.

— Мисс Корсакофф! — осадил ее Эдлунд. — Прошу не говорить таких слов в моем пансионе!

— Вы разве знаете русский?!

— Перевертыши — полиглоты. Я не так силен в русском, как мисс Вукович, но за свои сорок пять лет кое-то выучил.

— Простите, профессор. Я опять выставила ее на смех, — Тома удрученно потерла лоб. — Это выходит случайно, я не хочу с ней ссориться, но... Ну, не умею я общаться с людьми!

— Не расстраивайся. В тебе ведь есть что-то хорошее. Вот и сделай так, чтобы Бриндис это разглядела.

— Я попытаюсь.

— Ладно, мне надо обойти студентов и закончить тренировку, ты пока можешь идти. И не забудь: в пять я тебя жду.

Она побрела к выходу, так и не решившись отыскать Брин. Какой смысл? Что ей сказать? Извинения все равно не работают. «В тебе ведь есть что-то хорошее». Ага, если в темноте прищуриться. Ну, что она умеет? Драться? Можно, конечно, дожидаться, когда кто-то посмеется над Брин, и от души начистить ему репу. Тогда придется мыть кухню месяц, и хорошо, если на острове... Говорить по-английски? Здесь этим никого не удивишь. А если...

— Я на тебя не сержусь, — раздался за спиной басовитый голос.

Томе не надо было оборачиваться, чтобы узнать Джо. Она остановилась и позволила ему себя догнать.

— Я тебя напугал, — продолжил он, поравнявшись с ней.

На лице его не было ни сочувствия, ни каких-либо эмоций вообще.

— Ерунда. Я не должна была тебя трогать.

— Извини.

— Не проблема. Ты домой? Может, вместе пойдем? Или лучше покажешь мне остров?

— Да, — он кивнул.

— Что «да»?

— Остров.

— Ясно, — вздохнула Тома. — Экскурсия будет увлекательной.

День выдался по-летнему безмятежным, море радовало игрой солнечных бликов. Теперь, когда гроза смыла с неба серую пелену, на горизонте виднелись очертания противоположных берегов.

Они гуляли около часа, и Тома не понимала, зачем Джо согласился водить ее по острову. Каждое его слово звучало, как последнее, что он собирался сказать в жизни. Зато для болтуна Нанду он явно был идеальным соседом: не перебивал, а только слушал. Не по собственной воле, а от безысходности, скорее всего. Хотя никто не знал, что на самом деле думал Джо Маквайан.

Прогулка помогла проветрить голову и подумать. Местные пейзажи напомнили Тамаре о любви к рисованию. Сделать красивый портрет для Брин — чем не чудесный примирительный подарок? Иначе точно придется лезть в драку.

Поэтому сразу после обеда... Нет, не так. Сразу после восхитительного, обеда, состоящего из нежнейших тефтелек в густой томатной подливке, длинных плоских макарон, которые отлично наматывались на вилку, а еще грушевого пудинга на десерт, Тома, блаженно икая, вернулась в домик, вытащила из чемодана новенький альбом с карандашами, подарок мисс Вукович, и устроилась на кровати.

Тамара решила изобразить Брин вместе с ее тотемом. На соседку она периодически поглядывала, стараясь рисовать с натуры, а песца пришлось сверять с атласом. Разумеется, Тома остановилась на роскошной зимней шубке, которой и славятся полярные лисы. Вышло мило, любительнице плюшевых игрушек и мягких подушек всех форм и размеров должно было понравиться.

Тома дождалась, пока Брин выйдет из комнаты, написала с обратной стороны рисунка «Прости меня, пожалуйста! Мара» и, положив подарок на видное место, отправилась в главное здание. Она не хотела выяснять отношения и надеялась, что исландка сама все поймет, обдумает и к вечеру будет в нормальном расположении духа.

До пяти часов оставалось немного времени, поэтому Тамара бесцельно слонялась по просторному холлу. Занятия еще не начались, и вся постройка пустовала. В тишине раздавалось только звяканье посуды с кухни. Бедная синьора Коломбо, весь день на ногах! Придется почаще нарываться на наказание, чтобы у нее была хоть какая-то помощь.

По всему холлу были расставлены уютные диванчики, у одной стены громоздился старинный рояль с резной подставкой для нот, у другой — стол для пинг-понга. Старая кряжистая липа за окном густой листвой загораживала свет, поэтому кругом царил приятный для глаз полумрак.

Тома заметила множество фотографий в рамках: группы людей в мантиях выпускников. Цветные изображения, черно-белые. И даже коричневатые, датированные пятидесятыми годами девятнадцатого века.

Висели и картины: отдельные портреты, пейзажи Линдхольма, на которых главное здание выглядело совсем иначе, а домики напоминали деревенские лачуги. Только маяк везде оставался одинаковым. Наверное, ему стукнуло, по меньшей мере, две сотни лет.

Наверх вела широкая лестница из темного дерева и упиралась в огромный флаг со знаком солнца в круге и надписью на латыни: «Sol lucet omnibus».

Скрипнув ступенькой, Тома поднялась на второй этаж: по всему периметру шли

балюстрады и двери с табличками. Ханна объясняла, что на втором и третьем этаже проходят занятия, внизу, помимо холла и столовой, располагается главная библиотека, а четвертый этаж целиком отдан профессору Эдлунду. Там и его кабинет, и спальня, и огромная лаборатория, вход в которую разрешен только ему, мисс Вукович и мисс Кавамура. Остальных преподавателей и даже уборщицу миссис Чанг профессор туда не пускал.

Мара подошла к флагу и в задумчивости коснулась полотна.

— Солнце светит всем, — услышала она и обернулась.

Из коридора вышли Джо и Эдлунд.

— Здесь написано на латыни: «Солнце светит всем», — с улыбкой повторил профессор. — Мы с мистером Маквайаном закончили. Пойдем, Мара, я провожу тебя в свой кабинет.

— Тебя подождать? — спросил Джо.

— Я... Я не знаю, — она вопросительно взглянула на Эдлунда.

— У нас будет полноценная тренировка, — ответил тот. — До ужина ты вряд ли освободишься.

— Увидимся в столовой, — кивнул индеец и пошел вниз.

— Вот так да, мисс Корсакофф! — профессор удивленно поднял брови.

— А что? — удивилась она.

— Кажется, ты покорила нашего невозмутимого Джо. Столько слов за один раз даже я от него не слышал.

Они свернули в коридор и вскоре оказались на узкой лестнице. Тома поднималась следом.

— Профессор... — нерешительно начала она, когда они минули третий этаж.

— Да?

— Пока занятие не началось... Дело в том, что мисс Вукович говорила мне... Что Вы знали мою маму.

С его спиной разговаривать было проще: вопросы про маму всегда давались Тамаре нелегко.

— Да, знал.

— Вы поэтому решили взять меня?

— Пожалуй.

— Профессор Эдлунд, прошу Вас. расскажите мне о ней. Хоть что-то. Я всегда хотела побольше узнать о ней. У меня была фотография... Раньше. И все. В личном деле есть информация только о ее смерти.

Шагнув на верхнюю ступеньку, Эдлунд обернулся.

— Я обязательно расскажу тебе все, что смогу. И даже поищу фотографии. Но после занятия.

— Хорошо.

Он провел ее в просторный кабинет: книжные полки, массивный стол, высокие окна и удобные диваны. Здесь было светло, в форточку врывался приятный морской ветерок, принося тонкий запах цветущих лип. Хотелось дышать полной грудью, шагнуть из окна и полететь к маяку, туда, где волны разбиваются о каменистый берег.

— Красиво, правда? — довольно спросил профессор. — Это мое любимое место.

— Мне нравится.

— Ну, — он уселся в кресло на колесиках и хлопнул себя по коленям. — Выбирай, где

тебе будет удобно.

Она устроилась на краешке дивана.

— Располагайся, можешь скинуть кроссовки, растянуться во весь рост.

— Как у психоаналитика?

— Откуда ты знаешь?

— В кино видела.

— Ну... примерно так. Расслабься.

Тамара послушно легла, но расслабиться рядом с чужим человеком было трудно.

— А если я... — неуверенно проговорила она. — Ну, трансформируюсь... Как же моя одежда? И вдруг мой отец был рыбой? Или... Я не знаю... Слоном?

— Сейчас мы не будем перевоплощаться. Просто побеседуем, — успокоил ее Эдлунд. — Я всего лишь хочу определиться с тактикой. Закрой глаза. И рассказывай мне все, что придет в голову.

— Например?

— Попробуй вспомнить что-то хорошее. Что вызывает у тебя улыбку и чувство защищенности.

Это он, загнул, конечно. Ее так и подмывало крикнуть: «Профессор, ты вообще бывал в детских домах? В русских детских домах, потому что если у вас такие тюрьмы, то и вместо интернатов, наверняка, конфетные городки».

Она думала долго. Что принято вспоминать в таких случаях? Дни рождения? Новый год? Походы в кино? Было бы здорово, если бы дни рождения в детском доме могли вызывать улыбку.

Хотя... Да, тот день, когда она нашла ключ от подсобки. Ее собственный уголок.

Она рассказала Эдлунду, как пряталась там, как рисовала, как накопила собственный запас лимонных леденцов. Потом в голову пришел момент, когда Валентина Семеновна разрешила носить шарфик и даже подарила один. Как раз в день рождения. Еще когда достались красивые джинсы из пожертвованных вещей.

Когда Тамара закончила, в кабинете воцарилась тишина. Она открыла глаза: профессор, нахмурившись, смотрел в окно, на щеке у него ходили желваки.

— Вроде, все, — тихо подытожила она. — Я говорила что-то не то?

— Прости меня, — ответил он, наконец. — Я не знал. То есть я думал, конечно, что детям плохо без родителей, но вот так... Извини, тебе не стоило снова об этом напоминать.

— Ничего...

— Я одного не понимаю, — он вскочил и принялся шагать по комнате, сунув руки в карманы. — Почему Лена не написала мне, что тебя некому взять? У нее ведь были родственники... Неужели на Линдхольме не нашлось бы места... В конце концов, перевертыши всегда поддерживали друг друга, и мы подобрали бы тебе приличную приемную семью...

И он что-то пробормотал по-шведски. Тома пока еще полиглотом не стала, но догадалась: это из разряда слов, которые на Линдхольме не произносят.

— Может, еще какой-то метод испробуем? — она попыталась отвлечь Эдлунда. — Можете попробовать меня испугать. Я огня боюсь. Правда, несколько дней назад не сработало, но я...

— Боже, тебя и огнем пугали?!

— Уже все нормально. Или вот Джо. Вы же говорили, что у индейцев есть какие-то

медитации...

— Не сейчас. Кажется, будет сложнее, чем я думал. Хорошие воспоминания не работают, а испуг... Даже если бы я был настолько бесчеловечным, чтобы прибегнуть к этому методу, не думаю, что смог бы придумать что-то страшнее, чем твое детство. Я должен собраться с мыслями... — он замер и потер бороду. — А если... Если действовать через тотем? Допустим, ты унаследовала тотем матери. Тогда тебе нужно общение с подобными. Бриндис! Твоя соседка! Завтра мы устроим вам тренировку, ты постарайся... Да-да, может сработать. И вот еще что...

— Да?

Он открыл один из ящичков стола и извлек пузырек с таблетками.

— Возьми это. Выпей одну сейчас, а потом по одной три раза в день.

— Что это? — она повертела пузырек в руках: никаких надписей и этикеток.

— Одна из последних разработок. Помогает активировать ген перевертыша. Уверен, скоро весь Линдхольм узнает твой тотем.

— А если...

— Никаких если. Пока можешь идти, но завтра утром я жду тебя на тренировке. Тебя и мисс Ревюрсдоттир.

— Хорошо... — Тома опустила ноги и натянула кроссовки. — Но вы обещали мне рассказать о маме.

— Да... Ты права. Что ж, тогда, думаю, лучше нам переместиться в библиотеку.

— Почему?

— Там архивные фотоальбомы. Если тебе еще нужна ее фотография, то...

— Конечно!

Он улыбнулся и открыл перед ней дверь кабинета. Они проследовали к лестнице.

— Ты еще не встречалась с миссис Крианян? — спросил он по пути.

— Нет.

— О, ты многое потеряла! Татевик Крианян — наша долгожительница. Она — единственная, кто помнит старое здание.

— Но ведь новое построили около восьмидесяти лет назад?

— Да.

— Значит, она здесь родилась?

— Нет, работала в библиотеке. А ее муж был преподавателем мифологии народов мира.

— Он умер?

— Давно уже. Сейчас на четвертом курсе учится ее праправнучка, — профессор лукаво прищурился.

— Но как... Сколько же ей лет? Да нет, не может быть. Вы шутите...

— Попробуй отгадать.

Она толкнула высокие двустворчатые двери и оказалась царстве длинных стеллажей. Пахло старой бумагой и книжным клеем. Каждый скрип половицы звучал как удар в гонг в этой мертвенной тишине.

Тома ожидала увидеть древнюю старушку, которую держат на работе в знак почета или за прежние заслуги. Или просто потому, что здесь ей привычно.

Однако за высокой деревянной стойкой, изящно оттопырив мизинчик, пила кофе дама, которой на вид ну никак нельзя было дать больше шестидесяти.

Ее черная с проседью коса была уложена бубликом, в ушах покачивались гранатовые

серьги, тонкие пальцы унизывали многочисленные кольца. Длинный прямой нос, брови, норовящие сойтись на переносице в одну. Незамутненные возрастом зеленые глаза поднялись на профессора.

— Ларе, мой мальчик, — низким с хрипотцой голосом произнесла она.

Если бы Тома слушала ее вслепую, то непременно представила бы себе эдакую грузную тетушку, которая с юных лет не выпускала изо рта папиросу.

Девочка в недоумении обернулась к Эдлунду, пытаясь понять, в чем шутка. Но тот сохранял серьезность.

— Татевик-джан, — он ласково сжал ее плечо. — Ты сегодня восхитительно выглядишь.

— Ты снова по делу? — библиотекарша изогнула бровь. — Не стоило и надеяться, что ты проведешь старушку.

— Как не стыдно! Разве я забывал про тебя?

— Уж не пытаешься ли ты мне солгать, что не найдешь пяти минут выпить кофе? Да что я говорю: моя малышка Седа не заглядывала уже три дня, чего мне ждать от человека, для которого я — никто?

— Татевик-джан, помоги нашей новой ученице. Познакомься, это Тамара Корсакофф.

— Корсакофф?.. Разве не училась у нас девочка с такой фамилией? Лена? Неужели это ее дочь? — миссис Крианян пристально всматривалась в лицо Тома. — Совсем не похожа.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы помните мою маму? — оживилась Тамара.

— Я помню всех, кто здесь учился, — гордо сообщила библиотекарша.

— Лена погибла, когда Томе было два года. Девочка выросла в детском доме.

— Ларе Арвик Эдлунд, как ты мог мне не сообщить! — возмутилась армянка. — Разве все мы здесь чужие? Разве не нашлось бы человека?..

— Я знаю, Татевик-джан, я знаю, — Эдлунд примирительно поднял руки. — Я совершил ошибку. Мара хочет найти фотографии своей мамы, узнать что-нибудь.

— Бедный ребенок! — библиотекарша качнула головой.

— Оформи ей доступ к архивному отделу, пусть смотрит. И я разрешаю ей забрать снимки Лены.

Миссис Крианян напряглась, но после некоторой внутренней борьбы произнесла:

— Конечно, конечно. Я все сделаю. Пересниму для архива копии. Сейчас только схожу за картой, — она встала и ровной походкой, будто у нее вместо ног были колесики, направилась к одному из стеллажей.

— Ей не может быть сто лет! — зашептала Тома профессору.

— Может. — тихо ответил он. — Знаешь, почему? Ее тотем — черепаха. Каждую ночь она проводит в облике черепахи, поэтому стареет в два раза медленнее.

— Разве это...

Но договорить Тома не успела, потому что миссис Крианян уже появилась с папкой в руках. Профессор Эдлунд сослался на дела и покинул библиотеку, а женщина- черепаха тем временем оформила новенькой пропуск, показала архив и выдала толстый альбом: выпуск 1994 года.

Тома села за читательский стол у окна. С одной из страниц на нее смотрела юная веснушчатая девушка в дурацком синем платье с воланами. Волосы с легкой рыжинкой, лоб закрывает пушистая челка, на веках — яркие голубые тени. В другой раз Тома бы посмеялась над наивной безвкусицей, но от того, что она только сейчас впервые увидела мамин портрет,

такой настоящей, цветной и четкий, из груди вырвался звук, похожий на кашель. Она закрыла лицо ладонями и зарыдала.

— Девочка моя, хочешь, я принесу тебе кофе? — сочувственно спросила библиотекаря по-русски и тут же на английском обратилась к кому-то еще: — Подождите, мисс, я должна сначала помочь ей.

— Мара? — услышала Тома. — Это я, Брин.

— Не... сейчас, — с трудом ответила Тамара сквозь судорожные всхлипывания. — Не... до... тебя...

— Все в порядке, миссис Крианян. Я с ней посижу.

Брин уселась на соседний стул и неловко похлопала Тому по плечу.

— Не расстраивайся ты так. Все будет хорошо.

— Не... будет... Моя мама... Она никогда...

— Я знаю. Прости. Слушай, я нашла твой портрет. Я не ожидала. Очень красивый. И тотем похож.

— Пр... правда?

— Да. Извинения принимаются... Просто это полотенце и кружка... Мне все мама покупала, а я очень скучаю. Как будто ты хотела ее отобрать.

— Про... сти, — Тома шмыгнула уже тише.

— Хорошо. Только прекращай реветь, ты же испортишь фотографию.

Тома вытерла нос рукавом толстовки.

— Ладно. Спасибо. Я вообще не плакса.

— Я никому не скажу.

— Честно? Ты ведь имеешь право... За собаку с крысой, за Фри... За все, короче.

— Я думала еще позлиться на тебя, пока не пришла сюда. Потом позлюсь.

— А ты чего делаешь в библиотеке?

— Увидела твой портрет, — и сразу захотелось посмотреть на маму в этом возрасте.

Аты?

— И я хотела на маму посмотреть.

— Я собиралась поискать снимки со встреч выпускников, — сообщила Брин. — Кстати, твоя мама тоже может в них найтись. В каком году она окончила пансион?

— В девяносто четвертом.

— Значит, ищем с девяносто пятого... — Брин направилась к стеллажам.

Тома отвернулась к окну: из щели тянуло свежим морским воздухом, и опухшее от слез лицо приятно остывало. За стеклом сидела рябая пташка и забавно вертела головой, поглядывая на девочку глазками-бусинками. Тамара вздохнула: безмятежно было здесь, красиво. Жаль, ничего не выходит с тотемом. Остается только надеяться, что если она окажется обычным человеком, Эдлунд позволить ей остаться хотя бы в качестве уборщицы.

— Слушай, я все хотела тебя спросить... — обратилась к ней Брин. — Сегодня Шейла и Сара говорили, что твой тотем — черная мамба. Ты ведь действительно ничего о себе не рассказывала... Это правда?

— Понятия не имею.

— В смысле?

— Ну, тотем моей мамы — лиса, а кто я — неизвестно. Эдлунд пытался сегодня настроить меня на трансформацию, ничего не вышло. Я могу быть лисой, змеей, крокодилком... Или просто девочкой.

— А Сара?...

— А Сару я пыталась напугать. Ей полезно.

— Понятно, — Брин опустила белые ресницы.

— И ты даже не спросишь, что я здесь делаю? И по какому праву меня сюда привезли?

— Не-а.

Они рассматривали снимки, выискивая на каждом лице Томиной мамы. Видели украшенный шарами главный холл, праздничные танцы, огромный торт в виде солнца.

— Это же синьора Коломбо! — воскликнула Брин, указывая на стройную итальянку в белом халате.

— Не может быть!

— Да точно, она. Сколько ей здесь? Неужели она так давно работает в Линдхольме?

— По-моему, тут многие проводят всю жизнь.

— Нет, что ты! Мама рассказывала, что когда она училась, были другие преподаватели. Из наших она знает разве что Эдлунда и Лобо, который ведет спорт и испанский. И кого-то из зимних. Многие создали семьи и уехали.

— погоди, а сколько времени уже? Мы на ужин не опоздаем? — обеспокоилась Тома: от изображения торта, пусть и из далекого прошлого, у нее засосало под ложечкой.

— Полвосьмого, — Брин сверилась с телефоном. — Через полчаса закроют.

Они решили пока оставить фотографии в библиотеке, чтобы случайно не испортить их за ужином, спешно попрощались с миссис Крианян и поторопились во владения синьоры Коломбо.

Столовая шумела: студенты смеялись и болтали, звякала посуда. Тамара и Брин набрали на подносы тушеного лосося с маленькими картофелинами и зеленой фасолью и прошли за свой стол. Джо не было. Наверное, поел одним из первых и не стал ее дожидаться.

— А мы уже заволновались: неужели ты пропустишь ужин? — подколола Тому Зури.

— Ну уж нет, — улыбнулась в ответ Тамара. — На мою порцию можешь даже не рассчитывать.

— Я за соком, — Брин встала. — Тебе принести?

— Конечно! Спасибо.

— О, да ты сдружилась с этой Фриксдоттер? — спросила Ханна.

Послышались разрозненные смешки.

— Еще раз так ее назовешь, — яростно прошипела Тома. — И получишь!

— Да ладно, ладно! — Ханна Оттер отшатнулась. — Это же ты сама и придумала...

— Считай, раздумала обратно.

— Как скажешь, — и Ханна принялась усердно ковыряться в своей тарелке.

Брин отошла к столу с напитками. Тома не успела посмотреть на ее реакцию, но надеялась, что этот случай не испортит хрупкого перемирия. За столом летних первокурсников стало тихо: Нанду где-то носило, и некому было развеять шуткой неловкую паузу.

Зато на горизонте показалась Сара Уортингтон со своей свитой. Тамара напряглась, готовясь к атаке, но та всю источала дружелюбие.

— Привет, Мара, — как ни в чем не бывало, пропела английская Барби.

— Привет.

— Слушай, утром вышло некрасиво. Мне жаль. Не хочу ссориться и все такое. На, решила тебя порадовать, — Сара протянула непривычно яркую бутылку газировки. — Ты,

наверное, никогда не пробовала.

— А что это?

Шейла и Раши фыркнули.

— Девочки, перестаньте! Откуда ей знать? — одернула их мисс Уортингтон. — Это дизайнерская кола. Попробуй, очень вкусно.

— Ладно, спасибо, — Тома пожала плечами.

Не то, чтобы ей вдруг понравилась эта снобистская девица, просто врагов у нее и в интернате было предостаточно. Успеет еще нажать.

Уортингтон с подружками растворились в толпе, а Брин вернулась и плюхнулась на свое место.

— Держи, — она поставила перед Томой стакан апельсинового сока.

— Спасибо. Только вот Сара принесла мне колы... Будешь?

— Серьезно? — поморщилась исландка. — Ты собираешься это пить?

— Ну да, а почему нет? Тебе налить?

— Нет, спасибо, — надулась Брин.

На всякий случай, перед едой Тамара проглотила сразу три таблетки профессора Эдлунда — уж больно сильно ей хотелось доказать всем, что она перевертыш.

Кола оказалась самой обычной, Тома отставила ее в сторонку, и к Брин постепенно вернулось хорошее настроение. В домик они возвращались вместе. Было светло: белые ночи, наконец, проявили себя во всем великолепии. Сытый желудок грел изнутри, шуршали легкие волны.

На веранде сидел Нанду с гитарой, вокруг него кучковались ребята, включая, как ни странно, Сару Уортингтон. Увидев Брин и Тому, все заржали.

— Что смешного? — насторожилась Тамара.

— Вот и наша черная мамба! — Сара уперла руки в боки. — Скажи, юная леди, тебя никто не учил, что врать нехорошо?

— Ты о чем?

— Мы все знаем. Что никакая ты не змея, и вообще, скорее всего, не перевертыш!

— Что? — Тома опешила. — Но откуда?..

— Птичка на хвосте принесла.

Она оглядела ребят: не смеялся только Джо.

— Какое это имеет значение? — вступилась Брин. — Ну, соврала, подумаешь, как будто вы все говорите только правду!

— Брин, не надо... — попыталась ее остановить Тома, но опоздала.

— А, с ней еще и Фриксдоттир! Отличная из вас получилась парочка! Фрик и псевдомамба! Не хочешь посмотреть, что ты пила сегодня за ужином? — Сара развернула к ней свой телефон.

На видео они с Шейлой плевали в разноцветную бутылку колы.

— Ну как, вкусно было? Дизайнерская работа!

— Мне все равно, мамба я или сибирский ядовитый хомяк! — Тома отодвинула от себя Брин. — Тебе не жить!

Тамару трясло от ярости. Голову сжали огненные тиски, внутренности скрутило, как стираное белье. От гнева она едва держалась на ногах. Ее передернуло, и она двинулась на Сару, сжав кулаки.

Но не успела она дотронуться до этой несчастной аристократки, как та побледнела и

испуганно вскрикнула. Тома сделала еще один шаг: ноги слабели, перед глазами все качалось, череп раскалывался от боли. Веранда, Сара, ребята куда-то поплыли, и спина врезалась в твердую поверхность.

— Позовите мадам Венсан! — крикнул кто-то.

Из тумана появилось лицо Брин.

— Что... происходит? — с трудом выговорила Тома.

— Ты превратилась в Сару Уортингтон, — ответила Брин, и все погрузилось в темноту.

Глава 7

Мара находилась в блаженной невесомости, как большое мягкое облако. Вне пространства и времени. Сквозь пелену умиротворения пробивались отдаленные обрывки фраз.

— Мила, есть доказательства насчет времени ее рождения? — спрашивал мужской голос.

— Ничего, кроме свидетельства, — отвечал женский.

— Справки из больницы? Документы о беременности?

— Откуда? Если что-то и было, то тот пожар...

Пожар, огонь... Не хочу ничего слышать. Тишина... Потом снова голоса:

— А то письмо?

— Какое?

— Письмо Лены, которое пришло незадолго до ее смерти? Что в нем?

— Не помню. Понятия не имею, где оно может быть. Я только знаю, что должен был взять ее в Линдхольм.

— Черт, Лена умела подкинуть проблем...

— Перестань! Сейчас надо выяснить, откуда у Тамары зимний дар. Я позвоню Мартину.

— Зачем? У него крыша протекает, чем он может помочь?

— Советом, хотя бы.

— Ты ведь не собираешься притащить его сюда? Здесь дети! А если Селия тоже придет?

— Я сам с ней разберусь, Мила!

— Ларе, это все можно решить в твоем кабинете, — встрял кто-то третий. — Если вы разбудите мне ребенка, восстановительные процессы замедлятся!

— Прости, Полин.

Шаги, щелчок закрываемой двери. И тихая иностранная речь, похожая на полоскание горла. А потом снова тишина и невесомость.

Из забытья Мару вывел яркий солнечный свет. Он бил в глаза через закрытые веки, навязчиво пробирался под ресницы. Она поморгала и огляделась вокруг: абсолютно белая комната, занавеска, отделяющая ее кровать от остального пространства, на тумбочке — миска с фруктами и фотография мамы в резной деревянной рамочке.

Пошевелила рукой — и чем-то зацепилась за одеяло. Проверила — в запястье стоял катетер. Приподнялась, пытаясь сесть, но голова сразу закружилась, стены заколыхались. И Мара откинулась обратно на подушку. В животе заурчало от голода, и она взяла из миски большую желтую грушу.

Сладкая хрустящая мякоть помогла проснуться окончательно. Мара поправила подушку, устроилась поудобнее и взяла мамино фото. Рамка была вырезана грубо, вручную. Сзади на картонке была подпись: «Маре от Брин и Джо. Поправляйся!» Она улыбнулась. Кажется, эти двое спелись, пока она была в отключке. Кстати, а сколько времени прошло? И как она могла превратиться в Сару Уортингтон? Вроде, летние так не могут... Может, все-таки глюк? Не стоило глотать сразу три таблетки Эдлунда. Ладно, рано или поздно кто-нибудь из взрослых придет и все объяснит.

Она взглянула в окно: за стеклом прыгала и щебетала птичка. Похожая на ту, что была в

библиотеке. Побольше воробья, но такая же невзрачная.

— Привет, — сказала Мара, чтобы хоть как-то нарушить тягостную тишину. — Посмотрим, чем можно тебя угостить...

Она покопалась в своих гостинцах и нашла под фруктами мешочек с арахисом. Аккуратно встала, держась за кровать. Голова больше не кружилась, но ноги слушались неважно. Опираясь на стену, Мара подошла к окну и распахнула его, чтобы насыпать угощение. Но птица стремительно влетела в комнату, задев девочку крылом по щеке.

— Эй! Ши! Лети отсюда! Вот черт! А вдруг правда кто-нибудь теперь двинет кони? Ши!

Наглая птица сделала круг под потолком и исчезла за занавеской у Мариной кровати. Раздался глухой стук. Мара понадеялась было, что та шарахнулась об стену, и теперь ее можно будет словить и выставить в окно, но тут послышался шорох постельного белья.

— В пододеяльнике запуталась? — Мара двинулась на звуки. — Так тебе и надо! Чтобы я еще хоть раз...

Девочка отодвинула занавеску и вскрикнула. На соседней кровати старательно заворачивался в простыню Нанду.

— Откуда ты?.. — она осознала, что говорит по-русски и перешла на английский. — Что ты здесь делаешь? И если птица — это ты... И там в библиотеке... Нееет... Это ты, что ли, всем растрепал про мой тотем?!

— Ну... Фактически, я... — он наморщился и жалостливо сделал брови домиком. — Я подумал, лучше ты это от меня узнаешь, иначе доложит кто-нибудь другой. Там вся школа из-за тебя гудит.

— Чертов воробей! Меня теперь возненавидят! — она размахнулась, чтобы как следует двинуть ему в челюсть, но голова снова закружилась, и Мара торопливо присела на свою койку.

— Я дрозд! — обиженно сказал Нанду. — Ты в порядке?

— Нет. Но скоро буду, и тогда не советую попадаться мне на глаза. Дрозд, воробей... Какая разница? Мозги у тебя птичьи!

— Эй, я же не виноват, что ты придумала мамбу! Сказала бы всем честно с самого начала...

— А если бы я оказалась обычной?

— Радуйся, теперь тебя по необычности никто не переплюнет. Даже если бы ты оказалась птеродактилем, народ бы меньше удивился!

— Да в чем проблема? Мало в Линдхольме зимних?

— Ты не поняла, что ли?.. Короче, история такая... — Нанду прервали голоса из-за двери.

Парень встрепенулся, вытянул голову, потом лег на пол и попытался залезть под кровать.

— Ты куда? — удивилась Мара.

— Это мадам Венсан! Она меня убьет! К тебе никого не пускают!

— А не проще превратиться обратно в птицу?

— Умная! Я так быстро не могу. Это Эдлунд трансформируется в полете, а я должен сосредоточиться...

— Подождите, профессор! — голос в коридоре звучал уже совсем близко. — Я должна проверить состояние мисс Корсакофф.

— Отвернись, — шепнул Нанду.

Мара послушалась: раздалась какая-то возня, потом ее окатило волной теплого воздуха, и раздалось хлопанье крыльев. Она обернулась: дрозд уже исчез за окном. И очень вовремя: дверь распахнулась, и в комнату зашла худая высокая женщина с короткой стрижкой и огромными карими глазами.

— Oh, mon Dieu[1]! — воскликнула она, переводя взгляд с открытого окна на девочку, сидящую на кровати. — Какое безрассудство! Тебе категорически нельзя вставать.

[1] Боже мой! (франц.)

Потом заметила беспорядок на соседней койке и осуждающе хмыкнула.

— Что здесь произошло?

— Мне было жарко, и... Я открыла окно... — импровизировала Мара. — А потом хотела укрыться простыней вместо одеяла...

— Жарко? Может, у тебя лихорадка? Или повышенное давление? Ложись немедленно. Я тебя осмотрю.

Француженка облачилась в белый халат, прикрыла окно и взяла со стола градусник, тонометр и фонендоскоп. Она, казалось, состояла из одних конечностей.

— Меня зовут Полин Венсан, — уже мягче произнесла она, присаживаясь на стул рядом с Марой и касаясь прохладными пальцами лба девочки. — Твой организм перенес серьезный стресс, еще пару дней тебе придется провести в кровати.

— Как мисс Вукович?

— Почти. Только ты не была подготовлена к полной трансформации. Если бы я опоздала, ты могла впасть в кому.

Мадам Венсан проверила показатели Мары, занесла их в свой журнал, и только после этого позволила войти Эдлунду и Вукович.

— Только недолго, — предупредила доктор. — И не вздумайте ее волновать.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил профессор, устраиваясь на стуле.

— Нормально. Небольшая слабость, — отозвалась Мара. — Но я не понимаю, почему я вдруг превратилась в Сару Уортингтон? Выходит, мой отец был зимним?

— Да. Но нас всех удивляет другое: до сих пор не было ни одного случая, чтобы перевертыш, рожденный в день летнего солнцестояния, трансформировался в другого человека, — профессор старался говорить с улыбкой, но Мара чувствовала его обеспокоенность.

— Как, совсем ни одного?

— Да.

— А если у двух зимних ребенок родится летом?

— Варианта два. Если у кого-то из них в роду был летний перевертыш, есть шанс, что этот ген достанется ребенку, — объяснил Эдлунд. — Либо он не будет иметь способности вообще. То же касается и летних, если вдруг их ребенок появится на свет зимой.

— То есть способность зависит не только от наследственности?

— Да. И от астрономических факторов тоже. Но они, к сожалению, изучены хуже, чем генетика.

— Проблема еще и в том, — вмешалась мисс Вукович. — Что у зимних способность к трансформации проявляется постепенно. Сначала происходят изменения каких-то отдельных элементов внешности, и то лишь по родственному принципу. Я объясняла тебе в самолете. А в твоём организме произошел сбой. Ты пила из бутылки мисс Уортингтон, ее ДНК попала к тебе...

— Пила из ее бутылки? — перебила Мара с усмешкой. — Это она рассказала?

— А что, было по-другому?

— Теперь уже неважно. Простите. И что с ее ДНК?

— Вероятно, под влиянием стресса ты перевоплотилась полностью. Это первый известный мне подобный случай. Может быть, раньше у тебя менялись цвет глаз или расположение родинок, просто ты не обращала на это внимания?

— Нет. Я бы заметила.

— Я так и думала, — кивнула хорватка. — Мы взяли образцы твоей крови, попробуем провести исследование. Но до тех пор тебе лучше не контактировать с чужими... биологическими материалами. Ешь и пей только из своей посуды, не бери чужую зубную щетку, воздержись от поцелуев...

— Не собираюсь я никого целовать! — возмутилась Мара.

— Я должна была тебя предупредить. Кроме того, ты переедешь в мой домик.

— Зачем? Я только успела привыкнуть к Брин... И к остальным...

— Таковы правила, — мисс Вукович была непреклонна. — Речь идет о твоём здоровье, и рядом должен быть компетентный преподаватель. При всем моем уважении к мисс Кавамура, она из древнего рода летних перевертышей и не сможет помочь, если с тобой снова случится что-то подобное.

— Я должна кое в чем признаться, — Мара прикусила нижнюю губу. — Возможно, это случилось из-за таблеток, которые дал мне профессор Эдлунд. За ужином я выпила сразу три штуки. Я понимаю, это опасно, но мне очень хотелось поскорее...

— Что за таблетки?! — мадам Венсан сурово посмотрела на профессора. — Как Вы могли давать детям какие-то препараты без моего ведома?!

— Полин, все в порядке, — сказал профессор. — Мара, это были простые витамины. Плацебо. Ты не верила в себя, и я решил дать тебе веру в волшебную таблетку. Видимо, сработало.

— Сразу три штуки! — рот мадам Венсан превратился в тонкую ниточку, ноздри сердито трепетали. — Неизвестного препарата! Сумасшедший ребенок!

— Ларе не стал бы давать ей что-либо, если бы не был уверен в безопасности, — отчеканила Вукович, смерив француженку взглядом поверх очков. — Не стоит обсуждать поступки директора в присутствии ребенка. К тому же, именно витамины помогли ей справиться с такой нагрузкой.

— А может быть, что в моем свидетельстве о рождении неправильно указали дату?

— с надеждой спросила Мара: уж больно ей не хотелось становиться уникалом и привлекать к себе излишнее внимание.

— Я все проверил, — покачал головой профессор. — Мои знакомые из России делали запрос в органы регистрации Твери. Свидетельство подлинное, и с датой все в порядке. Но тебе не о чем беспокоиться. Главное, что ты здесь, а вместе мы со всем разберемся.

— А мне точно нельзя полежать два дня у себя в домике? — Мара попыталась повторить бровями умильную мимику Нанду. — Обещаю не вставать с кровати...

— Полин, может, правда?... — вступился Эдлунд.

— Разумеется. Если, конечно, Вы официально соглашаетесь, что жизнь и здоровье ребенка — на Вашей совести, — мадам Венсан скрестила руки на груди. — Мое мнение здесь никого не интересует, поэтому делайте, что хотите. Подвергайте девочку смертельной опасности, сводите на нет все мои усилия... Я всего лишь персонал...

— Мы поняли тебя, — раздраженно прервала ее мисс Вукович. — Достаточно было просто ответить: «Нет».

— Прости, Мила, я думала это очевидно, — доктор резко развернулась и села заполнять журнал, демонстративно шурша страницами.

— Я тебя понимаю, Мара, — вздохнул профессор. — Даже представить себе не могу, каково это: жить в одном доме с зимними девочками. Все это, помноженное на число студенток за вычетом безупречного воспитания наших дорогим мадам Венсан и мисс Вукович...

— Неужели у всех зимних сложный характер?

Эдлунд нагнулся к Маре и еле слышно прошептал:

— Ужас!

— Самое время дать пациентке отдохнуть, — бросила через плечо мадам Венсан, возвращаясь к письменному столу.

— Да-да, мы уже уходим, — профессор подмигнул Маре. — Тем более, надо подготовиться к завтрашним гостям.

— А кто придет? — девочка наморщила лоб, пытаясь выцепить из памяти разговор, который она слышала без сознания. — Кажется, Вы обсуждали... Мартин, Селия...

— Но как ты?.. Ты что, все понимала?! — изумилась мисс Вукович. — Я думала, тебе дали снотворное!

— Какое снотворное поможет, если у человека орать над ухом? — парировала мадам Венсан.

— Девочки, прошу вас! А как же покой пациентки? — и профессор повернулся к Маре. — Действительно, я пригласил своего коллегу Мартина Айвану. Того самого, который пробыл в облике своего тотема, игуаны, почти неделю. Он покажется тебе немного странным, но, поверь, он настоящий гений! А Селия Айвана — его дочь. Мы с детства были с ней очень близки, она работала здесь моей ассистенткой, но потом ей пришлось вернуться на Гаити вместе с отцом.

— Тоже игуана?

— Нет, она зимняя.

— Профессор Эдлунд, — Мара нерешительно взглянула на директора. — Кажется, вы упоминали письмо моей матери... Если оно существует, я бы хотела знать.

— Нет никакого письма, — хорватка ответила слишком быстро, и Мара напряглась.

Подозрение усилил взгляд, которым обменялись Эдлунд и Вукович. Но Тамара знала: выудить что-то из взрослых сложнее и неприятнее, чем выковырять улитку из раковины. Зато уж если они что-то скрывают, то исключительно стоящее. В конце концов, делиться с детьми они предпочитают только занудной и никому не нужной информацией вроде алгебры, физики или полного списка бактерий, от которых мучительная смерть настигнет каждого, кто не вымыл руки перед едой.

Поэтому Мара изображала смирение, про себя уже просчитывая пути доступа в кабинет Эдлунда. Два дня в палате главного здания? Ей хватит.

— Профессор, а можно последнюю просьбу? — ее вопрос застал директора в дверях.

— Конечно, Мара.

— Вы не могли бы разрешить моей соседке, Бриндис, навестить меня?

— Я как раз собирался ей предложить! Она постоянно спрашивает про тебя. Увижу ее на тренировке — и обязательно передам.

— Скорее бы! А то не представляю, чем я тут буду заниматься весь день.

— Разве у тебя нет планшета или телефона?

— Ларе, это бестактный вопрос, — мисс Вукович тронула его за локоть. — Она же...

— Ах, да, прости! — профессор хлопнул себя по лбу. — Что ж, скоро наш общий день рождения, и бестактный вопрос будет исчерпан. Ты не расстраивайся, я принесу тебе что-нибудь почитать.

Чем-нибудь оказалась монография Эдлунда «Солнцорожденные. Физиология полиморфизма». Если до этого Мара считала, что нет ничего скучнее, чем проваляться весь день в кровати, то профессор доказал ей обратное. Да, она всегда гордилась знаниями английского, их вполне хватало для непринужденного общения с иностранными сверстниками. Но читать научный труд? Даже русский учебник биологии действовал на нее, как снотворное, а уж книга Эдлунда и вовсе вызывала стойкое желание выколоть себе глаза и надеяться, что у него не заваялся экземпляр со шрифтом Брайля.

К счастью после обеда, который Маре принесли прямо в палату, нарисовалась Брин. В руках она сжимала толстую папку-скоросшиватель и сияла, как полы в детском доме перед приходом губернатора.

— Как ты себя чувствуешь? — нетерпеливо спросила она, явно рассчитывая поскорее перескочить формальности.

— Окей, — Мара проглотила последний кусочек орехового печенья. — Что у тебя там?

— Я была в библиотеке. Миссис Крианян разрешила перекопировать некоторые фотографии. Мне пришло в голову, что надо искать не только во встречах выпускников, но и среди остальных праздников. Зимнее солнцестояние, летнее, юбилей школы...

— Нашла?

— А что бы я тогда, по-твоему, стала копировать? Возьми, только аккуратно, — Брин протянула папку.

Мара стряхнула с одеяла крошки и положила увесистый результат поисков на колени. Брин постаралась: знакомое лицо с веснушками глядело с самых разных снимков. Лена Корсакова смеялась, танцевала, играла в мяч и участвовала в конкурсах и эстафетах. Юная и живая. Брин не просто пересняла фотографии, она их увеличила.

— Подожди, посмотри сюда, — исландка ткнула пальцем в одну из страниц.

— Да, здесь у мамы красивое платье, — мечтательно протянула Мара.

— Да нет же! Видишь, с кем она танцует? — Брин указала на высокого черноволосого парня.

— И что?

— А теперь посмотри сюда.

Следующая фотография была сделана на веранде студенческого домика: какая-то девушка с гитарой, остальные сидят вокруг... За годы ничего не изменилось в Линдхольме. Лена Корсакова была среди них: она оказалась в самом углу снимка, но Мара заметила, что на ее плечо положил руку тот самый парень, с которым она прежде танцевала.

— Видишь? — торжественно воскликнула Брин. — Смотри дальше.

Юноша появлялся почти везде, где и Тамарина мама. Школьному фотографу даже удалось запечатлеть поцелуй влюбленной парочки.

— Я спросила у миссис Крианян, и она узнала его. Это Озгюр Кокмаз, — старательно выговорила Брин, заглянув в телефон. — Ученик из Турции. И... он — зимний!

— К чему ты клонишь?

— Я нашла его выпускной альбом. Ты только посмотри! — исландка ерзала от нетерпения. — Черные волосы, карие глаза, как у тебя... Он ведь может оказаться твоим отцом!

— Не знаю... Это все равно, что считать всех альбиносов родственниками... — Мара прикусила язык. — Прости. Постарайся пропускать мимо ушей половину того, что я говорю.

— Уже, — Брин выглядела задетой. — Сейчас только ленивый не говорит о твоей трансформации. Конечно, кое-какие факты твоей биографии выплыли наружу. Теперь столовая напоминает научный симпозиум, а Нанду дует, ведь вместо того, чтобы слушать его песни, народ устроил тотализатор.

— Какой еще тотализатор?

— Зимний третьекурсник Ричард собирает ставки: тебя усыновили, дата рождения фальшивая или это первый в истории случай, когда зимний ген проявился на летнее солнцестояние. Слушай, а откуда у тебя эта книга? — вдруг отвлеклась Брин, заметив фолиант Эдлунда на тумбочке.

— Профессор принес, — скривилась Мара. — Жуть.

— Так это же старое издание! Раритет! Его сейчас не достать. Я читала только новую редакцию.

— Уже за это тебе стоит дать медаль.

— Ты что! Книга потрясающая! А Эдлунд — гений! В молодости он провел столько исследований, пока не занялся преподаванием... — Брин бережно взяла в руки монографию и провела пальцем по тисненым буквам на переплете. — А как тонко он описывает механизм усвоения и редупликации чужеродного ДНК организмом зимнего перевертыша... Можно я возьму почитать?

— Бери, если тебе совсем уж нечем заняться. Только расскажи потом вкратце, чем там все кончилось, чтобы я смогла ответить профессору, если он спросит. Я остановилась на фразе «Сегодня в мире насчитывается более сотни видов».

— Так это же первое предложение!

— А я и не говорила, что смогла прочитать больше! Подожди, так что с этим Кормазом из Турции?

— Ну да, — Брин отложила книгу подальше от Мары, как будто эта прошитая стопка бумаги могла слышать, что о ней говорят. — Я не настаиваю, что ты его дочь. Но ведь это можно проверить! По крайней мере, из студентов Линдхольма он явно знал ее лучше всех! Кстати, об этом. Мисс Вукович ведь твой опекун?

— Да.

— А ее ты расспрашивала о маме?

— Кажется, они не были знакомы. По крайней мере, это Вукович задавала вопросы, а не я.

— И этостораживает. Смотри внимательно, — Брин перевернула несколько страниц. — Вот здесь. И здесь. Видишь эту смешную девочку в огромных очках? Это Мила Вукович.

— Не может быть! Она сейчас совсем другая, такая строгая, а эта с косичками, брекетами, да еще и в гетрах... — Мара присмотрелась. — Хотя... Сходство есть...

— Я уточнила у миссис Крианян. Ошибки быть не может. Так вот, дальше начинается самое любопытное, — Брин наклонилась к Маре. — Мама рассказывала мне, что первогодки всегда встречают гостей на Рождество. Такая традиция. Я решила посмотреть альбом за

восемьдесят девятый, за год до поступления твоей мамы, и вот, посмотри.

Мара с недоумением взирала на нарядный праздничный снимок: главный холл Линдхольма, гирлянды, ученики в красных колпаках.

— Ну? — она переводила взгляд с одного студента на другого: Елены Корсаковой там не было. — Почему у тебя такой вид, будто ты нашла доказательство существования инопланетян?

Ледяные глаза Брин торжествующе поблескивали из-под белесых ресниц.

— В левом углу, — гордо сообщила она. — Видишь парочку под омелой? Это твой предполагаемый отец. А рядом с ним не кто иной, как юная мисс Вукович. За год до появления в Линдхольме твоей мамы они встречались.

— Но почему ее нет на других фотографиях? В те годы, когда мама уже здесь училась? Может, они не пересекались? — Мара пыталась переварить информацию и от нервов начала хрустеть пальцами.

— Прекрати, — брезгливо поморщилась Брин. — Они учились в одно и то же время, просто Вукович и Коркмаз старше твоей мамы. На первом курсе Вукович участвовала во всех праздниках, постоянно появлялась на фотографиях. Потом, вероятно, после расставания с Озгюром Коркмазом она стала одеваться иначе. И ее с трудом можно отыскать в альбомах. Вот портрет с выпускного девяносто третьего года. Платье с воротником, пучок, сердитое лицо. Знаешь, о чем это говорит?

— Что занудство у нее в крови?

— Что расставание далось ей тяжело. Следовательно... — Брин выжидательно посмотрела на собеседницу.

— Следовательно, она так и не вышла замуж. То есть, она слишком любила моего отца и... — Мару пронзила догадка. — И ненавидела мою маму! Звучит, как...

— Мотив, — договорила за нее Брин. — Звучит, как мотив для убийства.

Глава 8

Чем больше Мара думала над словами Бриндис, тем убедительнее ей казалась эта версия. А фраза, которую Вукович обронила, когда Тамара была без сознания? «От Лены всегда были одни проблемы!»

Допустим, мама увела чужого парня. Что ж, грустная история. Разве за это убивают? Нормальные люди — нет. Но ведь Вукович — зимняя, а Эдлунд ясно сказал, что у зимних сложный характер. Мара и сама не шутанчик, и ругаться умеет, и драться, и всю жизнь вынашивает план мести. Может, Вукович тоже ждала удобного момента, чтобы рассорить парочку? Разделила, потом нашла ненавистную разлучницу и собиралась убить вместе с ребенком, но что-то пошло не так. Ребенок остался жив, и теперь она решила подобраться поближе, втереться в доверие и завершить, наконец, свое грязное дело. Она не учла одного: что Мара окажется такой умной. Ну, или, по крайней мере, сумеет подружиться с гениальной девочкой из Исландии.

И письмо... Вукович не хочет, чтобы Мара знала о письме матери. Значит, там может быть что-то важное. И чтобы это выяснить пришлось выпросить у Брин телефон на одну ночь. Та, конечно, покочевряжилась немного, но потом сдалась. Она была доброй, эта Брин, хоть и с бзиками насчет личных вещей. И слегка ябеда.

Вот почему Мара не стала сообщать бывшей соседке по комнате о своих планах. Вместо этого пристала с разговорами к мадам Венсан и издали выведала у ничего не подозревающей француженки все о профессоре Эдлунде.

Оказалось, что его тотем — орел, и он любит каждый вечер перевоплощаться и летать над островом.

— Кружит над маяком, — сообщила Полин Венсан, неодобрительно поджав губы. — Между нами говоря, эта его манера трансформироваться в воздухе... Ребячество! Развлечение ради адреналина. Вот однажды запутается крыльями, и упадет. Я много раз предупреждала его, но в этом пансионе врачей слушают, когда уже поздно...

— А в чем он должен запутаться крыльями?

— Как в чем? В штанах, конечно! Разве ты не слышала? Он выпрыгивает из окна прямо в джинсах, на лету перевоплощается, а штаны потом вынуждена приносить к нему в кабинет бедная уборщица миссис Чанг. Безумие! Какой пример он подает детям?

Мара подавила смех, чтобы не разочаровывать мадам Венсан. Потом сослалась на головную боль, сказала, что свет настольной лампы давит на глаза. Осталось лишь притвориться спящей и дожидаться, пока докторша повесит халат на крючок и покинет пост, предоставив единственной пациентке возможность отдохнуть.

Тогда Тамара подошла к окну и подала условный сигнал: три длинных свистка и два коротких. Так они договорились с Нанду по телефону. Парень не походил на ярого блюстителя правил, а потому вызывал доверие. Кроме того, он хотел загладить свою вину за болтливость, и Мара рискнула. Одна бы она сейчас не справилась, а помочь больше было некому: Брин обожала учителей, а Джо был слишком неуклюжим и медлительным, к тому же имел склонность зависать в своих мыслях.

После ее свистков, — а свистеть Тамара умела мастерски, — в распахнутое окно влетел дрозд, и вскоре из-за занавески в сумерках белой ночи появился, словно Кентервильское привидение, Нанду в простыне.

— Не нравится мне твоя затея, — с ходу сообщил он. — Если что — отвечать тебе.

— Разумеется. От тебя требуется только скакать по подоконнику и следить за Эдлундом.

— А тебе не страшно? — удивился Нанду.

— Почему мне должно быть страшно?

— Ты же все-таки девчонка...

— Боишься — так и скажи, — презрительно фыркнула она, сознательно цепляя бразильского выпендрейника на «слабо».

— Ничего я не боюсь!

— Вот и отлично. Сейчас ждем орла, потом я иду в кабинет, а ты — летаешь снаружи и если видишь Эдлунда — свистишь, — Мара приоткрыла дверь, проверяя, нет ли кого в коридоре.

Было пусто: мадам Венсан, вероятно, уже отдыхала в своей комнате по соседству с палатой, а другие учителя и вовсе не появлялись в главном здании из-за каникул.

— Вылетел, — шепотом сообщил Нанду.

Мара кивнула, сунула в карман пижамных штанов пару иголок от шприцов, пластиковую скидочную карту, найденную у доктора на столе, и листок бумаги. Покрепче сжала телефон Брин и выскользнула в коридор. Передвигаться бесшумно она научилась еще в детском доме. Аккуратно прошла вдоль стены, перебралась на лестницу и поднялась на четвертый этаж. Там было тихо и темно, и только из-под двери кабинета пробивался желтый свет.

Весь вечер Мара искала в телефоне Брин, как вскрыть замок. Во время визита к Эдлунду она заметила, что в отличие от железной двери с суперсовременными замками, охраняющей лабораторию, вход в кабинет был по старинке простым: деревянная дверь, обыкновенная ручка с ключом, который во время сеанса торчал из замка. И Мара надеялась, что профессор именно так все и оставил.

На всякий случай подергала ручку: заперто. Попробовала поддеть язычок пластиковой картой, но впустую. Этот фокус работал только в кино. Тогда она, следуя инструкциям из интернета, подсунула под дверь лист бумаги, и принялась выталкивать ключ из замка с помощью игл от шприца.

Было сложно, от волнения и слабости пальцы еле слушались, иглы то и дело падали на пол, к тому же, приходилось прижимать подбородком к груди телефон, чтобы хоть что-то видеть. Нет, она будет, кем угодно: дворником, сантехником или даже учителем, но только не взломщиком! Минуты тянулись долго и невыносимо мучительно, и, наконец, Мара услышала стук падающего ключа. Потянула на себя лист — вуаля! Пропуск к маминному письму лежал перед ней.

И только отперев дверь и вползая на корточках в кабинет, чтобы с улицы нельзя было разглядеть ее силуэт, Мара осознала, что понятия не имеет, где искать. Она думала лишь о том, как пробраться к Эдлунду, а вот с чего начать поиски, не рассчитала.

Хорошо хоть, что дрозд-Нанду сидел на подоконнике, его присутствие придавало ей сил. Она направилась к тумбочкам. Ужин напомнил о себе бунтом в желудке, перед глазами запрыгали мелкие мошки. Похоже, она переоценила свое состояние, но отступить было некуда.

Выдвинула первый попавшийся ящик: куча бумажек, но все недавние, слишком уж белые. В другом обнаружила папки с таблицами, в третьем — толстые тетради, исписанные

от руки. Ни намек на письмо. Сердце отчаянно колотилось, ей все чудилось, что она уже слышит свист дрозда, поворачивалась, — нет, птица невозмутимо скакала у распахнутого окна.

— Черт, Нанду, где искать?! — прошептала она по-русски, не рассчитывая на ответ.

Подползла к письменному столу, но едва протянула руку к дверце, из коридора раздался стук каблуков. Забилась под столешницу, затаила дыхание. Хлопанье крыльев, щелчок замка... Нанду слинял, оставив ее наедине с неожиданной гостьей Эдлунда.

Запахло свежими духами, обладательница каблуков прошлась по кабинету, раздался шорох выдвигаемых ящиков и шелест бумаги. Потом Мара услышала неразборчивое ворчание про дьяволов, которые что-то понесли[1], и узнала голос мисс Вукович.

[1] Мара услышала хорватскую фразу «Djavli te donesli!» — Черт тебя подери!

Неужели тоже пришла за письмом? Выходит, Брин была права? От волнения все зачесалось, под футболку будто заползли сотни муравьев. Но Мара закусил губу и сжала пальцы, боясь пошевелиться.

Завуч сердито захлопнула ящик, подошла к столу и долго копошилась в документах. Снова что-то пробормотала по-хорватски, выключила свет и покинула кабинет.

Если бы в четырнадцать можно было поседеть, Тамара бы сейчас походила на Брин. Время искать письмо вышло, ей бы успеть смыться, до того, как прилетит профессор. Она дождалась, пока шаги в коридоре стихнут, мысленно сосчитала до двадцати и рванула к двери, но услышала за спиной звон стекла и обернулась: на полу поблескивала россыпь осколков. Она сшибла фотографию со стола.

Витиевато ругнувшись, Мара посветила себе телефоном, лихорадочно все собрала в подол футболки и, не помня себя от ужаса, ломанулась в палату.

Отдышалась и, наконец, смогла успокоиться: за ней никто не гнался. К счастью, фотография Эдлунда была того же формата, что и портрет мамы. И Мара переставила свое стекло в рамку профессора.

Лишь закончив, она обратила внимание на снимок, который Эдлунд держал у себя на столе: красивая девушка с гладкими черными волосами. В ее внешности было что-то экзотическое: чуть раскосые глаза, маленький, будто детский нос, свойственный скорее китайцам, чем индейцам. Может, она из эскимосов? Мара перевернула рамку и прочитала надпись на английском: «Моему орлу с любовью. Инира». Девочка вздохнула. Придется отнести сейчас же: эту пропажу Эдлунд сразу заметит.

И хотя ей до смерти хотелось лечь, вытянуть ноги и отрубиться, она снова прокралась к директорскому кабинету, перед этим, на всякий случай, щелкнув загадочную Иниру на телефон Брин.

Эдлунд уже должен был вернуться, поэтому она постучала и скрестила руки на груди, придерживая фотографию под футболкой.

— Одну минуту! — раздался знакомый голос, и профессор распахнул дверь.

— Это я. Увидела свет и решила, что Вы не спите. Можно?

— Что-то случилось? — Эдлунд шагнул назад, пропуская девочку.

— Не могла уснуть. — она прошла к столу. — Думаете, профессор Айвана сможет разобраться с моей проблемой?

— Ну, какая же это проблема? Скорее, научная загадка. Нет повода для волнений.

Он разразился успокоительной лекцией, а Мара, слушая вполуха, дождалась, когда он отвернется.

— А правда не было никакого письма от моей матери? Мне казалось, я ясно слышала...

— Мисс Вукович не хочет тебя нагружать этой информацией, — Эдлунд задумчиво погладил щетину на скуле. — Но если начистоту, я считаю, что ты имеешь право знать... Хотя я толком не помню, что там было написано. Видишь, ли, я не представляю, где оно может быть. Сам я бы его не выбросил, но моя ассистентка... В те годы со мной работала Селия, я попробую завтра у нее спросить, но ничего не обещаю. Двенадцать лет прошло.

И профессор подошел к окну, глядя куда-то вдаль. Мара воспользовалась моментом и вытащила рамку, но второпях не рассчитала силы и чересчур громко стукнула ею об стол. Эдлунд резко обернулся.

— Что там у тебя? Аккуратнее, пожалуйста! — он подошел к ней и бережно взял фотографию. — Это ценная вещь.

— Простите, пожалуйста, — Мара отвела глаза от его сердитого взгляда. — Она показалась мне красивой.

— Ты права, — Эдлунд грустно улыбнулся. — Ладно, мисс Корсакофф, иди спать. Профессор Айвана будет здесь рано утром.

После пережитых волнений Мара уснула с трудом. И не успела она толком отойти от смутного кошмара, в котором носилась по лабиринту заброшенных коридоров и пыталась найти Нанду, как мадам Венсан ворвалась в палату, громко призывая девочку к водным процедурам.

— Что случилось? — пробормотала Мара, накрываясь с головой одеялом.

— По-английски! Будь добра, говори по-английски, — француженка повесила на спинку кровати чистую одежду. — У тебя пять минут, потом я принесу завтрак.

— А почему такая спешка? — Мара села и взъерошила волосы.

— Выясняется, что Густав два часа назад отплыл из Стокгольма с профессором Айваной. Они будут здесь с минуты на минуту! Я удивляюсь: неужели нельзя было сказать раньше?

Не переставая ворчать, она стремительно вылетела в коридор и хлопнула дверью, от чего стеклянные дверцы на шкафчике задребезжали.

Мара так и не успела выяснить, почему приезд Айваны так взволновал француженку, но все же привела себя в порядок, перекусила, повязала на шею новенькую бандану и застелила кровать.

Вскоре в палату заявила целая делегация: непривычно подобострастная мадам Венсан, Эдлунд, Вукович, еще пара незнакомых Маре учителей и, наконец, смуглый седой мужчина с маленькой острой бородкой и экзотическая красавица.

— Познакомься, это Мартин Айвана и его дочь Селия. Он даже отказался позавтракать, чтобы поскорее... — начал был Эдлунд, но гость поднял вверх руку, заставив директора Линдхольма замолчать.

Профессор Айвана медленно повернул голову к Маре и впился в нее ничего не выражающим взглядом. Воцарилась тишина. Странный старик смотрел на нее, наверное, несколько минут, не шевелясь и почти не моргая. Все терпеливо ждали, Тамаре было неуютно и жутковато. В какой-то моменте ей даже показалось, что профессора парализовало, его взгляд расфокусировался и был направлен вроде бы и на нее, но в то же время куда-то мимо.

Он отмер настолько быстро и неожиданно, что Мара вздрогнула. Только что он стоял здесь и пялился на нее, как на пузырьки в аквариуме, а через мгновение рванулся к окну и

закрыл его.

— Дует, — сообщил он. — Что ж, случай, несомненно, уникальный. Если ты, конечно, исключил возможность усыновления.

— Нет ничего, что указывало бы... — попытался ответить Эдлунд, но Айвана снова перебил его.

— Я бы проверил лучше. У тебя есть биологический образец матери? Ты не брал ее материал во время своих исследований?

— Нет, я еще не занимался наукой, когда Лена здесь училась.

— Ясно. Пока я в этой девочке не вижу ничего от матери. Разве что линия носа, но это сомнительные данные. Ты запросил эксгумацию? — Айвана разговаривал так, будто Мары не было в комнате.

— У меня нет точных сведений о захоронении.

— Какого черта я здесь делаю, Ларе? О, какой науке может идти речь, если ты не предоставил доказательств?

— Я не сомневаюсь, что мисс Корсакофф...

— Очевидно, ген отца оказался доминантным, если принять на веру факт материнства. Странно, невероятно странно... — старик наклонился над Марой, прищурившись, осмотрел ее лицо, взял за подбородок и повертел ее головой, как куклой.

Вблизи его морщинистая кожа напоминала черепашую шею, кустистые брови тянулись паучьими лапками к глазам. От него пахло крепким табаком и чем-то сладким.

— Девочка явно метис, но я не могу точно определить вторую расу. Я бы сделал сканирование, чтобы определить точную форму черепа...

— Профессор Айвана, я прошу Вас проявить чувство такта! — вмешалась мисс Вукович.

Ее сжатые губы побелели, на лбу вздулась вена от плохо скрываемой ярости.

Но старик не обращал на нее никакого внимания.

— Ларе, ты взял образцы ребенка? — спросил он.

— Конечно.

— Ранняя полная трансформация кажется мне довольно любопытной. Дайте девочке чужеродную ДНК. Интересно, она справится с противоположным полом?

— В каком смысле? — подала голос Мара.

Профессор удивленно посмотрел на нее, как будто вдруг осознал, что она умеет говорить.

— Ты перевоплощалась в мальчика? — он попытался изобразить приветливую улыбку, но вышел какой-то маньяческий оскал.

— Нет, — Мара поежилась.

— Найдите кого-то близкого по генотипу...

— Нет, это возмутительно! — взорвалась мисс Вукович. — Полин, ты нам даже волновать ее не разрешала, а теперь молчишь, когда профессор Айвана собирается подвергнуть ребенка такой нагрузке?!

— Профессор, после первой трансформации девочка была двое суток без сознания, — извиняющимся тоном начала мадам Венсан. — Я боюсь, что следующее перевоплощение...

— Вы правы, — кивнул Айвана. — Нам может понадобиться система искусственного жизнеобеспечения. Когда Густав сможет ее подвезти?

— Нет! — хором ответили Венсан и Эдлунд.

— В смысле? — недоумевал Айвана.

— Папа, я думаю, мы это обсудим потом, — мягко вмешалась Селия и подошла к отцу.

Голос у нее был мелодичным, обволакивающим и действовал на окружающих, как дудочка на змею. Она откинула назад шелковистую прядь угольных волос, ласково улыбнулась Маре и погладила отца по плечу.

— Ты напугал мисс Корсакофф. Я уверена, нам ни к чему торопиться, верно? К тому же, разве не подойдет новая система тестирования, которую ты создал в прошлом году? Думаю, Ларе будет в восторге, — она подмигнула Эдлунду. — Пойдем вниз, я попрошу синьору Коломбу приготовить тебе фруктовый салат. Ты ведь ничего не ел в самолете.

— Их еда ядовита! — буркнул Айвана, пока дочь аккуратно вела его к двери. — Я против термической обработки...

— Разумеется! Но ты же знаешь, синьора Коломбо... — и странная парочка исчезла в коридоре.

Мисс Вукович дождалась, пока палату покинут остальные учителя, задержав Эдлунда за рукав.

— Я предупреждала! — зашептала она, столь выразительно округлив глаза, что очки съехали на кончик носа.

— Мила, не при ребенке!

— Хорошо. Но я ее забираю отсюда. Иначе этот сумасшедший старик пролезет сюда ночью со скальпелем.

— Мила! Не нагнетай! Делай, как знаешь. Мне надо поговорить с Мартином, — и Эдлунд вышел.

— Собирайся, — коротко бросила Маре мисс Вукович. — Ты переезжаешь в мой домик.

— Но как же мадам Венсан? — протянула девочка, судорожно пытаясь придумать, как выкрутиться.

— Мне все равно, что скажет мадам Венсан. Я жду тебя внизу через десять минут, — хорватка хлопнула дверью.

Учитывая тот факт, что Брин подозревала Вукович в убийстве, Маре не улыбалось оказаться с опекуной под одной крышей. Конечно, доказательств пока не было, и Вукович заступилась за нее перед этим жутким стариком, но вдруг она просто боится, что он что-то обнаружит? Вдруг в этих тестированиях кроется ответ? Тем более, вчера она шарила в кабинете Эдлунда явно неспроста.

Хотя... У Вукович и раньше было полно возможностей расправиться с Марой. Два дня без сознания: убивай — не хочу! Она чего-то ждет... Но чего? Ладно, вариантов все равно нет. Зато в домике можно будет лучше присмотреться к врагу.

Тамара завернула фотографию мамы и телефон Брин в пижаму и направилась вниз. На втором этаже у флага с солнцем она встретила Селию.

— Куда ты? — удивилась дочь профессора. — Разве твоя реабилитация уже закончена? Мадам Венсан об этом ничего не сказала.

— Кажется, она сама только что узнала, — Мара указала взглядом на докторшу, которая яростно перешептывалась в холле с мисс Вукович.

— Они всегда друг друга терпеть не могли, — рассмеялась Селия. — Миле, по-моему, вообще угодить невозможно.

— Вы хорошо ее знаете?

— Конечно! Я всех тут отлично знаю. Училась, а потом еще пять лет была ассистенткой профессора Эдлунда. Он как раз закончил институт, мы начинали научную работу вместе.

Тогда еще был жив его отец, а мой работал здесь преподавателем... — Селия ностальгически улыбнулась. — Хорошие были времена.

— А мою маму вы тоже знали?

— Более или менее. Все выпускники Линдхольма знают друг друга, мы ведь одна семья.

А твой дар проявился давно?

— Пару дней назад, вашего отца поэтому и позвали.

— То есть это правда была твоя первая трансформация? Но как же тогда ты попала в пансион?

— Оказалось, что моя мама перед смертью отправила письмо профессору Эдлунду, и он решил рискнуть. Поэтому мисс Вукович забрала меня из детского дома и привезла сюда. Видите, он оказался прав. Если бы не мадам Венсан, я могла умереть. Вряд ли медсестра в интернате знает, что делать в таких случаях.

— Бедная девочка! — сочувственно сказала Селия. — А что же твоя мама написала профессору Эдлунду?

— Хотелось бы мне знать... Но он и сам не помнит. Вот бы найти это письмо...

— Потому что это напоминание о маме?

— Да. И еще там может быть что-то, указывающее на ее убийцу.

— Как?! Твою маму убили? — Селия выглядела испуганной.

— Я в этом почти уверена.

— Бедная девочка, — повторила Селия и обняла Мару, окатив сладким персиковым ароматом. — Мне так жаль! Я должна извиниться за своего отца. Тебе столько пришлось пережить, а он со своими экспериментами... Должно быть, сильно тебя испугал. Вообще-то он добрый, хотя и кажется сумасшедшим. Не бойся, я не позволю ему тебя обидеть.

— Спасибо, — Мара поневоле залюбовалась Селией.

Все в ней казалось идеальным: загорелая кожа, ровные зубы, миндалевидные глаза с самыми длинными изогнутыми ресницами, которые Мара только видела в своей жизни. Гаитянка была одета просто: дорожные льняные штаны, хлопковая блузка с закатанными рукавами, часы на кожаном ремне. И все же каждое ее движение дышало неуловимой южной грацией. Не хватало только тропического цветка за ухом.

— А кто ваш тотем? — поинтересовалась Тамара.

— У меня нет тотема, — Селия вновь продемонстрировала не улыбку, а мечту стоматолога. — Я зимняя.

— Надо же! А профессор Эдлунд говорит, что у зимних сложный характер! Наверное, вы — исключение!

— Не бери в голову, — подмигнула Селия. — Просто у него перед глазами только Венсан и Вукович.

— Это точно. Извините, я пойду, а то сложный характер мисс Вукович обрушится на меня, — и Мара, окрыленная новым знакомством, поспешила вниз по лестнице.

Ей вслед доносился мелодичный смех Селии Айвана.

Контраст с домиком летних Мара почувствовала сразу, как только переступила порог своего нового жилища. Эдлунд был невероятно тактичен, говоря о сложном характере зимних, и, глядя на коллег по цеху, она с ужасом думала, что и сама, вероятно, не сахар, раз оказалась среди них.

Ради переселения Мары зимних первокурсниц пришлось потеснить. Густав и Джо собрали в шестом домике двухъярусную кровать, и на дверной табличке написали третью фамилию.

Мара попала в спальню, где обитала мрачная девочка-гот из Голландии с громким именем Ида ван дер Вауде, завесившая свою стену душераздирающими плакатами о смерти, и, что еще хуже, Рашми Тхакур, подружка Сары Уортингтон. Сама же избалованная британка вместе с рыжей Шейлой Флинн жила в соседней комнате.

Естественно, новенькой не только не устроили дружелюбной встречи, но и игнорировали ее по всем фронтам. Расспрашивать было не о чем: за несколько дней слухи разнесли по Линдхольму все реальные и выдуманные факты Мариной биографии.

В первый же день Мара усвоила: в обиталище зимних невозможно было случайно взять чужую кружку или полотенце: даже самая мелкая вещь была подписана нестираемым маркером. Рашми и вовсе запирала свой шкафчик на ключ каждый раз, выходя из комнаты.

В гостиной под книги была отведена лишь одна полка, остальные пустовали в ожидании учебников. Каждое мягкое кресло уже кто-то успел застолбить, сидеть можно было только на стуле или диване. С телевизором действовало правило «кто нашел пульт, того и канал», причем из вредности нашедший готов был включить познавательную передачу высшей степени занудства или фильм на родном языке. А помимо Рашми Тхакур, любительницы писклявых песен и танцев в сари, шестой домик мог похвастаться ученицами из Кореи, Йемена, Венгрии и Финляндии. За неделю, проведенную среди зимних, Мара даже засомневалась в своей способности к языкам: она смотрела тарабарщину по ящику и не понимала ровным счетом ничего. Да и Рашми со своими индийскими мелодрамами быстро отбила у нее охоту проводить время в гостиной. Поэтому Мара самоустранилась из игры «спрячь пульт», хотя соблазн врубить перед всеми отечественный киношедевр был велик.

Большую часть дня она все равно проводила у Брин: та блаженствовала в одиночестве, а на свободную кровать поселила своих плюшевых питомцев. Как-то Тамара случайно скинула их, когда валялась и рисовала, а потом рассадилась в неправильном порядке. Брин это привело в ужас: заяц мистер Морковка должен был сидеть слева от медвежонка Левенгука, который боялся сквозняков, а мартышке Дарвину полагалось быть с краю: там открывался хороший вид на липовые деревья.

Мара выслушала эти объяснения и подумала, что прозвище Фриксдоттир был не таким уж нелепым, но вслух спросила только про историю малыша Левенгука. В ответ Брин разразилась детальными жизнеописаниями, и Маре пришло в голову, что ее подруга, должно быть, ужасно одинока, и не каждому готова доверить тайны своей плюшевой семьи. К тому же Брин считала дни до приезда мамы и от этого была как на иголках. Поэтому дружеская поддержка пришлась ей как нельзя кстати.

Летняя половина Линдхольма бурлила. Студенты готовили концерт, ведь на солнцестояние традиционно приезжали родители. Нанду, с которым Мара до сих пор не

разговаривала после его побега из кабинета Эдлунда, сочинил песню, Зури с одной из третьекурсниц разучивала традиционные африканские танцы, Ханна ваяла плакаты.

Поговаривали, что старшие вместе с учителями собираются устроить нечто невероятное. Зрелищное шоу с перевоплощениями. Все это держалось в строжайшей тайне, но ходили слухи про самую настоящую корриду и птичий хор. Старшая сестра Брин, Сигрун, с которой Маре, наконец, довелось познакомиться, ни в какую не раскрывала секретов праздника. Хотя и принимала в организации живейшее участие.

Сигрун оказалась обыкновенной темноволосой девочкой в очках со среднестатистическими умственными способностями. Тотем чайку она унаследовала от отца. С Брин общалась прохладно, всячески ее избегала и в присутствии однокурсников старалась сделать вид, что не знает ее. В Линдхольме вообще мало кто знал про их родство. Дело в том, что Сигрун носила другую фамилию: Мавюрсдоттир. Дочь чайки, а не дочь песка, как Брин. Таков уж обычай летних перевертышей: гордо носить тотем в имени или фамилии.

Ханна, Зури и остальные летние первокурсницы не поменяли своего отношения к Маре из-за ее зимнего дара. Историю про черную мамбу теперь с удовольствием пересказывали, как анекдот.

Как только портрет Брин заметила Сигрун, Мару немедленно назначили оформителем праздника. На гигантском листе, разложенном на полу в общей комнате, она изображала старую липу и вокруг нее разных животных, чтобы каждый мог найти там свой тотем.

Правда, почетная должность штатного художника Маре надоела уже через пару часов: то и дело к ней подходили знакомые и незнакомые ученицы и требовали то мех изобразить более пушистым, то перья сделать поярче. Хорошо хоть, мальчишки остались довольны сходством.

Брин была единственной, кого рисунок тотема совершенно не беспокоил. Она переживала, что Мару поселили слишком близко к мисс Вукович.

— Наверняка она тоже пыталась найти в кабинете Эдлунда письмо твоей матери! — возбужденно шептала она с дивана, пока Мара ползала по полу с кисточкой. — Пытается скрыть улику! И хочет добраться до тебя.

— А почему она не убила меня, пока я была без сознания?

— Тише ты! Нас могут услышать, — прошипела Брин, захваченная детективной историей. — Мадам Венсан не отходила от тебя! И никого не пускала в палату! И потом: я звонила маме. Она говорит, что Вукович всегда была странной.

Что вообще могли считать странным члены семьи, в которой дочь в четырнадцать лет играла в плюшевых медвежат и между делом зачитывалась научными монографиями? Мара снова смолчала. Чтобы сохранить первого настоящего друга ей то и дело приходилось глотать язвительные замечания.

— Джо говорит, что вчера мисс Вукович передала Густаву список покупок, — сообщила Брин. — Бедолага завален поручениями перед праздником. Одних свечей придется привезти два ящика.

— И что странного в том, что Вукович тоже к нему обратилась?

— Джо краем глаза видел, что в списке. Ты только не пугайся.

— А чего мне пугаться? Не человеческие же головы она заказала!

— Хуже, — Брин оглянулась и приблизилась к уху Мары. — Она заказала жидкость для гриля и мелатонин!

Исландка вытаращила глаза, как будто сообщила нечто из ряда вон.

— А что такое мелатонин? — уточнила Мара.

— Гормон эпифиза, регулирующий суточные ритмы.

— Брин, пожалуйста!

— Это легкий снотворный препарат для людей. Но на перевертышей он действует иначе, еще профессор Верлиндер в шестьдесят первом году доказал удивительный эффект...

— Брин! — взмолилась Мара.

— В общем, для перевертышей это очень сильное снотворное.

— Хорошо. И чего здесь страшного?

— Ты что, не видишь связь? На солнцестояние домики будут пусты, все соберутся в главном здании. Она рассчитывает усыпить тебя и...

— Поджечь?! — ошарашено закончила Мара. — Как маму?

— Ну, это всего лишь догадка, — Брин пожала плечами. — Но я бы на твоём месте постаралась в день рождения не выходить из главного здания, все время быть рядом с кем-то из наших, ничего не пить и не есть.

— Совсем ничего?

— Или есть прямо около кухни синьоры Коломбо, чтобы никто не успел тебе ничего подсыпать.

— Чего подсыпать? — раздался низкий голос.

Мара вздрогнула от неожиданности. Джо со своими габаритами немислимым образом умудрялся подкрадываться бесшумно.

— Привет, Джо. Ты бы постучался...

— Красиво, — он кивнул на картину и уселся в большое кресло.

— Медведя я тоже скоро нарисую.

— Хорошо. И что тебе подсыпят?

Мара и Брин переглянулись.

— Сказать? — спросила исландка.

В Джо было что-то надежное и крепкое, его спокойствие распространялось на тех, кто оказывался рядом. Если кому и доверить тайну, то ему, потому что он бы точно никому не сболтнул. И Мара выложила молчаливому собеседнику всю историю от пожара до жидкости для розжига и мелатонина. Джо выслушал ее невозмутимо, ни разу не шевельнувшись.

— Почему вы не расскажете Эдлунду? — поинтересовался он, когда Мара закончила.

— А что я ему скажу? Вукович он знает сто лет, а меня — неделю. Угадай, кому он поверит? Тем более, у меня нет никаких доказательств.

— Значит, надо их добыть, — осенило Брин. — Ты дождешься, пока мисс Вукович предложит тебе еду или напиток, спрячешь их, а потом отнесешь Эдлунду. Все! Ее дело передадут в Верховный совет, и уж они-то заставят ее признаться в остальном.

— Какой Верховный совет? — удивилась Мара.

Джо и Брин уставились на нее, как бедуин на снежные сугробы.

— Верховный совет солнцерожденных, — пояснил парень.

— Они принимают решения, которые касаются мира перевертышей, — продолжила за него Брин. — В том числе расследуют преступления, устраивают суды, сажают преступников.

— Даже специальная тюрьма есть?

— Конечно! А какой смысл сажать перевертыша в обычную? Он перевоплотится в

крысу или в охранника, и никто его не поймает. А в тюрьме для перевертышей за ними строго следят, а особо опасным или сумасшедшим назначают пожизненный курс уколов ХГС.

— Что это? — нахмурилась Мара.

— Хорионический гонадотропин солнцeroжденных, — расшифровала исландка. — Это как гормон беременных у человека, только у перевертышей.

— И как он действует? — Мара совершенно забросила картину и слушала подругу, раскрыв рот.

— Тебе бы стоило почитать книгу Эдлунда, — осуждающе произнесла Брин. — Действие гормона открыл профессор Айвана, поэтому его дико уважают в Верховном совете. Дело в том, что во время беременности перевертыши утрачивают способность перевоплощаться. Они не могут вовлечь в трансформацию другого человека, еще не рожденного ребенка. Айвана доказал, что дар блокирует именно этот гормон, ХГС. А Верховный совет использует открытие в своих целях.

Мара поежилась. Мартин Айвана, возможно, и был гениальным ученым, но она была рада, что Селия сдержала слово и все это время не подпускала к ней профессора. Айвана и Эдлунд целыми днями торчали в лаборатории, а тренировки летних пришлось на себя профессору Лобо, самому настоящему испанскому вервольфу, от которого дружно пищали старшекурсницы. А подготовка к празднику легла на хрупкие плечи мисс Вукович. На ее настроении это сказалось отрицательно, и Маре подумалось, что если хорватка и не была убийцей раньше, то в любой момент готова была ею стать.

Вечером, когда плакат с тотемами был закончен, а ученики уже разбрелись по домикам, и даже Нанду, измученный репетициями, не развлекал народ песнями на веранде, Мара, Брин и Джо сидели на пустом поле для тренировок и жевали печенье синьоры Коломбо. Дс солнцестояния оставалась всего пара дней.

Убаюкивающе шуршало море, ветерок доносил из главного здания приглушенные звуки джаза, — профессура тоже имела право расслабиться, — небо было расцвечено молочно-розовыми и сиреневыми полосами заката. Приближался самый долгий день в году, и ночь от скромности не показывалась вовсе.

— Ты не собираешься искать этого Коркмаза? — спросила Брин, задумчиво сортируя печенье на блюде по размеру.

— Кто это? — Джо выудил два самых крупных.

— С ним встречалась моя мама, — отозвалась Мара.

Она лениво распласталась на покрывале и любовалась небом, подложив руки под голову. От красоты шведской белой ночи даже есть не хотелось.

— Брин думает, что он мой отец, — продолжила она, немного помолчав. — Я думаю, что, во всяком случае, он ее хорошо знал. Но я искала в интернете — ничего.

— А феноменальная память миссис Крианян? — Брин закончила с печеньем и принялась собирать пальцем крошки.

— Она помнит его. Но давать личную информацию отказывается. Это не для публичного доступа и все такое. Только по специальному разрешению директора.

— Попроси Эдлунда, — предложил Джо.

— Ты в своем уме? — Мара приподнялась на локтях. — Я к лаборатории на сто метров не подойду. Ханна ходила на днях, решила спросить напрямую у Эдлунда, потому что Вукович ей что-то запретила. Так Ханна видела, как профессор выгнал из лаборатории мисс

Кавамура! Свою же ассистентку! Не знаю, что у них там за эксперименты, но моя проблема подождет.

— А я бы на твоём месте сходила с ума от неизвестности! Как ты можешь оставаться такой спокойной? — недоумевала Брин. — Ведь ответ так близко, а ты как будто и не собираешься его искать. А если мы с Джо отвлечем миссис Крианян, пока ты...

— Ни за что! — отрезала Мара. — Я знаю, к чему ты клонишь. Хватит с меня взломов. И потом, ответ ведь не главное. Что я буду с ним делать? А вдруг он и правда мой отец? И не захочет меня знать? Так, по-твоему, будет легче?

— То есть лучше всю жизнь знать, что у тебя мог бы быть отец, а ты даже не попыталась с ним связаться?!

— Я пыталась. Не вышло — ну и ладно, судьба такая. Когда получится, тогда получится. Мне бы сейчас разобраться с Вукович...

— Вот он и помог бы нам понять, стоит ли ее опасаться!

— Опасаться я ее буду, если взломаю библи...

— Тихо! — Джо поднял вверх палец. — Кто-то идет.

Брин замерла, вытянула шею и повернулась к главному зданию, наполовину скрытому от глаз тренировочной сеткой и деревьями.

— Да вроде нет никого... — Мара пожала плечами.

— Нет-нет, — прошептала Брин. — Я слышу шаги.

— Женщина, — заметил Джо.

Они замолчали, и спустя несколько секунд из синеватой тени лип на поле вышла Селия Айвана.

— Привет! Мара, я искала тебя повсюду, а синьора Коломбо сказала, что ты заходила за печеньями. Я сделала своего фирменного горячего шоколада и решила присоединиться к пикнику, — она продемонстрировала большой термос. — Вы не против?

Ребята подвинулись, уступая место гаитянке, и Мара в очередной раз поразилась грации, с которой двигалась эта женщина. Она была живой иллюстрацией правила: каблуки, рюшки и косметика — еще не признак женственности. Глядя на нее, Мара верила, что и сама сможет стать привлекательной в простецких майках, кедах и джинсах. Даже грубые наручные часы не делали Селию пацанкой, а лишь подчеркивали хрупкость ее запястья. Тамара вздохнула — не от зависти, от восхищения. Хоть она и всячески открещивалась от бабских хитростей, но в глубине души надеялась однажды стать похожей на Селию Айвана.

— Вы так спорили, — с улыбкой проговорила гаитянка, разливая шоколад по стаканчикам. — Может, расскажете, в чем дело?

— Да так, ерунда, — быстро ответила Брин.

— Вы знали Озгюра Коркмаза? Зимнего из Турции? — спросила Мара, проигнорировав предупреждающий взгляд подруги.

— С трудом припоминаю... Возможно, я видела его пару раз на встречах выпускников. Он не из моего потока. А зачем тебе?

— Брин нашла фотографии, где он вместе с моей мамой. Кажется, у них был роман. Кстати, это Бриндис и Джо, мои друзья.

— Приятно познакомиться, — кивнула Селия. — Ты хотела расспросить его о маме?

— Ну... Да. Хотя... Не знаю, правда ли это... — Мара замялась.

Брин выпучила глаза, призывая ее замолчать, Джо едва заметно качнул головой. Но Тамаре до жути хотелось услышать чье-то мнение насчет отцовства. Вдруг это бред сивой

кобылы, и она зря тратит время на поиски Коркмаза?

— Думаешь, он твой отец? — договорила за нее Селия. — Не бойся, Брин, я никому не скажу. Вы не доверяете мне, но у меня нет причин вредить Маре. К тому же я скоро уезжаю.

— Как?! — удивилась Мара. — Так быстро?

— У моего отца много дел дома. Я бы с удовольствием осталась, но кто-то должен за ним присматривать. И у Эдлунда уже есть ассистентка, мисс Кавамура. Не хочу быть лишней. Но я постараюсь помочь тебе с Коркмазом.

— Правда? — и Мара наградила Брин взглядом «я-была-права».

— Конечно, — Селия откинула волосы назад. — Но я сильно сомневаюсь, что он мог быть твоим отцом. Это ведь всего лишь школьная любовь, с тех пор столько лет прошло до твоего рождения...

— А Вы не знаете, какие отношения были у моей мамы и мисс Вукович?

Селия прикусила губу и посмотрела куда-то в сторону, силясь вспомнить.

— Вукович мало кого любит, — произнесла она, наконец. — Лена вызывала у нее раздражение, но сама по себе, или как все остальные женщины... Точно не знаю. Мила со всеми ссорится, меня тоже терпеть не может. А твоя мама была яркой, веселой, ее всегда окружали друзья и кавалеры. Она превращала каждую встречу выпускников в фееричный праздник, который длился всю ночь и охватывал Линдхольм от первокурсника до Эдлунда-старшего. Даже Густав вылезал из своей комнатки в маяке.

— А на встречи выпускников она приезжала вместе с Коркмазом?

— Кажется, нет... Но лучше проверьте архивы.

— Я смотрела, — подала голос Брин. — Но мама Мары не приезжала в Линдхольм несколько лет после выпуска. Там нет ни ее, ни Коркмаза.

— Поищите позже. Я точно помню ее на общих праздниках.

Селия посидела еще немного, в конце концов, даже Брин расслабилась в ее присутствии. И только Джо оставался молчалив, как, впрочем, и всегда.

Вскоре шоколад закончился, гайтянка отчалаила с пустым термосом, и ребята поспешили в свои домики. Комендантский час по правилам начинался с десяти, а они протянули почти до полуночи. Большинство учителей наслаждались сейчас в главном здании предпраздничной дегустацией десертов, и студенты надеялись, что легкое нарушение правил останется незамеченным.

Брин и Джо свернули к домикам летних, а Мара в одиночестве двинулась между липами к себе.

— Эй! Мара! — окликнул ее кто-то шепотом.

Она остановилась, пытаясь отыскать источник звука.

— Это я, Нанду! — из-за широкого ствола выглянула знакомая физиономия.

— А, ты... — разочарованно протянула она. — Иди, куда шел.

— Слушай, ты долго будешь дуться за то, что я тогда улетел?

— Я не дуюсь. Сама виновата, что решила положиться на такого хвастуна, как ты.

— Да, я испугался! Думаешь, раз я из фавелы, то готов влезть в кабинет директора?

— Откуда ты? — переспросила Мара.

— Фавела Росинья в Рио. Ну, бедный квартал... Неважно. Тебя ведь не поймали! Я пришел извиниться.

— Зачем тебе? Вокруг твоей гитары и так полно девчонок.

— Им просто скучно. Как только узнают, что я... Ну, не из богатых... И отца у меня

нет... — он раздраженно фыркнул. — Ты-то должна понять!

— Предлагаешь организовать клуб?.. — скептически начала Мара, но Нанду рванул ее к себе, пихнул за старую липу и зажал ей рот ладонью.

Мимо по главной дорожке прошествовала сердитая мисс Вукович.

— Она ищет тебя, — шепнул Нанду прямо в ухо Маре. — Я пришел к тебе извиниться и увидел, что она бесится. Твои соседки сказали, что ты после ужина не возвращалась.

Он медленно отпустил руку. Тамара беззвучно выругалась.

— И как мне теперь попасть домой? — еле слышно спросила она.

— Спокойно. Я пролез в вашу душевую через окно и запер ее изнутри.

— Ты... что?! В женскую душевую?

— Мне уйти?

— Нет. Договаривай.

— Я сейчас догоню и отвлеку ее, у тебя три минуты. Лезь туда, намочи волосы, и скажи, что ты все это время мылась.

— Но ведь она узнает, что ты на улице посреди ночи!

— Плевать. Но после этого мы — квиты, ясно?

— Спасибо, — шепнула она и кинулась к своему домику.

— Мисс Вукович, постойте! — донесся до нее вопль Нанду. — Вы не слушаете мой новый куплет?.. Это очень срочно!

— Мистер Торду, Вы смотрели на часы? — резко ответила хорватка.

О чем они говорили дальше, Мара не смогла расслышать, потому что отчаянно пыталась подтянуться, вцепившись в подоконник. Ей удалось в последнюю секунду: едва она приземлилась на кафель, в дверь постучали.

— Мисс Корсакофф, Вы здесь?

— Я же Вам объясняю, мисс Вукович, ее не было дома весь вечер, — прогундел мерзкий голос Сары Уортингтон.

— Все в порядке, я сейчас выйду! — отозвалась Мара.

Пихнула голову под кран, потом спрятала уличную обувь и, как ни в чем не бывало, вышла из душевой, растирая полотенцем мокрые волосы.

— Сколько можно мыться? — недовольно спросила Вукович.

— Извините... — и Мара решила вытащить из рукава свой козырь. — Просто в детском доме нам давали только пять минут, и мне так хотелось...

— Я поняла. Все в порядке. Но на будущее учитывай, что ты здесь не одна, — Вукович поправила очки и перевела взгляд на Сару. — А Вы, мисс Уортингтон, держите свои домыслы при себе.

— Но я переживала: вдруг с ней что-то случилось...

— В таком случае, теперь, когда все выяснилось, Вы сможете спокойно заснуть в своей комнате, не так ли?

Сара пробормотала что-то невнятное и ретировалась вместе с Шейлой и Рашми. Мара вернулась к себе, переделалась и забралась на верхний ярус кровати. Ида уже спала, и Тамара намеревалась последовать ее примеру. Она закрыла глаза: по подоконнику мерно стучали звонкие капли дождя... Минутку... Дождя? Но ведь небо было совершенно чистым! Она свесилась с кровати и увидела прыгающего за окном дрозда. Рот растянулся в улыбке. Нанду прилетел проведать ее! Она подняла вверх большие пальцы, и он спорхнул, исчезнув в листве.

Жизнь на Линдхольме определенно налаживалась. Если не считать того факта, что, по мнению Брин, Мару собирались убить в ее собственный день рождения.

Первым подарком на пятинадцатилетие Мары стала поздравительная открытка, найденная под подушкой. Там не было развернутых пожеланий счастья и успехов в учебе, зато обнаружилось нечто более ценное: номер телефона, адрес и прочие контакты Озгюра Коркмаза. Благодарить за это следовало Селию.

Мара подскочила от восторга и так неистово кинулась слезать с кровати, что ненароком наступила на Иду ван дер Вауде. Та огласила спальню возмущенным голландским ругательством, за что словила проклятия и тапок от Рашии Тхакур. День летнего солнцестояния в домике зимних ничем не отличался от остальных дней.

Вероятно, Вукович просила девочек поздравить Мару, потому что в общей комнате уныло свисали с карниза два синих воздушных шарика. Если Сара Уортингтон планировала кого-то этим разочаровать, то ей не удалось: после подарка Селии никто не смог бы испортить Маре настроение. К тому же на столе в кухне громоздилась целая куча самых настоящих подарков. В красивой бумаге, с яркими лентами, и на каждой карточка: «Для Мары».

Несколько минут именинница просто разглядывала это чудо. Дед Мороз на оленях ее удивил бы сейчас меньше. Мара аккуратно развернула подарки, стараясь не повредить упаковку. Сложила листы в стопку, чтобы сохранить на память. Иначе сама бы потом себе не поверила, что кто-то приготовил для нее сюрприз.

От Эдлунда Мара получила планшет, от Вукович — современный телефон, а от синьоры Коломбо — восхитительные шоколадные конфеты ручной работы. Но больше всех удивила Селия: она подарила еще и свои наручные часы на широком кожаном ремне, которые так восхищали Мару. «Я знаю, они тебе понравились. Носи с удовольствием», — значилось в записке.

С одной стороны, было неудобно. Неужели она пялилась на них таким голодным взглядом? С другой... Нет, их надо было видеть. Если есть в природе слово «клевость», то оно про эти часы. Здоровый старинный циферблат, тисненая надпись по всей длине ремешка, похожая на татуировку: «You may delay but time will not[1]». Мара сразу же нацепила подарок и, любуясь, повертела рукой так и эдак. Красотища!

[1] Ты можешь откладывать, но время не ждет (английская пословица)

Потом включила новый телефон, чтобы позвонить Коркмазу. Но уже занеся палец над экраном, вдруг сдрейфила. Из комнат уже доносились голоса: девочки встали. Не самое лучшее место. И разговаривать с ним один на один... Маре стало не по себе. Поэтому она переделалась, повязала парадную красную бандану и, приняв сухие поздравления от соседок по комнате, поспешила к Брин, чтобы похвастаться подарками и вместе поговорить с Коркмазом.

Но Брин было не до нее: она готовилась к приезду мамы, и, переступив порог своей старой спальни, Мара застыла. Исландка стояла перед зеркалом в странном длинном сарафане до пят: ткань в мелкий цветочек была наборена под грудью, делая Брин похожей на куклу для чайника. Сзади красовался огромный бант. Такой же, но в миниатюре, украшал ободок. Белые волосы были разделены на две косы, переплетенные синей лентой, серьги из мелких шариков в тон качались в ушах.

— Нравится? — довольно спросила Брин и покрутилась вокруг своей оси.

Мара сглотнула, с трудом подбирая слова.

— Ошеломляюще, — произнесла она, наконец.

— Это мама сшила.

— А... — протянула Мара, сообразив, что ее подруга надела этот шедевр, чтобы угодить матери.

— По моему эскизу, — уточнила Брин, и Мара вздохнула. — И для Рагнхильдюр второй такое же.

— Для Ранги... Кого?

— Рагнхильдюр вторая. Я же рассказывала! — исландка взяла с кровати длинноухого белого зайца в цветастом платье с бантом.

— А почему вторая?

— Ты не слушала... — обиделась Брин. — Рагнхильдюр первую мы уронили в море, когда плавали на папиной яхте. Я так расстроилась, что хотела прыгнуть следом. А потом заболела, и меня не могли вылечить, пока мама не нашла в интернете такую же. Она и стала Рагнхильдюр второй.

— Ясно.

Нет, говорить с Брин про Коркмаза сейчас бесполезно. Мара подумала было про Нанду, его болтовня бы сейчас отвлекла, но с улицы раздался долгий гудок.

— Ура! — завопила Ханна в соседней комнате.

— Мама приехала, мама! — зашептала исландка дрожащими губами. — Побежали!

Она схватила Мару за запястье и потащила за собой к маяку, каким-то чудом умудряясь не пугаться в длинном пышном подоле. К пристани подплывало крупное белоснежное судно. С такой массой гостей «Сольвейг» Густава не справилась бы ни за что.

На верхней палубе толпились люди, студенты высыпали из домиков и неслись к маяку.

— Почему так рано? Где встречающие? У кого бейджи? — суетилась мисс Вукович.

Сигрун и китайская зимняя девочка притащили ящик, наполненный карточками на разноцветных лентах.

— Почему не рассортировали?! — возмутилась хорватка.

— Но ведь нам говорили, что гости будут только в девять! Мы как раз начали...

— Опять решили все оставить на последний момент?! К зимнему солнцестоянию я пересмотрю состав комитета! Так, кто у нас свободен? Срочно сюда! — цепкий взгляд Вукович пробежался по бурлящей толпе. — Мара! Ты!

— Но мисс Вукович, Брин звала меня...

— Живо! Альфред, Ксения, вы тоже...

Мара вздрогнула, услышав русское имя. До сих пор она не встречала на Линдхольме соотечественников.

— Ты тоже из России? — обратилась она к девушке с пушистыми каштановыми волосами и большими, будто испуганными, ореховыми глазами.

— Из Питера, — улыбнулась та. — Вот уж не думала...

— Потом будете знакомиться, — одернула их Вукович по-русски и снова перешла на язык Байрона. — Запоминайте: теплые цвета — для летних. Желтые ленты — первый курс, оранжевые — второй...

— А твои родители почему не приехали? — прошептала Мара новой знакомой.

— Брат еще маленький, оставить не с кем. Не отвлекайся, а то запутаешься...

— Теперь зимние: зеленые — первый курс, аквамарин — второй... — чеканила

Вукович, и Мара постаралась сосредоточиться, что во всей этой суматохе было довольно затруднительно.

С Ксюшей удалось как следует познакомиться лишь через час, когда язык уже болел от слов «Добро пожаловать в пансион Линдхольм! Счастливого солнцестояния!» Толпа родителей и галдящих от перевозбуждения студентов двинулась к главному зданию. Мара была голодна, но тишины хотелось больше. Мысленно посочувствовав синьоре Коломбо, она направилась на веранду четвертого домика в компании измусоленных членов оргкомитета и несчастных, попавших под горячую руку мисс Вукович. Во всем Линдхольме набралось лишь несколько человек, к которым никто не приехал, и они устроили себе собственный пир с кофе и бутербродами на свежем воздухе.

Ксюша Пичугина училась на четвертом курсе и, как и все летние, была весьма добродушна. Она болтала без умолку, чем напомнила Маре Нанду. И не зря: ее тотемом тоже оказалась птица.

— Зарянка, — пояснила Ксюша, отламывая себе кусочек хрустящего плоского хлебца.

Здесь, в Швеции, их подавали на завтрак, обед и ужин. Назывались они knaskebrod и во всем соответствовали названию: в них тоже были натканы точки тмина и прочих специй и зернышек, и жевались они так же плохо, как и произносились. Видимо, держали их для птичьих обитателей острова. Во всяком случае, Ксюше Пичугиной они явно нравились. Мара же по привычке предпочитала свежие теплые булочки, которыми баловала учеников синьора Коломбо.

Когда завтрак закончился, девушка-зарянка заторопилась переодеваться к празднику, и Мара с сожалением побрела к главному зданию. Она не думала, что простой разговор на русском когда-нибудь станет для нее столь редким удовольствием.

Оставшись в одиночестве, она вспомнила про телефон Коркмаза и вновь подумала, не позвонить ли ему, но на сей раз ее отвлек Нанду. Он шел по дорожке, нервно озираясь по сторонам, а следом семенила шумная полноватая женщина. Ее бронзовые от загара руки украшало такое количество браслетов, что одними только солнечными бликами можно было спокойно поджигать муравьев. Она жужжала и квохтала над сыном, потом остановила его и, послунявив палец, вытерла с его щеки остатки еды. И в самый разгар этой позорной сцены Нанду заметил Мару. Его лицо вытянулось от ужаса. Он что-то пробурчал маме, а потом умоляюще посмотрел на Тамару.

— Ты ничего не видела!

Она широко улыбнулась. Подарок за подарком! Конечно, трепаться направо и налево о том, что Нанду — маменькин сынок, она не собиралась. Последние два дня парень отбывал наказание на кухне за то, что спас ее от Вукович. Но искушение подразнить его было слишком велико.

— Добрый день! Счастливого солнцестояния! — она протянула руку маме Нанду. — Меня зовут Мара.

— Приятно познакомиться! Донна Зилда. Ты дружишь с моим Нандинью?

— Да. Он замечательный и воспитанный мальчик.

— О, да! Любит изображать из себя рок-звезду, но в душе — самый настоящий ангел,

— донна Зилда поправила его растрепанную шевелюру.

Джо рассказывал, что у Нанду как минимум час уходил на создание этой видимости беспорядка. Мара улыбнулась еще шире.

— Тебе, наверное, пора? — он выразительно вращал глазами.

— А Вы уже видели праздник? — притворившись шлангом, она снова обратилась к донне Зилде. — Говорят, там будет что-то невероятное.

— Я как раз собиралась, но Нандинью все пытается показать мне свою комнату. Как будто я там что-то не разглядела, когда привозила его!

— Но ведь и праздники эти ты видела, когда здесь училась! — Нанду явно не хотел появляться на публике вместе с мамой. — Я выступаю только после обеда.

— Твои выступления я слушала за стенкой пятнадцать лет! На других детей мне тоже интересно посмотреть.

— А я как раз собиралась на праздник! — встряла Мара. — Может, пойдем все вместе?

— С удовольствием, — донна Зилда потащила Нанду обратно к главному зданию. — А то мне уже начинало казаться, что он хочет от меня избавиться. Что в этом такого, верно? Разве можно стыдиться материнской любви? Ты только посмотри на него: отрастил два волоска на подбородке и считает себя взрослым мужчиной. Для меня он всегда останется моим сладким Нандинью. Подумать только! До трех лет не отлипал от моей груди, а теперь дотронуться до себя не дает...

Нанду закатил глаза и провел по лицу пятерней. Маре стоило нечеловеческих усилий сохранить вежливо заинтересованное выражение лица и не расхохотаться.

Пока они обходили главное здание и шли к полям для тренировок, где должны были проходить все торжества, девочка узнала о Нанду много нового. Донна Зилда просто фонтанировала компроматами. И все же отчасти Мара завидовала своему другу: пусть болтливая и назойливо заботливая, мама у него все же была. С такой пронзительной нежностью и гордостью на нее, Мару, уже никогда никто не посмотрит. А он, дурак, только дергается, когда ему отковыривают от футболки прилипшую крошку.

Тренировочное поле превратили в площадку для выступлений. Разграничительные сетки сняли, вдоль противоположной от раздевалок стороны установили ряды скамеек. Все кругом было украшено желтыми и оранжевыми гирляндами из бумаги. На высоком судейском кресле небрежно восседал Кевин, красавчик-третьекурсник из зимних. По нему сохла добрая треть девушек Линдхольма, и он об этом знал, поэтому вел себя так, будто позировал стайке папарацци на ковровой дорожке Голливуда. Ему выдали мегафон, чтобы он объявлял номера.

Мара отыскала глазами Брин и ее семейство. Это было нетрудно: белая макушка работала не хуже маяка. Вместе с Нанду и донной Зилдой они пробрались к исландцам, чтобы познакомиться с родителями Брин. Если светло-русая Эйрун во всем напоминала младшую дочь, то Ивар был схож со старшей Сигрун. Те же очки, те же обыкновенные для среднего европейца невнятно-коричневые волосы. А Эйрун словно сошла с полотна какого-то романтического художника. Лебединая шея, отрешенный загадочный взгляд синих глаз. Ее руки с длинными пальцами вполне годились для игры на арфе. Они с Брин обе казались Маре лесными нимфами в своих длинных сарафанах.

Ивару же досталась в семье роль камня, который не давал воздушным шарикам исчезнуть за облаками. Он сухо поздоровался с вновь прибывшими и с головой ушел в разговор с Сигрун о деятельности оргкомитета. Судя по всему, в годы своей молодости он развлекался тем же.

Джо с отцом появились на поле, когда над трибунами эхом разносились вступительные слова Кевина. Мара, Брин и Нанду с вежливой улыбкой представились родителю своего друга, поздравили его с днем солнцестояния, но в ответ слышали лишь одно короткое

СЛОВО:

— Билл.

Билл Маквайан был в точности таким, как его и представляла себе Мара: увеличенная копия Джо. Человек-гора, который при желании мог бы класть мяч в баскетбольную корзину одной рукой, если бы проявлял хоть какую-то внешнюю активность. Прямые черные волосы с пепельными седыми нитями были затянуты сзади в хвост, обнажая резкие, словно высеченные из камня, скулы.

Потомки гордого народа оджибве устроились сзади, за Марой, потому что других мест не осталось. Даже Джо было сложно втиснуть колени в узкие ряды между скамьями, а Билл и вовсе выглядел как человек, севший на крошечный детский стульчик. Впрочем, своего неудобства Маквайан-старший никак не показывал.

— Его отец не учился здесь, — шепнул Нанду Маре.

— Почему?

— Джо — первый из племени, кого сюда послали. И то его дед, вроде, возражал. Он у него шишка — в Совете трех огней.

— Где? — переспросила Мара.

— Глянь в интернете. Какая-то индейская организация. Но Билл мыслит прогрессивно. Он и сам стал полицейским, и сына отправил в Линдхольм.

— Представляю, как он проводит допросы, — еле слышно сказала она.

Нанду фыркнул и пихнул ее локтем.

— Нандинью, веди себя прилично! — тут же одернула его донна Зилда. — Представление начинается!

Первыми выступали летние студенты четвертого курса. Каждый приготовил отдельный номер: цепочка трансформаций под музыку. В публике периодически звучали комментарии вроде:

— Недостаточно плавное перевоплощение!

— Цапля какая-то коротконогая!

— Разве это походка гепарда?

— Это зебра или полосатый осел?

Но Мара задыхалась от восторга. Она не понимала, как можно искать недочеты в этом волшебном действе. Сначала выходит человек, потом — бац! — гарцующий олень делает круг по площадке, играет копытами — бац! — и он уже взлетел вверх розовым фламинго, мертвая петля... и к публике крадется, бликуя на солнце гладкой черной шерстью, самая настоящая пантера.

Когда из раздевалок в длинном красном плаще вышла Ксения Пичугина, Мара уже елозила по скамейке от волнения, то и дело вцепляясь в руку Нанду. Заиграл вальс, Ксюша повернулась к публике спиной, распростерла руки — плащ безжизненной тряпкой опустился на землю. Из-под него выпорхнула крошечная пташка, взмыла в летнюю лазурь и спикировала ястребом, пролетела низко над трибунами, буквально стукнулась оземь, заставив Мару ахнуть, и пошла пушистой кошкой. После кошки была лиса, потом косуля, сова, и, наконец, снова невзрачная рыжегрудая зарянка. Птичка исчезла под тканью плаща, и он поднялся вверх, на глазах приобретая человеческие очертания.

Сама от себя не ожидая, Мара подскочила, неистово скандируя «Россия, вперед!» Зрители ошеломленно оборачивались на нее, Ксюша помахала рукой и исчезла в раздевалке.

— Чего ты орешь? — Нанду потянул ее вниз.

— Она ведь даже не вышла за пределы своего ареала обитания, — удивилась Брин. — Что?

— Это ведь были только животные средней полосы, — пожал плечами Нанду. — Ничего особенного.

— Сам ты ничего особенного! — надулась Мара, но следующие выступления смотрела более сдержанно.

— Ты правильно сделала, что обратила на себя внимание, — сказала ей Брин во время короткого антракта. — Так Вукович будет сложнее добраться до тебя.

— Думаешь, она все-таки убийца? Она ведь мне телефон на день рождения подарила, — и Мара с гордостью продемонстрировала подруге новый гаджет. — А я не успела ее поблагодарить.

— Ух, ты! — у Нанду загорелись глаза. — Можно посмотреть?

— Только аккуратно.

— Просто пытается усыпить твою бдительность, — упрямо гнула Брин, пока Мара, закусив нижнюю губу, следила, как Нанду копается в ее телефоне. — Ты меня вообще слушаешь?

— Да-да... — пробормотала Мара. — Усыпить... Я помню.

— Сосредоточься! — исландка дернула подругу за рукав. — Речь идет о твоей жизни! Ты что, не видишь, как она на тебя смотрит?

— Как?

— Очень внимательно. Как будто что-то просчитывает в уме.

Мара взглянула на мисс Вукович: та сидела на противоположной стороне поля за столиком с бумагами и, прищурившись, сверлила свою подопечную взглядом поверх очков. Не зная, как реагировать, Мара помахала ей. Вукович кивнула, поправила очки и вернулась к своим записям. Брин была права: что-то холодное, расчетливое было в этой женщине. Она не из тех, кто совершает убийство от злости в состоянии аффекта. Скорее выжидает и детально планирует. Руководить организацией такого грандиозного события? Воистину работа для маньяка.

По позвоночнику пробежался неприятный холодок, и Мара поежилась. От одной мысли о возможном пожаре у нее заныл шрам, и она потянулась рукой к шее.

— Ты в порядке? — спросил Нанду, возвращая телефон.

— Ага, — она нервно сглотнула.

— Мне надо готовиться к выступлению, увидимся позже, — он хлопнул ее по плечу, и вместе с донной Зилдой двинулся к выходу, протискиваясь между чужими коленями.

— Ты ведь сегодня ничего не ела в домике? — нагнетала Брин.

— Нет... Мы завтракали отдельно... Слушай, может найдем минутку и позвоним Коркмазу?

— Ты все-таки его разыскала?

— Селия помогла.

— Так чего же ты молчала?!

— Не хотела отвлекать тебя от родителей...

— Давай так: весь день ты должна избегать Вукович и держаться рядом с кем-то из наших. — лихорадочно соображала Брин. — Тогда времени у нее останется мало, и вечером она себя выдаст. Ей придется поторопиться перед балом. После ужина мы все соберемся в моей комнате, там никого не будет. Позвоним Коркмазу и обсудим план действий. Сейчас

рано, народу везде много, девочки переодеваются перед своими номерами. А потом, когда шоу закончится, будет спокойнее.

— Поняла.

— Только найди пустую чистую бутылку.

— Зачем?

— Надо будет собрать в нее то, что предложит тебе Вукович. Скорее всего, напиток. В жидкой форме мелатонин попадает в кровь быстрее. И ни в коем случае не подавай виду, что ты все знаешь! Не пытайся разоблачить ее в одиночку! Это может быть опасно. Ты должна получить от нее доказательство — больше ничего. Не оставайся с ней наедине. Главное — не спугнуть ее. Иначе она отменит свой план, и ты будешь все время мучиться, не зная, что она придумает в следующий раз. Сегодня — идеальный день. Мы на шаг впереди, на острове много взрослых, в том числе пара человек из Верховного совета. Как только улика будет у нас — Вукович не сможет спастись.

— Она может уплыть с острова, — подал голос Джо.

Он так долго молчал, что девочки забыли о его существовании. Убедившись, что больше никто не слышал их странный разговор, Мара жестом попросила Джо пригнуться к ней.

— Думаешь, она управится с «Сольвейг»? — прошептала она.

— Это остров. Всякий, кто живет здесь не один год, умеет обращаться с лодками.

— Мы не учли кое-что еще, — Брин с досадой поджали губы. — Ей не надо убежать, чтобы скрыться. Она ведь зимняя.

— Зато если Вукович пропадет, мы будем уверены, что она виновна, — сказал Джо.

— Не факт, — покачала головой Брин. — Если у нее есть сообщник, она может попросить его принять ее облик, пока сама...

— Ну нет, хватит! Вукович еще ничего не сделала, а вы уже делает из меня параноика! — воскликнула Мара.

— Ладно, — исландка сдалась. — Будем решать проблемы по мере поступления. Все равно я хотела послушать птичий хор.

На поле как раз вынесли длинные жерди и выстроили из них подобие лесенки. Эдлунд занял позицию хормейстера.

— Дамы и господа, — вещал Кевин со своего трона. — Сейчас самые горячие цыпочки Линдхольма покажут свои таланты!

Раздались разрозненные девичьи смешки.

— Кевин, на кухне синьоры Коломбо сегодня будет много посуды! — голос Эдлунда было отлично слышно и без мегафона.

Зрители расхохотались.

— Ладно-ладно, я всего лишь хотел поднять нашим красавицам настроение. Итак, главный и единственный интернациональный птичий хор Линдхольма!

Под аплодисменты на поле слетелись десятка два самых разных птиц: от соловья до совы, от канарейки до козодоя.

Они заняли свои места на жердях, Эдлунд взмахнул рукой, и остров огласило дружное щебетание на мотив польки «Трик-трак». У случайного заезжего орнитолога от такого зрелища глаза полезли бы на лоб: все законы науки пали перед мастерством летних перевертышей.

Глава 11

Когда Кевин возвестил о начале обеда, Мара, изрядно проголодавшись от волнения и новых впечатлений, первой поднялась с места. Она уже будто чуяла пряный запах подливки к горячим нежным тефтелям: синьора Коломбо накануне сообщила по секрету, что собирается подать их гостям.

— Лучше останься здесь, — раздался за спиной голос Брин.

— Что?! — Мара сглотнула накопившуюся слюну.

— Посмотри, сколько народу. Там будет шумно и тесно. В такой толпе легко подбросить что-то в еду.

— Но я есть хочу... И тефтельки...

— Не переживай, я все тебе принесу. Сиди здесь, у всех на виду, и не двигайся с места.

Мара смирилась. Трибуны опустели. Одними из последних уходили Сара Уортингтон и Рашми Тхакур с родителями. Обе семьи вели себя, как послы на приеме. Мара окинула взглядом английского лорда: безупречный белоснежный воротничок, прическа волосок к волоску, темно-синий джемпер без единой складки, как будто он не провел несколько часов в дороге, и выправка, словно у него в спине пшага, а не позвоночник. Все это вызывало бы восхищение, если бы не высокомерное выражение лица, как у Сары. Его жена казалось служанкой рядом с ними: невзрачные жидкие волосы, закрученные в маленький пучок, скромные жемчужные сережки и длинный серый кардиган. Ее плечи все время были чуть приподняты, будто она, извиняясь, хотела вжать голову.

— Ты уже посмотрела свои подарки, дорогая? — заискивающе обратилась она к дочери.

— Там все по списку? — осведомилась Сара.

— Разумеется.

— Тогда все в порядке.

— Лора, не приставай к ней с этой ерундой, — раздраженно сказал сэр Уортингтон. — Она бы сообщила, если бы что-то было не так. Верно, дорогая?

— Да, папочка, — Сара взяла отца под руку, и в этот момент заметила Мару.

— Что ты сидишь? Решила отказаться от еды? — английская Барби саркастично изогнула бровь. — Правильно, давно пора.

— И тебе счастливого солнцестояния, — процедила Мара.

— Кто это, милая? Мне кажется, ты была груба... — начала было леди Уортингтон.

— Сколько раз я просил тебя не делать ребенку замечания на публике! — осадил ее муж, и пара двинулась к главному зданию.

Рашми тоже одарила Мару презрительным взглядом, но промолчала и пошла следом за Уортингтонами. Ее родители были одеты нарочито богато. В ушах элегантной миссис Тхакур поблескивали крупные сапфиры, лицо демонстрировало долгую и упорную косметическую борьбу со старением, а мистер Тхакур с густой щеткой усов на верхней губе и больших затемненных очках был облачен в рубашку, сплошь покрытую золотой вышивкой. Пожалуй, на одну эту рубашку можно было бы безбедно скоротать жизнь в домике у океана. Мара не представляла себе, как собирается обедать чета Тхакур, если посуда в столовой не сделана из чистого золота.

Вскоре Мара осталась на трибунах совсем одна. Солнце скрылось, на траве валялись скомканные фантики и пара пустых бутылок, очарование праздника куда-то делось. Одна из

гирлянд разорвалась от колыхания веток и теперь одиноко трепетала на ветру, как хвост бумажного змея. Маре стало зябко, она скрестила руки на груди, чтобы немного согреться. Шведское лето жарой не баловало.

Ей все казалось, что она ощущает себе чей-то взгляд, но сколько ни оглядывалась, никого не заметила. Еще до тошноты прокручивала в голове предстоящий разговор с Коркмазом, думала, как вести себя, что сказать, если он и правда ее отец. А вдруг он сразу откажется от нее? А вдруг вообще умер? А если Селия достала неправильный номер? Мара мечтала покончить уже со всей этой неизвестностью и была готова уже готова плюнуть на все и в одиночку позвонить ему, но, к счастью, появилась Брин с подносом.

Вместо сочных горячих тефтелек исландка принесла тушеную рыбу и горстку зеленых шариков.

— Брюссельская капуста, мы ее всегда готовим, — гордо сообщила Брин. — Прямо как дома! Попробуй, очень полезно.

— Любимое блюдо Брин, — пояснила ее мама. — Мы специально заказали пароварку и теперь готовим, как ей нравится.

— Да, спасибо, Брин, — проворчала Сигрун.

— Я читала одного исследователя, — начала Брин. — Да ты ешь, ешь! Так вот, он говорит, что еда, приготовленная на пару...

Мара вяло ковыряла вилкой рыбу, от которой несло водорослями, пропуская мимо ушей поучительные сентенции Брин.

— Она такая умница, — Эйрун заправила младшей дочери прядь волос за ухо. — В четыре года она могла наизусть перечислить все кости человека на латыни.

Мара вежливо улыбнулась. Конечно, если есть такую дрянь, то с тоски еще не то выучишь наизусть.

После обеда выступали первокурсники, демонстрируя обычные человеческие таланты. В их числе был и Нанду: он исполнил на удивление приятную песню под гитару.

Позже начались выступления зимних. Они устроили номера в духе игры в наперстки: надо было угадывать человека. Например, на поле выходили сразу четыре одинаковых девушки, и зрителям следовало выяснить, кто из них в собственном теле. Восторга эти номера у Мары не вызвали. Она не до конца привыкла к перевоплощениям зимних, и смена лиц до сих пор казалась ей жутковатой. Тем более, свое шоу зимние сопровождали мистической музыкой и горящими факелами.

Близость огня нервировала Мару. Она не переставала думать про Вукович, которая могла отравить ее в любой момент и, что еще хуже, в любом облике. Под конец шоу Мара заметила, что с недоверием смотрит на каждого, кто сидит по соседству. Кто мог ей гарантировать, что Брин, ее мама или вообще любой из зрителей — это не Вукович? Потому что сама хорватка на поле не появлялась с самого обеда.

В какой-то момент Маре даже почудилось, что под капюшоном одного из выступающих мелькнуло лицо Вукович, но разве учителя могли участвовать в представлении? Девочка напряженно всматривалась в мельтешение лиц: зимние танцевали в одинаковых шелковых плащах, чтобы запутать публику. Но вот они выстроились в ряд, Кевин предложил добровольцу отгадать. Выбирал distinguished Корнелис ван дер Вауде, отец Иды, по слухам художник и знаменитый коллекционер живописи. Однако наметанный глаз искусствоведа его подвел: он промахнулся. Зимние перевоплотились, и искомая девушка оказалась с другой стороны. Вукович среди них не было вовсе.

— Лимонада хочешь? — Нанду протянул ей бутылку шипучки.

Она протянула руку, но застыла на полпути. А если там зараза, про которую говорила Брин?

— Ты чего? — удивился парень.

— Чем докажешь, что ты — это ты?

— Ну вот, посмотрелась номеров. А кто же еще?

— А правда, докажи, — прищурилась Брин. — Ты ведь уходил со своего места.

— Вы все с ума сошли? — Нанду оторопел от натиска.

— Ее могут отравить, — шепнул Джо. — Потом объясню.

— Что за ерунда... Ну, не знаю... — Нанду задумчиво потер ухо с серьгой, а потом свистнул: три раза долго и дважды коротко.

Мара узнала — это был их условный сигнал во время вторжения в кабинет Эдлунда.

— Ладно, — кивнула она и взяла бутылку. — Только не выбрасывай, когда закончится. Мне она нужна.

— Как скажешь. Странные вы все сегодня. Что тут вообще произошло, пока меня не было?

— Потом, — отмахнулась Брин. — Пойдем уже ко мне, позвоним Коркмазу. Иначе я и правда сойду с ума. Мам, я сбегая домой и вернусь сразу на ужин, ладно?

— Кому позвоним? — поинтересовался Нанду у Мары.

— Пошли с нами. По дороге все расскажу. Джо, ты идешь?

Маквайан кивнул, и они поспешили в домик Брин.

— Ты уже думала, что скажешь ему? — спросила по пути любительница брюссельской капусты.

— Сто раз.

— Давай определимся со стратегией.

— Да, лучше его сначала подготовить, — кивнул Нанду.

— Согласна. Но ты должна продумать свою реакцию, — продолжала Брин. — Давай представим: вдруг он начнет отпираться, что встречался с твоей мамой? Тогда ты должна уверенно и спокойно сказать про фотографии. И лучше сразу сказать про Линдолъм, чтобы он не подумал, что ты мошенница. Или рекламируешь что-то. Если он согласится с отцовством, это идеальный вариант. Но следует предусмотреть...

Когда они зашли в домик, у Мары голова шла кругом от вариантов сценария, предложенных Брин. Все смешивалось, сливалось в одно и нервировало до чертиков.

Убедившись, что кроме них там никого нет, Мара достала телефон и открытку Селии.

— Ты собралась ему просто звонить? — вмешался Нанду. — Может, лучше скайп? Вот, здесь же написан его ник. Сразу сможешь на него посмотреть.

Они настроили приложение, и Мара нажала кнопку видеовызова. От волнения ладони вспотели, и она беспрестанно вытирала их о штаны. Гудки, казалось, шли бесконечно, она успела поправить бандану на шее и немного привести в порядок растрепанные волосы. Наконец появилось чуть искаженное квадратами изображение черноволосого мужчины.

— Alo, efendim [1], - ответил он.

— Добрый вечер, меня зовут Тамара. Вы знали мою маму, Лену Корсакофф, — она до боли стиснула пальцы в кулак.

— Елена, конечно, — заулыбался он, но тут же снова стал серьезным. — Мне говорили, что она умерла. Мне жаль. Чем я могу помочь?

— Дело в том... Мне кажется... — она напроочь забыла все, что говорила ей Брин. — Я думаю, что Вы можете быть моим отцом.

В воцарившейся тишине исландка звонко хлопнула себя по лбу.

— Тише, — Коркмаз округлил глаза и нервно оглянулся. — Жена может услышать. Подожди, я перейду в другую комнату.

Жена? Вот оно, значит, как... Глупо было рассчитывать на что-то другое. Еще и дети, наверное...

Изображение стало темным, Мара услышала шорох, и спустя мгновение турок вновь появился на экране ее телефона.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

Теперь за его спиной виднелась картина в широкой позолоченной раме.

— Пятнадцать сегодня исполнилось.

— С днем рождения. И счастливого солнцестояния. Но ты точно не можешь быть моей дочерью. Мы с твоей мамой расстались сразу после выпускного. Потом я женился. На Линдхольм почти не приезжал, Лену видел один или два раза. Можешь спросить у кого-нибудь, кто не пропускает встречи выпускников. Хотя бы у Ларса Эдлунда.

— Ясно.

— Не расстраивайся! У Лены было много друзей, наверняка кто-нибудь поможет тебе найти отца.

— А можно еще кое-что спросить?

— Конечно!

— Как Вы расстались с Милой Вукович? Вы бросили ее ради моей мамы?

— Откуда ты знаешь про Милу?

— Видела фотографии.

— Мила... — он вздохнул. — Мы встречались на первом курсе. Это было так давно... Она влюбилась в меня по уши. Сложно ее в этом винить. Она была симпатичной и доброй, но чересчур скучной. Учеба, книги... А мы ведь живем один раз, правильно?

Он подмигнул и выгнул бровь, напомнив Маре самовлюбленного Кевина. Словно прочитав ее мысли, Нанду фыркнул. Этот должен был сразу распознать товарища по выпендрежу.

— Я увидел твою маму и не устоял, — волосы Коркмаза, обильно сдобренные гелем, блеснули в свете лампы. — Это разбило Миле сердце. Бедняжка так и не смогла это пережить...

— Я понимаю. — кивнула Мара.

Нет, она не понимала. Не понимала, как такие умные женщины как ее мама и Мила Вукович могли втрескаться в этого слащавого нарцисса. Возможно, в юности он и был хорош собой, но теперь лицо обрюзгло, из расстегнутого ворота рубашки выглядывала курчавая поросль... Неужто ее маму убили из-за противного мужика?!

— Спасибо, мистер Коркмаз. Извините за беспокойство, — она отсоединилась. — И что вы об этом думаете?

Ребята озадаченно переглядывались.

— Ну, плюсы есть, — нарушил тишину Нанду. — По крайней мере, он не твой отец. Потому что иначе... Было бы как с Дартом Бейдером.

— Не понимаю о чем ты, но согласна: это плюс, — кивнула Мара. — А что с Вукович?

— Вкус у нее странный, — Брин наморщила нос. — Но ты же слышала: он разбил ей

сердце...

— Глупости, — заявил Джо.

— Если у тебя нет сердца, это не значит, что его нет у Вукович! — возразила Брин. — Для женщин любовь — это совершенно другое...

— Ты права, — Нанду плюхнулся на свободную кровать, всколыхнув плюшевую компанию. — Вы видели Кевина? Он же классический идиот! А его физиономия? И шутит он тупо. А девчонки все равно от него с ума сходят.

Брин и Мара одарили его снисходительным взглядом.

— Мне кажется, или это зависть? — поинтересовалась исландка.

— Да. Но он прав, пожалуй. Кто знает, что чувствовала Вукович... То есть вы как хотите, но мне страшно возвращаться в свой домик, — Мара принялась задумчиво рассаживать игрушки Брин по всем правилам.

— Это не может быть совпадением. Когда мы составляем список, мы подсознательно группируем предметы по цели, для которой они нам нужны. Она вспомнила про то, что собирается, скажем, испечь пирог, и попросила муку, ягоды и корицу. Вспомнила про убийство Мары — заказала мелатонин и жидкость для розжига. Они ведь шли подряд? — обратилась Брин к Джо.

Тот кивнул.

— Но ведь убийцы обычно действуют по одинаковой схеме, разве нет? — возразила Мара. — У моей мамы в руках был нож, когда ее нашли. Значит, Вукович ее не усыпляла. Если это вообще была она.

— Может, именно поэтому в этот раз она решила действовать наверняка. Ведь тогда ты не будешь сопротивляться, как твоя мама...

— Логично, — согласился Нанду. — Хотя и жутко.

— А у тебя есть материалы того дела? — Джо достал свой телефон.

— Есть. Но пожар признали несчастным случаем.

— Покажи мне, что у тебя есть. И переведи на английский. Мой отец работает в полиции, он детектив. Пусть посмотрит.

Мара хранила все документы в своем шкафу, в чемодане. Особо ценные для себя вещи она так и не распаковала. Поэтому они с Джо решили зарулить в ее домик, а Брин и Нанду отправились напрямик в главное здание на праздничный ужин, пока родители не начали их искать.

Небо заволокло густыми серыми облаками, прохладный морской ветер бил в лицо, заставляя жмуриться. Гнулись и шелестели липы, трепетало пламя факелов, расставленных вдоль центральной дороги. Маре не терпелось оказаться в просторном светлом холле, сплошь набитом гостями. На улице кроме них с Джо никого не было.

Они уже свернули к шестому домику, когда раздался низкий протяжный гудок. Мара вздрогнула.

— Это «Сольвейг», — Джо указал на удаляющийся в море огонек.

— Но зачем Густаву куда-то плыть так поздно?

Словно в ответ на ее вопрос в кармане разразился трелями телефон. Ей еще никто не звонил, поэтому она не сразу поняла, что это за звук.

— Алло?

— Это Нанду. Вы слышали гудок?

— Да. Не знаешь, куда собрался Густав в разгар ужина?

— Густав здесь. На «Сольвейг» кто-то другой.

Весь праздничный обед свернулся в желудке Мары в тугой скользкий ком. Она схватила Джо за рукав.

— Вукович там? — только и смогла выдавить она.

— Нет. Брин обыскала столовую, я — холл. Ее нет.

— Вот черт...

— Тихо! Успокойся. Джо с тобой?

— Да.

— Брин говорит, чтобы ты не нервничала. А то опять будет стихийная трансформация.

— Но мне больше никто не плевал в колу!

— Ты уверена? Забыла, что живешь в одном доме с Сарой Уортингтон?

— Ладно. Я в норме. Увидимся через десять минут.

Мара объяснила ситуацию Джо. Тот, как обычно, проявил завидное хладнокровие.

— Я найду с тобой в дом. Все будет в порядке, — без выражения сказал он.

Но она с легкой подачи Брин уже начала накручивать себя и не могла остановиться.

— А если Вукович все сделала наперед? — она остервенело грызла кожу на нижней губе.

— В смысле?

— Вдруг она кому-то поручила дать мне мелатонин? Или отравила торт целиком, и после ужина весь Линдхольм уснет?

— А потом?

— Ну, я не знаю... Бывают же какие-то механизмы замедленного действия...

— Откуда могла знать, будешь ли ты есть торт?

— Серьезно? — она бросила на него полный сарказма взгляд.

— Ладно. Тогда так: откуда она могла знать, где ты потом окажешься? Она не стала бы поджигать весь Линдхольм?

— А почему нет?

— Мара. Успокойся.

— Ладно. Хорошо. И как ты мне предлагаешь уснуть сегодня ночью?

Он пожал плечами.

— Трансформируйся, и тебя заберет мадам Венсан.

— Нет... — ее передернуло. — Господи, нет! Я не уверена, что захочу снова через это пройти.

— Все наладится.

— Чертов ты философ! Заходи, — она распахнула перед ним дверь своего домика.

Внутри было темно. Она пошарила рукой по стене, нащупала выключатель — ничего. Щелкнула несколько раз — никакого толку.

— Наверное, перегорел, — сказала она, пытаясь успокоить скорее себя, чем Джо.

Его и так ничем нельзя было прошибить.

Мелкими шажками, стараясь ни на что не наткнуться, она прошла в гостиную, потом в спальню. Ни один выключатель не работал.

— Пробки обычно в комнате учителя.

— Прекрасно. Значит, нам теперь самим идти к Вукович?

— Посвети телефоном.

— Точно! Никак не привыкну, что он у меня есть. Как тут включается фонарик?..

— Дай сюда.

Джо зажег, наконец, лампочку вспышки. Яркий луч высвечивал комнату узкими пятнами, отчего все остальное погружалось в полную черноту. С трудом управляясь с собственными пальцами, Мара открыла чемодан и достала со дна картонную папку.

— Все. Пошли. Не хочу здесь оставаться, — пробормотала она.

— Сядь. У тебя голос дрожит.

— Голова кружится. Я точно не трансформировалась?

— Нет. Ты — это ты. Сядь и глубоко дыши, — Джо распахнул окно.

Она опустила на кровать Иды, но задела головой что-то мягкое и взвизгнула от ужаса.

— Ты чего?

— Незнаю... Пене... перве... перенервничала, наверное... Посвети сюда.

Джо направил луч телефона, и Мара зажала рот рукой. Со второго яруса кровати безжизненно свешивалась чья-то бледная рука.

— Это Ида, — Джо хватило смелости осветить выше.

— Она жива? — пролепетала Мара.

— Сейчас.

Мара зажмурилась, не желая верить, что может находиться в одной комнате с трупом.

— Ну? — спросила она, не в силах терпеть.

— Пульс есть. В другой руке у нее какая-то бутылка.

— Может, она приняла мелатонин вместо меня? У нее тоже черные волосы, похожая толстовка... Вдруг она легла на мою кровать, и Вукович по ошибке дала ей то, что предназначалось мне?

— Может быть.

— И что делать? Там что-нибудь осталось?

— Есть немного.

— Забирай, побежали к Эдлунду, пока не поздно.

— А что с пожаром?

— В смысле?

— Если она перепутала тебя с Идой, то и поджигать будет, скорее всего, ее.

— Или уже запустила механизм и сбежала с острова... — Мара нервно стучала по коленям. — Что делать?

— Надо унести Иду к мадам Венсан.

— А мы дотащим? Я имею в виду... Может, просто быстро сбегаем и приведем кого-нибудь?

— А если опоздаем? Ты готова простить себе ее смерть?

— Черт, Джо! Перестань быть таким правильным! — раздраженно воскликнула она. — И зачем я вообще согласилась ехать в этот Линдхольм?!

— Так что?

— Как что?! Давай стаскивать ее вниз.

Мара пыталась помочь, но на деле только мешалась. От волнения она соображала плохо и постоянно лезла не под ту руку. В результате Джо просто усадил ее на соседнюю кровать и в одиночку снял Иду со второго яруса. Девочка негромко застонала, но так и не проснулась.

Потом Мара взялась за ноги своей соседки, а Джо подхватил ее под мышки. Кряхтя и постоянно останавливаясь, они потащили Иду на улицу. Кряхтела, правда, больше Мара: Джо держал свою ношу уверенно и безмолвно.

С трудом преодолев расстояние до угла домика, Тамара услышала за спиной скрип. Обернулась и выронила ноги Иды: торцевое окно было распахнуто, за ним стояла мисс Вукович с горящей свечой в руках. В рыжих отблесках пламени ее лицо казалось зловещим, блики на очках скрывали глаза.

— Мара! Что ты делаешь?! — низким угрожающим тоном спросила она.

— Беги, — шепнул Джо. — Бери бутылку и беги к Эдлунду.

Он положил Иду на траву и стянул с себя футболку. Мара на секунду замешкалась, но потом, разгадав его замысел, все же схватила бутылку с остатками темной жидкости и бросилась к главному зданию.

— Стой! — кричала ей вслед Вукович по-русски. — Немедленно остановись! Иначе вам всем...

Но ее голос перекрыл раскатистый медвежий рык.

Мара неслась так, что уши закладывало. Ей страшно было представить, что мог сделать Джо Маквайан в облике своего тотема. А если его исключат? А если Вукович все же попытается их поджечь? Эдлунд, Эдлунд, скорее! Она бежала, забывая дышать, не слыша ничего, кроме ритмичного шороха гравия под ногами.

Ворвалась в холл — танцы еще не начались. Метнулась в столовую, но в тесном месиве людей было нереально отыскать профессора. Тогда она с разбегу запрыгнула на первый же стол, со звоном разметав посуду. Гомон голосов стих, все взгляды обратились на нее.

— Профессор Эдлунд! — крикнула она со всей мочи. — Профессор Эдлунд!

— Что происходит?! — возмутилась женщина, на чей наряд попали брызги соуса.

— Девочка, что ты себе позволяешь? — негодовала мама Ханны Оттер.

— Пожалуйста, помогите найти профессора! — Мара чуть не плакала. — Брин! Нанду!

— Я здесь, слезай! Что случилось? — подскочила к ней исландка. — Эдлунд вышел пару минут назад.

— Там Джо... Вукович отравила Иду! Он... стал медведем... Кто-то кого-то убьет!

Громко скрежетнул по кафелю стул. Билл Маквайан молча вскочил из-за стола и в два шага подлетел к ней.

— Где они? — спросил он.

— Там, около шестого домика.

Индеец рванул на улицу. Столовая гудела от взволнованных голосов.

— Профессор Эдлунд!!! — отчаянно взывала Мара.

— Мисс Корсакофф, что происходит?!

Она обернулась: Эдлунд, опешив, стоял в дверях.

— Прошу Вас, шестой домик, скорее! Вы должны им помочь!

Ни слова не говоря, профессор развернулся и побежал. Мара спрыгнула, неуклюже извинившись перед гостями, и бросилась догонять Эдлунда. Брин, Нанду и еще несколько человек поспешили следом.

Огромный медведь стоял над телом Иды ван дер Вауде и, пригнувшись, щерился на Вукович. Билл взял зверя за шкуру, как котенка, и отволол в сторону, за угол домика. Потом появился вновь и подобрал с земли одежду Джо.

Эдлунд опустился на колени перед Идой и прижал два пальца к ее шее, пытаясь нащупать пульс.

— Юми, позвони Полин. Я забыл телефон в кабинете, — обратился он к мисс Кавамура.

Та кивнула и отошла в сторону, набирая мадам Венсан.

Через толпу, которая в считанные секунды собралась вокруг Иды, прорвался Корнелис ван дер Вауде.

— Господи, что с ней? — он наклонился над дочерью и приподнял ее голову. — Почему она без сознания?!

— Сейчас мадам Венсан поможет это выяснить. Пульс ровный, видимых повреждений нет.

— Как вы могли это допустить?! — голландец гладил дочь по лбу. — У вас нет элементарных представлений о безопасности! Какое вы имеете право брать на себя ответственность за чужих детей?!

Родители в толпе перешептывались. Билл вывел одетого Джо из-за домика, подталкивая его в спину. Тот шел, упрямо сжав губы и подняв подбородок, как пленный партизан.

— Корнелис, успокойтесь, с ней все будет в порядке, — Эдлунд тронул разъяренного отца Иды за плечо.

— О каком порядке может идти речь?! — возопил тот, стряхивая с себя руку профессора. — Я обращусь в Верховный совет! Они камня на камне от Линдхольма не оставят! Где Сурадждж Тхакур?! Пусть засвидетельствует этот хаос!..

— Отойдите, — выдохнула запыхавшаяся мадам Венсан, снимая с шеи фонендоскоп. — Я должна осмотреть ребенка. Лукас, Марк, положите носилки рядом.

Два четверокурсника послушно выполнили указания.

Мадам Венсан предупредительно подняла руку. Все замолчали. Потом врач приоткрыла глаза Иды, посветив фонариком, прощупала пульс на запястье, послушала дыхание. Девочка едва слышно застонала.

— Ей ничего не угрожает, — сообщила, наконец, доктор. — А запах алкоголя явно говорит о причине ее состояния.

— Алкоголя?! — еле слышно переспросила Мара, беспомощно взглянув на Джо. Индеец пожал плечами.

— Но это невозможно... Где она могла достать алкоголь?.. — бормотал отец Иды.

— Ее лучше отнести в палату, — отрезала мадам Венсан. — Лукас, Марк!

— Нет-нет, я сам... — мистер ван дер Вауде взялся носилки с одной стороны.

Вместе с Марком они понесли Иду к главному зданию, следуя за мадам Венсан.

— Что, черт возьми, здесь произошло? — тихим угрожающим голосом начал Эдлунд, когда они ушли. — Маквайан опять погружался в сознание тотема?

— Нет, — ответила Вукович. — Они с Марой вытащили Иду из дома и зачем-то пытались защитить от меня.

— Нам все известно! И вот доказательство! — Мара с вызовом посмотрела на свою опекуницу и подняла бутылку с остатками темной жидкости. — Если это вообще Вы, а не ее сообщник, пока она пытается уплыть на «Сольвейг» куда-нибудь в нейтральные воды!

— Какие воды? Что за бред?! — возмутилась Вукович. — «Сольвейг» взяла Селия Айвана, ее отцу срочно понадобилось лекарство.

— Мелатонин и алкоголь... Отличное сочетание, — подала голос Брин, и все обернулись на нее.

— О чем ты говоришь? — удивился Эдлунд.

— Алкоголь не только усилил, но и замаскировал действие мелатонина, которым мисс Вукович планировала вывести из строя Мару.

— Но зачем мне это?! — хорватка выглядела настолько ошарашенной, что даже не злилась.

— Чтобы поджечь меня, как и мою маму! — выпалила Мара. — Мы все выяснили. И про то, что Кормаз бросил Вас из-за нее, а Вы годами готовили месть. Но мама сопротивлялась, она была сильной! Ваш план пошел под откос, я осталась жива. Вы надеялись, что никто не вспомнит обо мне, но профессор Эдлунд велел Вам привезти меня на Линдхольм. Какая ирония! Вам пришлось стать моим опекуном. Но Вы не отчаивались и выждали подходящий момент. На сей раз решили не рисковать и усыпить меня, прежде чем устроить пожар.

— Это какая-то чушь! — выдохнула Вукович.

— Вовсе нет! — Мара упрямо смотрела ей в глаза. — Я знаю, что Вы просили Густава купить мелатонин и жидкость для розжига.

— Ну да. Из-за организации праздника я стала плохо спать, и решила дать себе потом пару дней отдыха. Если ты сомневаешься, можешь проверить: упаковка лежит у меня, и она не вскрыта. Что касается жидкости для розжига, то мы с синьорой Коломбой хотели устроить завтра праздничное барбекю.

Мара раскрыла рот, чтобы возразить, но ей было нечего сказать. Она чувствовала себя дурой. Посмешищем. Стояла на виду у доброй половины Линдхольма, у родителей, солидных людей, представителей Верховного совета, что бы это ни значило, и несла околесицу. Вукович смотрела на нее с упреком и обидой, Эдлунд казался разочарованным, а Джо... Из-за ее дурных фантазий ему теперь грозит отчисление, ведь он едва не напал на учителя! Она хотела упомянуть про тот вечер, когда Вукович проникла в кабинет профессора, но сдержалась, иначе пришлось бы объяснять, откуда ей об этом известно.

— А как же жидкость? — слабо возразила Мара, цепляясь за бутылку, как за спасательный круг.

— Понятия не имею, что пила Ида. Но профессору не составит труда провести анализ. Более того, я буду настаивать на этом, чтобы твои глупости не бросили тень на мою репутацию, — Вукович скрестила руки на груди.

— А электричество? Свечка?..

— Живо, в мой кабинет! — отрезал Эдлунд. — Корсакофф, Маквайан и Ревюрсдоттир! Или мне еще кого-то стоит благодарить за этот спектакль?

Его глаза сузились, он хищно всматривался в толпу учеников, сканируя каждого. Мара впервые видела профессора таким суровым, ей он всегда казался эдаким другом молодежи, веселым, презирающим занудство и формальности. Теперь же директор пансиона предстал перед ними во всей мощи северного правителя. Вечно раздраженная Вукович по сравнению с ним производила впечатление милейшей женщины.

Все молчали. И тут Мара заметила сомнения на лице Нанду. Он колебался и будто бы собирался что-то сказать. Не дай Бог, решит признаться, чтобы его не считали трусом! Мара округлила глаза и едва заметно мотнула головой: «Даже не думай!» Он выдохнул. Вот и славно. Из-за нее и так достанется Брин и Джо, этого более чем достаточно.

— Я предупреждаю, что выясню, если кто-то еще участвовал в этом глупом расследовании. И накажу каждого, — сказал Эдлунд после гнетущей паузы и зашагал к главному зданию.

Вукович, Мара, Брин с мамой и Джо с отцом пошли следом. Студенты перешептывались, родители качали головами, Сара Уортингтон торжествующе улыбалась. Да, летнее солнцестояние в этом году выдалось особо запоминающимся.

Эдлунд настоял на том, чтобы сначала переговорить с детьми без родителей. Их усадили на диван, где когда-то Мара готовилась к первой трансформации, Вукович с недовольным видом устроилась в кресле, а сам профессор долго стоял у окна и молчал, глядя на свет маяка.

— Итак, — произнес он, наконец. — Кто мне расскажет всю историю с самого начала?

— Профессор, это моя затея, — затараторила Мара. — Глупые фантазии, я обещаю, это не повторится! Я втянула Брин и Джо, напугала его, он думал, что спасает Иду. И он бы ни за что не навредил мисс Вукович. Я знаю, что обидела ее, мне стоило прежде поговорить с ней. Я пойму, если вы решите отчислить меня и вернуть в детский дом, это будет справедливо, но

прошу, не наказывайте их, они здесь совершенно ни при чем.

— И ты сама догадалась про мелатонин?

— Конечно!

— И где ты про него узнала? — прищурился Эдлунд. — Ты что, прочитала мою книгу?

— Разумеется! Да, именно там я и нашла информацию про мелатонин, — импровизировала Мара, хотя Брин больно ткнула ее локтем под ребра. — И как только увидела список мисс Вукович у Густава, сразу догадалась...

— Очень увлекательно. Только в моей книге нет ни слова про мелатонин. Я уважаю твоё желание защитить друзей, но сама бы ты до этого не додумалась. И вина Джо очевидна. Он поступил безрассудно, учитывая опасные размеры его тотема и склонность погружаться в сознание животного. Кроме того, первокурсникам запрещены трансформации без присмотра учителя.

— Но он ведь думал, что речь идет о жизни Иды!

— Что за бред?! — взорвалась мисс Вукович. — Неужели я похожа на убийцу?! «Сейчас — очень», — подумала Мара. А вслух сказала:

— Нет, конечно. Но ведь настоящие убийцы умеют маскироваться. В книгах виновным всегда оказывается самый неожиданный человек.

— Это тебе не книга! — поджала губы Вукович.

— Почему ты не поделилась сомнениями со мной? — спросил Эдлунд.

— А вы бы поверили? Я хотела сначала найти доказательства. И к мисс Вукович я тем более не могла подойти: ведь если бы это была она, то ни за что бы не призналась...

— Как тебе это вообще в голову пришло?! — хорватка вскочила и принялась мерить шагами кабинет.

— Я искала фотографии мамы. И в альбомах за год до ее поступления нашла...

— И ты, конечно, сама додумалась там искать, — саркастично подсказал Эдлунд.

— Да... — неуверенно протянула Мара. — Неважно. В общем, я увидела фотографию, где вы и Коркмаз... А потом, когда мы ему позвонили, и он сказал, что разбил вам сердце...

— Он — что?! — взвилась Вукович и презрительно фыркнула. — Я даже не буду выяснять, откуда у тебя его номер, потому что с меня достаточно новостей на сегодня. Просто доставай телефон и звони ему.

— Но зачем?..

— Немедленно! — рявкнула хорватка.

Мара запустила скайп, и через несколько мгновений на экране возникло лицо турка.

— Ну, здравствуй, Озгюр, — мисс Вукович наклонилась над телефоном и ехидно улыбнулась. — Давно мы не виделись. Ты, наверное, хотел побереечь мое разбитое сердце.

— Мила... Какой приятный сюрприз, — безрадостно ответил Коркмаз. — Счастливого солнцестояния...

— У меня нет времени на любезности. Расскажи мисс Корсакофф правду.

— Какую?

— О том, как мы расстались.

— Ну, возможно, я немного преувеличил, — мялся Коркмаз. — Не то, чтобы я тебя бросил... Скорее, мы не сошлись характерами.

— Озгюр!!!

— Ладно! Хорошо. Это ты меня бросила.

— Потому что...

— Потому что я отвлекал тебя от учебы! Потому что ты не хотела встречаться с тем, кто три раза пересдавал древнюю историю солнцерженных! Потому что ты вечно находила ошибки в стихах, которые я тебе писал!

— Да, Озгюр, именно так! Из-за твоих глупостей я и сама не добрала баллов! И решила со второго курса эффективнее планировать свое время и не тратить время на ерунду. Отец отправил меня на Линдхольм учиться, а не развлекаться.

Логическая цепочка, которая до этого казалась Маре незыблемой, рассыпалась на глазах. И надо же было послушать человека, который до сих пор играет в плюшевых зайцев!

— Простите, мисс Вукович. Я очень виновата перед Вами. Я немедленно вернусь назад и...

— Меня никто не просил перевоплощаться, — произнес Джо. — Она не виновата.

— И это я нашла в библиотеке фотографии! — вступилась Брин. — Не надо возвращать ее...

— Тише-тише, я все понял. Мара, почему ты вообще решила, что твою маму убили?

— мягко перебил ее Эдлунд.

— Много странного. Почему у меня ожог именно на шее? Как я оказалась на улице? Почему у моей мамы был нож? И если она написала письмо, значит, знала об опасности. Я хотела показать материалы дела мистеру Маквайану...

— Откуда у тебя материалы дела?

Мара вздрогнула и быстро взглянула на мисс Вукович.

— Директор моего детского дома согласилась отдать их мне, — нашлась девочка, не желая снова подставлять свою опекуницу.

— Неужели? — Эдлунд с сомнением всматривался в ее лицо.

— Ладно, — вздохнула Мара. — Я их стянула.

Врать ему было физически невозможно. Теперь понятно, почему именно Эдлунд заправлял пансионом. Этот орлиный взгляд проникал под кожу, от него становилось неуютно и жутко хотелось чесаться. Допрашивать преступников — вот, чем он должен был заниматься вместо науки.

— А на лезвии ножа не было обнаружено ДНК убийцы? — поинтересовался профессор.

— Мы ведь не собираемся поощрять интерес Мары к этому расследованию? — Вукович выразительно подняла одну бровь.

— Разумеется, — опомнился Эдлунд. — А теперь, Мара, бери своих товарищей, и ждите в коридоре, пока я буду разговаривать с родителями.

— Я еще раз подчеркиваю: если Вам надо кого-то наказать или отчислить, то пусть лучше это буду я, — Мара осмелела и вызывающе задрала подбородок. — И тогда никто не скажет, что у Вас в пансионе беспорядок.

— Мисс Корсакофф, — процедил Эдлунд.

— Мы уже уходим, — Брин примирительно улыбнулась и потащила Мару в коридор.

Разговор с родителями был невыносимо долгим. Только Джо умудрялся сохранять спокойствие. Брин нервно пялилась в одну точку, Мара от волнения и вовсе готова была бегать по потолку: она все еще чувствовала себя виноватой.

Наконец, Эдлунд пригласил их вернуться, чтобы огласить приговор. Эйрун Ревюрсдоттир сидела на краешке дивана, сцепив руки замком на коленях, Билл Маквайан немой угрозой стоял рядом.

— Ваше поведение было опасным и безрассудным, — начал профессор. — Джо

нарушил самые главные правила Линдхольма. Этому не может быть оправдания. Более того, он сделал это именно сегодня, когда на острове родители других учеников. И я не мог бы оставить его поступок безнаказанным, даже если бы хотел: меня просто не поймут. Я отвечаю за безопасность и порядок этого пансиона, и должен вынести единственно правильное решение.

Он сделал паузу, и Мара судорожно сглотнула, изо всех сил скрестив пальцы за спиной.

— Мне следует отчислить тебя, Джо. И твой отец согласен со мной.

— Сегодня ты опозорил не только Линдхольм, но и свой род, — твердо произнес Билл.

— И я непременно отчислю тебя, — Эдлунд тяжело вздохнул. — Если ты еще хоть раз совершишь нечто подобное. Мисс Вукович считает, что формально вы трое еще не являетесь студентами, поэтому и отчислить вас нельзя. Занятия начнутся на следующей неделе, и с тех пор больше никаких поблажек. Я серьезно, Джо. Мара, я понимаю твои мотивы. Мы вместе разберемся с твоей историей, постараемся найти убийцу Лены и выяснить, почему ты стала инолицей. Но только вне учебы и только под моим контролем. И с разрешения мисс Вукович. Ты поняла?

Мара кивнула.

— Теперь ты, Брин. Я хочу, чтобы ты запомнила. Интеллект — мощнейшее оружие на Земле, и пользоваться им надо правильно. Будь осторожна, иначе твой разум навредит тебе самой.

Эйрун взволнованно шмыгнула, и Брин виновато взглянула на маму.

— И, наконец, наказание. Кухни и приятной компании синьоры Коломбо вам будет недостаточно. Я давно планировал оцифровать библиотечные архивы. Даже купил хороший сканер. Но у миссис Крианян и без того много работы. Нет, Брин, не смотри на меня с такой радостью. Это задание для Джо. В течение месяца каждый день после занятий он будет сканировать книги и фотографии. А тебе стоит отдохнуть от научной литературы на свежем воздухе. Послезавтра, когда все разъедутся, пойдешь к Густаву. Будете перекрашивать маяк новой светоотражающей краской.

— Я могу помочь, — встряла Мара.

— Не сомневаюсь. Но вам пора отдохнуть друг от друга, пока вы не заподозрили в убийстве меня или бедолагу Густава, ведь ни садовника, ни дворецкого у нас нет. Я подумал и решил, что ты должна научиться доверять мисс Вукович. А для этого тебе придется узнать ее получше. Следующий месяц ты будешь личным секретарем нашего завуча.

— Что?! — Вукович была поражена не меньше Мары. — Но ведь мы же обсуждали: по три доклада к каждому предмету...

— Вам обеим это нужно, — прервал ее Эдлунд. — Ты загружена бумажной работой, а Маре будет полезно понять, чем ты занимаешься. И почему бываешь такой... сердитой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Но Ларе! — попыталась возразить хорватка.

— Это окончательное решение.

— Прекрасно, — фыркнула она и поправила очки. — Непонятно только, какого доверия можно ждать от учеников, если мое мнение здесь вообще никого не интересует!

И она стремительно прошагала в коридор, обдав Мару шлейфом своих духов, которые когда-то так понравились девочке.

Виновница торжества вздохнула и сунула руки в карманы. Если Эдлунд хотел придумать суровое наказание, то ему это удалось.

Потом он все же отпустил Мару и Джо на ужин: человеколюбие еще теплилось в глубине его директорской души. Еда, конечно, остыла, холодные макароны слиплись, картофельное пюре затвердело. Но хуже всего было то, что синьора Коломбо лишь покачала головой при виде Мары и удалилась обратно на кухню. И плевать даже, что от нее теперь не дождешься рассыпчатого орехового печенья. Она была ласковее остальных. До этой глупой выходки.

Нанду подскочил к ним, когда они уже доедали остатки бывшего пиршества. Он запыхался: бал был в самом разгаре. Мучительный пересказ наказаний только усугубил дурное настроение Мары. Всей троице вход на танцы был закрыт, вместо этого они должны были заняться подготовкой кроватей для гостей. Учитывая масштабы праздника, работы предстояло море. И из-за этого смотреть на довольного и за километр благоухающего одеколоном Нанду было совсем противно.

Вместе с несколькими учениками и Густавом Мара, Брин и Джо отправились в подвал, где их уже поджидала миссис Чанг. Сухонькая пожилая китаянка, которая заведовала чистотой Линдхольма уже не один десяток лет, не знала, что такое отдых. Где-то внутри нее находился вечный двигатель, и от других она требовала столь же бурной и непрерывной деятельности.

Подвал главного здания был заполнен раскладушками. В пансионе в любой момент могла разместиться добрая армия солдат. Часть гостей планировали уложить в домиках, часть — в кабинетах на втором и третьем этажах. Мара и Джо вдвоем носили складные кровати и перетаскивали парты, освобождая пространство для спальных мест, Брин доверили стопки чистого белья.

— Куда это годится? — ворчала миссис Чанг, глядя, как исландка неумело запихивает подушку в наволочку. — Лучше все делать самой...

И она устроила смущенной Брин короткий мастер-класс, после чего дело пошло быстрее.

Солидным гостям вроде Тхакура из Верховного совета или Уортингтонов отвели отдельные комнаты. Там не требовались раскладушки: широкие кровати опускались из специальных встроенных шкафов. Прежде Мара такого не видела, да и теперь рассмотреть толком не удалось: миссис Чанг лично стелила постели высокопоставленным лицам и быстро выгнала любопытных студентов.

Загруженная поручениями, Мара не сразу заметила, как оказалась прямо у палаты, где когда-то провела не самые приятные дни своей жизни. И не смогла удержаться от искушения заглянуть и проведать Иду. Убеждая себя, что печется о здоровье соседки, она скорее жаждала выяснить подробности вечернего происшествия.

Голландка была в палате одна: на тумбе у ее койки слабо светился ночник. К руке тянулась капельница. Ида не спала, просто лежала, мрачно глядя в одну точку.

— Чего тебе? — буркнула она, мельком взглянув на Мару и снова вернувшись к созерцанию пустоты.

— Хотела узнать, как ты.

— Лучше некоторых.

— А где твой отец?

— Это что, интервью?!

— Как хочешь. — Мара пожала плечами. — Я пошла.

— Стой! — возглас застал ее в дверях. — Подожди.

— Ну? — Мара снова шагнула в палату.

— Не хотела срываться. Говорят, ты пыталась меня спасти. Как дура, конечно, но я от тебя другого не ждала. Так что извини или типа того.

— Все нормально, — кивнула Мара.

Это было лучшее, что ей приходилось слышать от Иды ван дер Вауде.

— Отец внизу, на балу, — сообщила любительница готики.

— А почему не с тобой?

— А чего со мной сидеть, если я не собираюсь на тот свет? — невесело усмехнулась

Ида. — Спектакль на звание «отец года» сыгран, теперь можно развлекаться.

— Не думаю, что это был спектакль. Он искренне за тебя волновался.

— Ты вообще не знаешь зимних. Человек, способный перевоплотиться в другого человека, изобразит все, что ты хочешь увидеть.

— Это правда, что ты?., ну, в общем...

— Выпила коньяк, который папа собирался подарить Тхакурам? Да. Перелила половину бутылки в свою колу и выпила.

— Но зачем?

— Чтобы позлить его, наверное, — протянула Ида. — Я не хотела, чтобы он приезжал. Ему на меня наплевать, хотел только выслужиться перед членами совета. Деловые связи и прочая ерунда. Думаешь, меня просто так поселили в одну комнату с этой стервой Рашми? Лучше бы мама приехала.

— А она занята?

— Да ничего она не занята! — раздраженно воскликнула Ида. — Просто они в разводе и на дух друг друга не переносят. Стараются не пересекаться. Отец решил, что раз это не мой день рождения, обойдусь без мамы.

— Скучаешь? — Мара сочувственно посмотрела на соседку: та всего-навсего хотела материнской любви...

Между ними было больше общего, чем она думала.

— Вот только не надо меня жалеть! — бросила Ида, и очарование момента исчезло.

— И не вздумай никому растрепать! Особенно этой своей Фриксдоттир!

Мара закатила глаза и пошла дальше помогать Джо. Уже взявшись за ручку двери, она застыла и вновь повернулась к Иде.

— Слушай, а зачем ты легла на мою кровать?

— Леня было разуваться и снимать джинсы. А у меня приличное белье, не пачкать же его.

— Ясно, — и Мара поспешила покинуть палату.

Вряд ли Ида ван дер Вауде смогла бы однажды стать ее подругой.

Брин тем временем наловчилась зачехлять одеяла, почти как миссис Чанг. Впрочем, саму исландку этот факт не радовал.

— Мне кажется, даже если я сейчас закрою глаза, то все равно буду видеть одни пододеяльники, — пожаловалась она.

Джо не жаловался. Но лоб у него заблестел от пота уже после пятнадцатого подъема раскладушки на третий этаж, а поднимались они в тот вечер гораздо больше.

Ближе к полуночи, лежа, наконец, в кровати, Мара слушала приглушенную музыку из распахнутого окна и долго вертелась, отматывая в голове события прошедшего дня и мечтая поступить иначе. Она корила себя, что могла бы унюхать пары алкоголя, которыми, как ей

теперь казалось, провоняла вся ее подушка; и усомниться в словах самовлюбленного Коркмаза, и, в конце концов, сразу подойти к Вукович. Но было поздно.

Ей снилось, что ее посадили на «Сольвейг» и отправили одну в Россию. Вслед доносился презрительный смех Эдлунда и ребят, и вскоре она оказалась одна в сером морском тумане, не имея ни малейшего представления, куда плыть.

Кошмары измотали Мару куда сильнее, чем беготня с раскладушками. И даже тот факт, что теперь ей предстояло убить полдня на все то же самое, только в обратную сторону, не смог удержать ее в постели ни на секунду.

Она слезла мимо чьей-то мамы, сопящей на месте Иды, бесшумно пробралась в кухню через общую комнату, лавируя между раскладушками. Воздух от большого количества взрослых стал спертым, в нем явственно ощущались следы вчерашних возлияний.

Мара поставила чайник. Кроме нее и Сары здесь чай почти никто не пил: Швеция — кофейная страна, как-никак. В каждом домике стояла собственная кофемашина, современная и сияющая, как космический корабль. Но крепкий сладкий чай с лимоном Мару устраивал больше.

Обхватив ладонями кружку и пихнув за щеку шоколадную конфету, — вчерашний подарок синьоры Коломбо, — Мара подошла к окну, любуясь на величественные старые липы, проступающие в утренней дымке. Было тихо, как в зачарованном лесу.

И тут внимание Мары привлекла одинокая фигура, идущая по дорожке от маяка. Плавная походка, длинные гладкие волосы... Селия Айвана. Словно почувствовав, что ее заметили, она обернулась и увидела в окне Мару. Широко улыбнулась, помахала рукой и двинулась к домику.

— Привет, — тихо сказала она. — Я загляну к тебе?

— Конечно, — согласилась Мара. — Все равно народ еще спит.

Вскоре гайтянка зашла на кухню, запустив внутрь свежий и чуть влажный воздух. На ее волосах поблескивали мелкие морские брызги, щеки разругались.

— Я ведь так и не поблагодарила вас за подарок, — Мара покрутила запястьем с часами. — Они чудесные. Чай или кофе?

— Кофе, — кивнула Селия. — Черный, без сахара. А открытку ты нашла?

— Да... — замялась девочка, загружая кофеварку. — За нее тоже спасибо, хотя с ней все плохо кончилось.

И она рассказала Селии душераздирающую историю о торжестве идиотизма над здравым смыслом. Однако та в ответ не стала осуждать или разводить поучительные сентенции, а только сочувственно поджала губы.

— Досталось тебе, наверное, от Эдлунда... — протянула Селия. — Не переживай, все быстро забудется. Он отходчивый. К тому же, это Линдхольм, вот увидишь, уже через неделю кто-то выкинет очередной фокус, и про тебя не вспомнят.

— Хорошо, что он нас не отчислил.

— Смеешься? — Селия подняла бровь. — Он в жизни никого не отчислил. Ни он, ни его отец. В мире слишком мало перевертышей, чтобы их вот так запросто отчислять.

— Правда?

— Только умоляю, не говори, что я тебе это сказала. Время от времени он вспоминает, что директор, и пытается казаться суровым. А Вукович — переживет. Ее нетрудно перепутать с убийцей.

Мара рассмеялась. Беззаботность Селии была заразной.

— Слушай, я вообще-то хотела попрощаться, — огорошила девочку мисс Айвана. — Отец плохо себя чувствует, такая перемена климата в его возрасте дает о себе знать. Он,

конечно, дико заинтересован твоим происхождением, они проводили тесты вместе с Ларсом, но так ничего нового и не выяснили. Действительно, в твоей ДНК обнаружили ген зимнего и летнего перевертыша. То есть отец у тебя точно зимний. Но я вот подумала: с чего ты решила, что это Коркмаз? Ведь папа говорил, что ты метис.

— Ну да. То есть у меня родители разных национальностей?

— Да нет же, — тряхнула головой Селия. — Коркмаз — турок, он тоже европеоид, как и твоя мама. Тут другое, надо искать монголоида или американоида...

— Американоида? Разве есть такая раса?

— Конечно! Доказано, что американские индейцы не имеют отношения к монголоидам.

— То есть мой отец может быть индейцем? — Мара сразу подумала про Джо: было бы здорово и очень киношно, если бы он вдруг оказался ее братом.

Но тут же отбросила эту мысль. Ведь Билл Маквайан был летним и не учился на Линдхольме. А жаль. Отец-полицейский, такой суровый и сильный... Мара вздохнула и налила госте кофе.

— Ага, — кивнула Селия, прихлебывая горячий напиток. — Или китайцем. Или кем-нибудь из тех, что живут у вас в Сибири. Якуты, ханты... Я плохо разбираюсь. Так что если соберешься взламывать библиотеку в мое отсутствие, ищи среди них.

Мара не собиралась. Напротив, она была исполнена решимости стать образцово-показательной ученицей, чтобы завоевать утраченное доверие Вукович. И тогда, под ее покровительством, можно будет, наконец, раскопать что-то новое.

Поэтому Мара рьяно взялась за поручения миссис Чанг. Им с Джо и Брин пришлось пропустить праздничное утреннее барбекю и корриду. И хотя Нанду приволок несколько чуть теплых сосисок, а из окна третьего этажа можно было увидеть часть тренировочного поля, на котором носился профессор Лобо в облике устрашающего черного быка, и даже заметно было, как величественно лоснится на солнце его шкура, ощущения были уже не те. Вообще-то тотемом профессора был волк, но будучи истинным испанцем, только он мог показать гостям, что такое коррида.

К вечеру гости разъехались, а в их числе и Мартин Айвана с Селией. Остров теперь казался непривычно пустым и брошенным, как фантик от конфеты. К слову, именно эти фантики, а также обрывки гирлянд, бумажные серпантинны и прочее наследие праздника, дружно собирали ученики весь следующий день. Нанду ворчал, что в его родных фавелах есть улочки почище, чем тренировочное поле Линдхольма.

Маре повезло: наказание освобождало ее от тотальной уборки. Джо с самого утра пропал в библиотеке, а Брин, брезгливо морщась, нацепила старую спецовку с брызгами побелки, здоровенные пластиковые очки и кепку и направилась к Густаву. Мисс Вукович тоже позаботилась о том, чтобы Мара прочувствовала всю глубину своего проступка. Вооружившись пухлыми папками, они обосновались в одном из пустующих классов.

Хорватка превратила доску в гигантскую таблицу, пытаясь распределить кучу дисциплин между курсами, учитывая пожелания каждого из учителей. Плюс были еще разные нюансы. Например, между днями с биологией и астрономией надо было обязательно оставлять один свободный, чтобы студенты успели сделать задание. А ведь еще факультативы и тренировки!

При этом Вукович постоянно кто-то дергал: то звонила синьора Коломбо по поводу меню на следующую неделю, то студенты спрашивали, куда убрать реквизит после выступлений, то Эдлунд не мог найти важный документ. Вдобавок департамент образования

Верховного совета просил учебный план на следующий год, и Вукович лебезила и оттягивала срок сдачи, как могла, потому что половина профессоров еще не притрагивалась к бумагам. Из обрывков разговоров Мара поняла, что хорватке, в конце концов, придется все заполнять самостоятельно. Как и всегда.

Когда первый рабочий день близился к завершению, Мара и сама была готова оторвать голову каждому, кто заглянет в класс с очередной просьбой. Теперь Вукович предстала перед ней образцом и самообладания: она кропотливо, ячейку за ячейкой стирала и снова заполняла таблицу на доске. Идеального расписания, подходящего всем, просто не существовало в природе, но хорватка упорно пыталась его создать. От бесконечных перестановок Маре хотелось заорать, порвать к чертям все бумажки и выйти из класса через окно.

— Принеси мне кофе. Большую кружку, две ложки сахара, — снисходительно обратилась к подопечной Вукович, заметив, как та с безумным взглядом грызет ногти. — Я бы и сама сходила, но ведь ты опять решишь, что я хочу тебя отравить.

Мара закатила глаза. Что ж, справедливо, сама нарвалась.

— И не отходи от кружки, — Вукович саркастически усмехнулась. — Синьора Коломбо недавно травила тараканов, вдруг у нее остался яд? Мы все в опасности.

Завуч не была исключением: Мару не подкалывал только ленивый. То в столовой какой-нибудь шутник изображал страшное отравление, то Коломбо выдавала что-то вроде «Хочешь, я сначала попробую твою порцию сама?» или «Уберите посуду, чтобы мисс Корсакофф было удобнее прыгать по столам».

Один парень даже пытался пошутить над Джо. Что между ними случилось после, доподлинно никто так и не узнал, но парень потом нервно вздрагивал при виде индейца, а желающих приколоться поубавилось.

Через неделю после солнцестояния мисс Вукович позвала Мару с собой в кабинет Эдлунда. Тот куда-то отлучился, и хорватка преспокойно достала из кармана ключ и отперла кабинет.

— Он должен был подписать и оставить смету на питание. Ты ищи на столе, а я — в тумбе.

— А он не будет возражать? — неуверенно спросила Мара, припоминая, как пряталась под этим самым столом.

— Нет, конечно. Он даже не заметит. И потом он вечно забывает передать мне документы, приходится искать самой. Только вот каждый раз это превращается в охоту за кладом... — и Вукович яростно зашелестела бумагами.

Мара окончательно убедилась, что зря подозревала свою опекуницу в чем бы то ни было. Наверняка, та и в прошлый раз наведывалась сюда легально. Эдлунда заботили лишь его лаборатория и тренировки со студентами. Документы и прочие формальности занимали лишь крошечный уголок на задворках его сознания. Вот и теперь смету пришлось искать добрых полчаса: профессор забыл ее между страницами второго тома «Репродуктологии солнцерженных».

Мара не раз слышала, как ее опекуницу по телефону отчитывали представители Совета, потому что Эдлунд в который раз забыл подписать и выслать им какую-нибудь бумажку. А она все равно находила в себе силы с улыбкой здороваться с ним по утрам.

Полное разочарование в собственных детективных навыках и гора учебы, свалившаяся на студентов, отодвинули расследование на задний план. Список предметов для

первокурсников был внушительным:

Латынь

Общая биология

Основы генетики солнцeroжденных

Введение в физиологию трансформаций

Астрономия

Древняя история солнцeroжденных

Солнцeroжденные в мифологии народов мира

Введение в международное право солнцeroжденных

Основы безопасности трансформаций

Помимо этого существовали факультативы по иностранным языкам. Каждый студент должен был в течение года изучить не меньше трех. Брин решила взять самые трудные, чтобы на старших курсах освободить время для подготовки к диплому: арабский, иврит и хинди. Мара, напуганная обилием дисциплин и толстыми фолиантами учебников, выбрала языки попроще: испанский, французский и немецкий. Врожденная способность перевертышей к языкам сильно выручала, и уже через месяц она смогла сносно общаться с преподавателями.

А вот другие уроки заставляли ее попотеть. Хуже всего обстояли дела с практическими занятиями: у зимних их вел британский профессор Найджел Смеартон. Увидев его впервые, Мара обрадовалась. Это был полноватый седовласый мужчина с вечно лукавым прищуром, будто слышал смешную шутку. Он носил очки, уютную твидовую жилетку и казался добрым дедушкой, к которому хотелось сесть на коленку и послушать волшебную сказку.

Однако к сказкам профессор Смеартон расположен не был. Со своей неизменно ласковой улыбкой он предпочитал говорить гадости, причем Мару он почему-то сразу особенно невзлюбил, и именно она стала постоянной мишенью для его презрительных острот.

— А вот и наша легенда! — провозгласил он, увидев ее фамилию на первой же перекличке. — Возможно, мисс Корсакофф и вовсе не стоит посещать мои занятия, раз она с первого раза осилила полную трансформацию? Такой мощный дар и недюжинная смелость! Вас ждет большое будущее.

На свою беду, Мара не сразу распознала сарказм.

— Думаю, вам не составит труда продемонстрировать нам частичную трансформацию, — продолжал Смеартон, весело глядя на нее поверх очков. — Цвет волос, скажем. Смелее, смелее, выходите к доске. Какого цвета волосы у вашей матери?

— Рыжие.

— Хорошо, мисс Корсакофф. Мы ждем.

Мара стояла перед группой учеников, как корова на городской площади. Ничего не понимая и не зная, что делать. Она не имела ни малейшего представления, как перевоплощаться, потому что в первый раз все случилось спонтанно. И Мара просто напряглась изо всех сил, сосредоточилась, сжав кулаки и повторяя про себя: «Рыжие волосы, рыжие волосы, рыжие волосы...»

— Если Вам надо в дамскую комнату, так и скажите, — ехидно заметил Смеартон. — Не стоит так тужиться на людях.

Аудитория взорвалась хохотом. Громче всех смеялись Сара Уортингтон и ее подружки.

— Пройдите на свое место, Корсакофф, — Смеартон ни на секунду не переставал

дружелюбно улыбаться. — Этот случай доказывает нам, что изначальные способности, слава и личные симпатии руководства еще не делают из вас талантливых перевертышей. Кто-нибудь может показать мне смену цвета волос? Мисс Уортингтон? Пожалуйста, прошу вас.

Кто бы сомневался! Сара вышла к доске, поправила свою идеально отглаженную юбку и распустила волосы. Потом прикрыла глаза, и в мгновение от корней к кончикам разлился более темный оттенок.

— Другое дело! — Смеартон даже хлопнул в ладоши. — И очень элегантно. Из вас может выйти что-то стоящее при должном усердии, мисс Уортингтон.

Сара самодовольно изогнула бровь и, смерив Мару взглядом победителя, вернулась на свое место.

Но были и учителя приятнее. Древнюю историю преподавала Медея Дзагликашвили, полная грузинка с зычным и тягучим голосом, которая не гнушалась обращаться к Маре на русском при всем потоке и ласково называла ее Тамрико. Правда, вся ее нежность сводилась на нет обилием конспектов, которые она задавала. А поскольку Мара не хотела терять расположение этой милейшей женщины, то вкалывала в библиотеке до посинения.

Первое время она еле доползала до кровати: помимо домашних заданий на ней висела работа с Вукович. Смеартон портил настроение своими издевками: прошло две недели с первого занятия, но Маре так и не удалось ни на йоту перевоплотиться. А снова сожрать чей-то волос и психануть, чтобы все закончилось под капельницей, ей не улыбалось.

Брин пыталась помочь, как могла. Рассказывала, что надо отпустить разум, втянуть в себя воздух и представить, как растворяешься в природе. Разом ощутить все запахи, услышать звуки, и трансформация получится сама собой. Чепуха.

Мара часами нюхала траву и слушала умиротворяющее щебетание Нанду, — подлец то и дело перевоплощался вне тренировок и ни разу не был пойман, — но все впустую. Поддержка пришла, откуда не ждали. После очередного провала у Смеартона в общей комнате Мару поймала Ида ван дер Вауде. Отвела соседку на улицу, подальше от домиков и главного здания, и разъяснила азы.

Оказалось, что зимним перевертышам нужен другой настрой. Не желание слиться с природой, а потребность скрыться от чужих глаз.

— Не заикливайся на том, что должно получиться, — советовала Ида. — Смеартон нарочно тебя пугает. Плевать, рыжими будут волосы или зелеными. И будут ли они вообще. Моя первая трансформация произошла в торговом центре. Мы с друзьями... Неважно. Короче, за нами шли охранники. Вот тогда я и стала блондинкой, и мне удалось сбежать.

— А мне что делать? — Мара слабо верила, что визуализации и прочая психологическая дурь могут ей помочь.

Ни Эдлунд, ни Брин так и не докопались до важных центров в ее мозге. Возможно, стихийные трансформации — ее удел.

— Закрой глаза. Представь, что ты посреди толпы. Мелькают чужие лица, все они тебе незнакомы. Где-то там, среди них, есть люди, которые ищут тебя. Хотят убить. Ты не знаешь, как они выглядят, кто они, сколько их. Побежишь — привлечешь внимание. Спрятаться негде. Ты должна слиться с этой толпой. Раствориться. Тебя нет. Ты — это не ты, это кто-то чужой. И можешь видеть себя со стороны.

Мара поборола скептический настрой и попыталась представить: вот она стоит посреди улицы. Ее ищут. Мерзкое, щекочущее кишки, чувство невнятной тревоги. Скрыться, раствориться, исчезнуть. По спине пробежали мурашки, ей стало жарко и вместе с тем

легко-легко. Как будто она замерзла, а потом залезла в горячий душ: тело согрелось, страхи смылись водой. Никого вокруг. Ни толпы, ни преследователей. Блаженная белесая дымка.

— Открывай глаза, — откуда-то издалека раздался голос Иды.

Мара разлепила веки: все тот же Линдхольм, теплое июльское солнце, над низкорослыми желтыми цветочками жужжит шмель.

— Опять ничего? — вздохнула она.

— Смотри, — голландка протянула телефон с включенной фронтальной камерой.

Мара не сразу поняла, что движущееся на экране изображение — это она сама. Ее волосы не только стали русыми, но и вытянулись. Теперь они доставали ей до плеч. Непривычно и неприятно, но какая разница, если получилось?!

— Странно, а почему не рыжие? — удивилась Мара, рассматривая свои длинные пряди.

— Откуда мне знать, — дернула плечом Ида. — Не все же родственники до пятого колена у тебя были рыжими. Видимо, твой организм решил, что рыжий — слишком яркий цвет для того, чтобы скрыться.

— А как мне выбрать, какую часть трансформировать? Глаза, волосы, нос?

— Ты должна убедить себя, что именно эта часть привлекает к тебе внимание. От нее зависит, заметят тебя или нет.

— Поняла. Как в сказке про лисий хвост.

— В какой сказке? — Ида наморщила лоб.

— Ну, как лиса убегала от собак и решила, что ее хвост — плохой, потому что мешал...

— Не начинай. Вот вечно с тобой так: хочешь помочь, а ты разводишь какую-то чушь. Все, мне пора на факультатив по хинди.

— Собираешься подружиться с Рашми?

— Не тупи. Отец велел, — Ида презрительно хмыкнула и пошла к главному зданию.

Мара тоже вынуждена была поторопиться: мадам Венсан ждала ее на семинар по французскому. К счастью, обратное перевоплощение далось куда легче, надо было всего-навсего стряхнуть с себя фантазию про опасность, как липкую паутину.

Вечером, покончив с вбиванием в компьютер табелей по успеваемости для Вукович, Мара рванула к домику Брин, чтобы поделиться новостью. Но исландка и сама еле сидела от нетерпения.

— Ты не поверишь, что я сегодня видела! — выстрелила она пулеметной очередью.

Теперь бесполезно было что-то говорить, пока она сама не выскажет все, что у нее накопилось.

— И что же? — вежливо поинтересовалась Мара.

— Пойдем, я хочу найти Джо.

— Они на улице, Нанду опять горланит свои песни.

— Надо срочно их позвать!

Когда все были в сборе, Брин дрожащими пальцами вытащила свой телефон и открыла галерею фотографий.

— Не могла просто выслать нам картинки? — спросил Нанду, недовольный тем, что его оторвали от стайки девиц.

— И пропустить вашу реакцию? — глаза Брин лихорадочно блестели. — Вот уж нет! Смотрите!

На снимках была пустая комната с бетонными стенами, исписанными сверху донизу.

— Что это? — спросила Мара, вглядываясь в нагромождение имен.

— Маяк. Верхнее помещение, где стоит прожектор. Это старая традиция: влюбленные парочки пишут на стенах свои имена, чтобы их любовь длилась вечно. Густав говорит, что это только грязь и варварство. Сегодня мы хотели все закрасить, он даже приволок огромное ведро белой краски. Но тут примчался Эдлунд и запретил что-либо трогать. Никогда его таким не видела. Орал, что красить будут, когда он умрет, а до тех пор пусть все остается, как есть.

— И что? — устало осведомился Нанду.

— А вот, погляди, — Брин приблизила изображение.

Ребята увидели сердечко с надписью на русском языке.

— Лена плюс Намлан, — прищурившись, прочитал Джо.

— Но как ты?.. — удивилась Мара.

— Он взял русский факультатив и не хотел рассказывать, — Нанду торжествующе усмехнулась. — Интересно, с чего бы...

— Не отвлекайтесь! — махнула рукой Брин. — Ничего особенного. Имя Лена я тоже смогла прочитать. Смотрите на дату. Октябрь девяносто восьмого. Чуть меньше четырех лет до твоего рождения. Спорим, если Лена — твоя мама, то этот Намлан...

— Прекрати! — перебил ее Нанду. — Сейчас ты опять напридумываешь какую-то ерунду и убедишь нас напасть на Эдлунда!

— А вот и нет! Про него я тоже нашла. Еще даже интереснее.

Брин перелистала несколько снимков и показала всем другую надпись: «Ларе + Инира».

— Инира? Это та девушка в рамочке, которая стоит у него на столе, — вспомнила Мара.

— А теперь внимание... Смотрите! — воскликнула Брин с таким видом, будто только что изобрела электричество.

Это была фотография маяка со стороны моря. На выбеленном кирпиче, по которому взбиралась бурая поросль морской растительности, было выведено следующее: «R.I.P[1], Inira Nanuk 1975–1999. Finis vitae, sed non amoris».

— Кончается жизнь, но не любовь, — перевела Брин.

[1] Requiescat in pace — Да упокоится с миром (лат.)

— Хочешь сказать, у нас тут могила?! — Мару передернуло.

— А что такого? Люди умирают, — равнодушно заметил Нанду.

— Нет, прямо здесь? Мы же тут живем!

— Успокойся, Мара. Не думаю, что она похоронена на острове, — Брин тронула подругу за плечо. — Я пыталась расспросить Густава, но он может болтать только о своей молодости. Как только заговорила про эту надпись, он буркнул: «Нет тут никакой могилы!» и велел дальше скрести стену. Я уверена, если даже он об этом молчит, то там точно бомба!

— Допустим, Эдлунд любил девушку, которая трагически погибла. Это печально, но причем здесь мы? — спросила Мара.

— Пока точно не понимаю, — Брин закусила нижнюю губу. — Но чувствую, что это связано. Смотри: твоя мама была здесь в девяносто восьмом, а годом позже загадочно погибла Инира.

— А два года назад скончалась бедная донна Жасинда с улицы Оливейра! — в тон ей продолжил Нанду. — Мы должны немедленно сообщить в Верховный совет!

Мара не удержалась и фыркнула, даже у Джо рот растянулся в улыбке. Брин обиженно выхватила у подруги свой телефон и сунула его под подушку.

— Ну и пожалуйста! Не верьте. Все равно потом выяснится, что я была права.

— Как с Коркмазом?.. — начал Нанду, но Мара пнула его по ноге.

— Нандинью, — процедила она, напоминая про истории донны Зилды, и парень примирительно поднял руки вверх. — Брин, ты нашла очень важную информацию про мою маму. Я обязательно спрошу у Вукович про этого Намлана.

— Это бурятское имя. Я выяснила. Означает «восход солнца». Значит, он зимний.

— Почему? — не поняла Мара.

— Это старая традиция, — пояснила Брин. — Сейчас ее почти никто не соблюдает. В фамилиях и именах летних обычно упоминается тотем, а у зимних — солнце. Вот Рашми в переводе с хинди — «солнечный луч», а ее отец Сурадж — просто «солнце»...

Нанду театралью запрокинул голову и захрапел.

— А Вукович? Или Смертон? — Мара снова лягнула несчастного показушника.

— Я же говорю: почти никто не соблюдает. Вукович — зимняя по материнской линии, а тотем ее отца — волк, — учительским тоном поведала Брин.

— А у нас — соблюдают, — сказал Джо. — И у нас нет смешанных браков между зимними и летними.

— Подожди, Брин, откуда ты все это знаешь про Вукович? — Мара подозрительно прищурилась. — Я с ней две недели бок о бок, и ничего...

— Мне мама рассказывала. Но сейчас важно другое. Нам необходимо выстроить новый план действий. Джо, ты должен искать фотографии тех лет, пока твое наказание не закончилось. Потом мы раздобудем координаты Намлана и попробуем выяснить, какая связь между ним и Инирой. Например, Нанду в облике дрозда сможет проникнуть в кабинет Эдлунда, пока мы будем его отвлекать. И вот тогда...

— Э, нет! — твердо пресекла подругу Мара. — Хватит. Больше никакого шпионажа и заговоров. Я сама подойду и спрошу.

— Действительно, — согласился Нанду. — Я не собираюсь никуда проникать. Закрыли тему. Лучше расскажи, что у тебя там с перевоплощениями. Смертон до сих пор издевается?

— А вот и нет, — Мара встала, закрыла глаза и показала свое новое умение.

Нанду присвистнул, а Джо улыбнулся. Второй раз за неделю, подумать только! Он становился чересчур эмоциональным. Лишь Брин вместо того, чтобы обрадоваться за подругу, задумчиво изучала ее новые волосы. Она так пристально сверлила их взглядом, что, казалось, сейчас еще и понюхает.

— Странно... Наверное, перескочила через поколение... У тебя нет фото бабушки? Хотя... — она говорила скорее сама с собой, чем с Марой. — Нет, я должна посмотреть, что пишет на эту тему профессор Ханьжи... Как назло, взяла с собой только шесть книг по зимним...

И она сорвалась с места и кинулась в общую комнату, где под ее личные книги освободили от настольных игр две полки.

— Это надолго, — вздохнул Нанду. — Не хочешь послушать мою новую песню?

Они вышли на крыльцо, устроились на деревянных лавках. Ласково перешептывались липы, шуршало объятые шпилем море. Нанду затянул что-то лиричное, ласкающее уши, то и дело слышалось слово «Рио». Красивый язык. Пожалуй, в следующем году Мара обязательно возьмется за португальский. А пока стоит сосредоточиться на этом Намлане. Вдруг Брин права? Главное, ей не говорить. И никого не втягивать. На сей раз надо разобраться самой.

Мара хотела подойти к Вукович в следующий же вечер. Но та намертво залипла на видеоконференции с представителями Совета. Девочка топталась под дверью десять, двадцать, сорок минут, — все без толку. Градус переговоров не снижался. Вукович пыталась отстоять какие-то спецкурсы для зимних, с чем суровая немка с лающим акцентом была категорически не согласна.

Спросить у Эдлунда? Про смерть его возлюбленной? Не вариант. И Мара вернулась в спальню, где ее ждал душераздирающий параграф про аминокислоты.

Потом историчка завалила докладом, мифологичка велела нарисовать древо индийских божеств, а Рашми наотрез отказывалась дать списать. Смеартон грозился тестом. Он и так успел вклеить ей не одну шестерку[1], придираясь то к скорости трансформации, то к невнимательности на лекциях.

[1] В Линдхольме оценки ставят по десятибалльной системе.

В последний раз Мара так взбесилась, что разом изменила рост, нос и прикус. Рыжий цвет волос у нее до сих пор не получался, и Смеартон объяснил, что дело в ДНК Сарь Уортингтон, которую организм Мары все еще пытается воспроизвести после первого превращения. Британке это только польстило.

— Моя ДНК — лучшее, что в тебе есть, — заявила она как-то после тренировки. — Даже твое тело это понимает.

И пока Мара придумывала язвительный ответ, Сара успела красиво удалиться.

Шквал учебы накрыл студентов Линдхольма с головой, и вспоминать про находку Брин стало некогда. Мара решила отложить разговор с Вукович до лучших времен, пока однажды не пришло сообщение от Джо: «Жду тебя в библиотеке. Срочно».

Дело было после ужина, Мара и ее друзья отбывали последние деньки своего месячного наказания. Опаздывать к завучу и ее бумагам не хотелось, но Джо никогда не писал просто так. Он вообще никогда раньше ей не писал.

Недолгая внутренняя борьба между долгом и любопытством завершилась разгромной победой второго. И Мара рванула в царство миссис Крианян. Джо стоял над сканером с толстым фотоальбомом в руках, и на его обычно непроницаемом лице отражалось некое подобие торжества.

— Нашел, — коротко произнес он и повернул к Маре альбом.

На одном из снимков, была Лена Корсакова с внушительным округлым животиком. Рядом стояла какая-то улыбчивая блондинка и крепкий молодой мужчина с раскосыми глазами. Он бережно обнимал Лену за плечи.

Не веря своим глазам, Мара вытянула фотографию из-под пленки и перевернула — никаких надписей.

— Альбом девяносто восьмого, — пояснил Джо. — Но этот снимок, наверное, попал туда по ошибке, раз ты родилась в две тысячи втором.

— Наверное, — кивнула Мара, хотя внутри уже зашевелилось неприятное предчувствие. — Может, покажем Брин?

Она щелкнула камерой и переслала изображение подруге и Нанду. Не так давно они создали общий чат на всех четверых.

Брин тут же перезвонила.

— Вы в библиотеке? — возбужденно спросила она. — Ждите!

Прибежала через пять минут, переводя дыхание.

— Это не ты, — прошептала она, глотая воздух, и мотнула головой. — На этой фотографии не ты.

— Знаю. Это моя мама, — терпеливо объяснила Мара.

— Я не об этом. Она беременна не тобой.

— С чего ты так решила? На снимке нет даты.

— Посмотри сюда, — исландка ткнула пальцем в окно на фотографии.

За высокими окнами холла желтели липы.

— Это осень. А ты родилась летом. Так что либо она беременна не тобой, либо ты все-таки родилась зимой.

Мара прерывисто вздохнула и посмотрела на Джо.

— Надо идти к Эдлунду, — твердо сказал он.

С этим согласилась даже Брин. Захватив снимок, они поспешили на четвертый этаж. Профессора не было, он, вероятно, совершал свой ежевечерний полет над островом. Ждать пришлось долго, у Мары даже затекла шея от того, что она стояла, прижавшись ухом к двери. Наконец, послышались стук и шаги, она дала профессору двадцать секунд на одевание и постучала.

— Иду! — Эдлунд предстал перед ними, натягивая футболку. — О, нет... Опять тройка детективов... Что вы натворили?

— Ничего. Но мне очень нужна Ваша помощь, — Мара умоляюще подняла брови.

Профессор сжалился и пропустил их внутрь. Девочки сбивчиво изложили свои подозрения, опустив вопросы про таинственную гибель Иниры, Джо предъявил снимок.

— Странно, — Эдлунд в задумчивости поскреб щетину на подбородке. — Но ведь я лично видел копии записей из архива. И твое свидетельство о рождении подлинное...

— А если у Мариной мамы был еще один ребенок? — предположила Брин.

— Возможно. Но это все равно не объясняет зимнюю способность...

— Да дело не только в способности! — взвилась Мара. — Если у меня где-то есть брат или сестра, я бы хотела об этом знать!

— Теоретически, — рассуждал Эдлунд, — если все же ты родилась на полгода раньше или позже, а свидетельство о рождении — чужое, в больнице, куда ты попала с ожогами, такую разницу в возрасте могли и не заметить...

— Профессор, запись на маяке с именем Намлана сделана в девяносто восьмом, — сказала Брин. — И эта фотография лежала в альбоме девяносто восьмого года. Не думаю, что это совпадение. Мужчина на снимке, скорее всего, и есть Намлан, это ведь бурятское имя. Нам стоит его найти и расспросить.

— Возможно... — протянул Эдлунд.

— И эта девушка, — Брин указала на блондинку со снимка. — Они с Леной стоят плечом к плечу, улыбаются непринужденно... Если они и не были близкими подругами, то их связывали хорошие отношения. И если эта женщина знала о беременности, то, скорее всего, знала и про ее исход.

Эдлунд положил фотографию на стол, сунул руки в карманы и какое-то время молча ходил по кабинету.

— Хорошо, — произнес он, наконец. — Я все выясню. Но вам троим запрещаю вынюхивать что-то без моего ведома! Обещаю сообщить, как только что-то узнаю.

Ребятам пришлось смириться.

— Не надо было идти к нему, — сетовала Мара, спускаясь по лестнице. — Теперь опять все затянется...

— А ты перевела материалы по пожару? — спросил Джо.

— Некогда было. Там и по-русски не все понятно.

— Сделай. Я отправлю папе.

Мара кивнула. И честно села вечером разбирать каракули пожарных, но мысли разбегались. Новые вопросы, которые обрушились на нее, не давали сосредоточиться. Теперь она не просто не знала, кто убийца ее матери, теперь она понятия не имела, кто такая Тамара Корсакова. Вдруг где-то у нее есть брат или сестра? Или она вообще неизвестно чей ребенок, и всю жизнь жила под чужим именем?

Спустя две ночи метаний по спутанной простыне, Мара с трудом дождалась вечера и отправилась в комнату Вукович. Та сидела в островке желтого света от настольной лампы и корпела над бумагами. Мара поставила перед ней кружку кофе и блюдо с печеньем.

— Что ты натворила? — хорватка подозрительно взглянула на позднюю гостью поверх очков. — Или накрошила мне отравы для тараканов?

— Мисс Вукович! Ну, правда! Сколько можно? Я же сто раз извинялась.

— Ладно, — завуч примирительно кивнула и перешла на русский. — Садись.

Мара нерешительно опустилась на стул, оглядывая жилище опекуни, пока та заканчивала с очередной таблицей. Всюду царил армейский порядок: кровать застелена так, как будто ей никогда не пользовались, коврик строго параллельно стене, [книги](#) в шкафу расставлены по размеру. И никаких милых украшений вроде цветов в вазе или солнечного натюрморта. Только одна фотография над столом: строгий мужчина в форме.

— Это ваш отец? — спросила Мара.

— Да, — Вукович сосредоточенно щелкала калькулятором.

— Брин говорила, что он — волк... А ваша мама?..

— Это бестактный вопрос, — женщина откинулась на спинку стула. — Меня воспитывал отец.

— Он кажется суровым... — Мара покосилась на его мохнатые черные брови, сдвинутые на переносице.

— Просто привык общаться с подчиненными. Но дисциплина не так уж плоха. В твоём возрасте я этого не понимала, искала развлечений... Но они тянут человека назад, не дают развиваться. Хорошо, что я вовремя взялась за ум, — Вукович выразительно посмотрела на подопечную.

— Наверное, теперь он вами гордится.

— Сомневаюсь. Он планировал сделать из меня агента... И ему это почти удалось. Правда, родись я мужчиной и волком, как он мечтал, вышло бы больше толку. Но я предпочла сферу образования, — Вукович пригубила кофе. — Так что там у тебя? Ты ведь пришла не за историей моей семьи.

Мара рассказала про надпись с Намланом и показала фотографию в телефоне. Но Вукович была непреклонна: до осеннего равноденствия никаких посторонних дел.

— А равноденствие у вас тоже праздник? — в памяти возникли бесконечные ряды раскладушек, и Мара вздрогнула.

— Скорее, наоборот. Мисс Ревюрсдоттир еще не обсуждала с тобой... некоторые моменты взросления?

— Моменты чего? О, нет! Только не надо про пчел и цветы! — ужаснулась Мара. — Нам в детском доме объясняли.

— Я не об этом. Не совсем. Организм женщины-перевертыша устроен несколько иначе, чем организм обычной женщины. Ты никогда не задумывалась, почему мы все рождаемся только в дни солнцестояния?

— Специально подгадываете?

— Если бы нам приходилось каждый раз сидеть с календарем, солнцорожденные исчезли бы с лица Земли. Нет. Просто способность к зачатию у перевертышей появляется только дважды в год. На весеннее и осеннее равноденствие начинается новый цикл, когда...

— Все-все. Я поняла. Только дважды в год? — Мара усмехнулась. — Быть перевертышем даже круче, чем я думала.

— Ошибаешься. Ты еще не можешь об этом судить, потому что у перевертышей взросление начинается после первой трансформации. Этой осенью тебе придется поменять свое мнение. Все симптомы у нас проявляются гораздо сильнее. В том числе эмоциональные. По-моему, это дискриминация, — рот Вукович превратился в тонкую ниточку. — Но Ларе обычно дает несколько дополнительных выходных и вместе с мальчиками уезжает на экскурсию в Стокгольм.

— Я готова к дискриминации, если мне за это дадут выходные, — бодро ответила Мара.

Спустя пару месяцев, скрючившись в позе эмбриона на постели и слушая, как в общей комнате орут друг на друга Ида и Шейла, она вспоминала эти слова. Дискриминация... Да на кол стоило посадить этих жалких трусов, которые посмели слинять с острова. Тот же Нанду мог бы ей сейчас принести кружку какао и булочку с корицей... Нет, лучше шоколадку... Или чего-нибудь такого... Солоноватосладкого, но только чтобы с кислинкой... И попить. Нет, не какао, лучше холоденького... А бывает ананасовый лимонад? Вот его бы неплохо... Да хоть чего-то! Был бы он рядом, она смогла бы определиться, чего ей надо. Наверное. Сначала поколотила бы его, а потом сразу определилась. А вместо этого Нанду с Джо прохладжались на экскурсии по Скансену и слали, сволочи, красивые фотографии местных пейзажей. В то время как она и другие девочки должны были страдать ради сохранения популяции солнцорожденных.

И как назло в середине сентября на Линдхольм пришел циклон с дождями и колючим горизонтальным ветром. До столовой приходилось шлепать по лужам, а у Мары не было резиновых сапог и приличной теплой куртки. Сама она про обновки даже не задумывалась, пока не похолодало. Вукович в круговерти будничных дел тоже запомнила, а там уж наступило проклятое равноденствие, и Густав, который мог бы свозить Мару в магазин, вместе с остальными мужиками застрял в Стокгольме. Вукович, конечно, сняла мерки со своей подопечной и попросила Эдлунда сделать покупки, но в благоприятном исходе дела сомневалась.

Мара непременно ввязалась бы в драку от скуки и неизвестности: уроков не задали, в интернете так и не нашелся ни один похожий на изображение Намлан, а Сара Уортингтон поставила кружку молока прямо на планшет Мары, заявив, что не отличила его от подставки.

Ситуацию спасла Вукович: она забрала пульт, из-за которого скандалили в гостиной девчонки, разогнала всех по спальням, а Мару пригласила к себе.

— Я выяснила, кто на фото, — сдержанно сообщила она. — Это Намлан Томбоин. Но мне не удалось с ним связаться. Дело в том, что он не учился в Линдхольме. Видимо, просто

приезжал сюда в гости с твоей мамой.

— Но где еще она могла найти перевертыша, если не здесь?

— Не знаю. Эдлунд сказал, что твоя мама изучала фольклор и культуры перевертышей коренных народов России и могла встретить его во время одной из экспедиций. Мисс Кавамура искала письмо твоей матери — тщетно. Зато обнаружила черновики Лены: там как раз есть что-то про бурятов.

— И что вы думаете? — Мара с надеждой посмотрела на свою опекуницу.

— Я не знаю, что думать, — честно ответила та. — Но у меня есть для тебя еще одна новость. Эта девушка со светлыми волосами — Улла Дальберг из Стокгольма. И вот она как раз училась здесь. Я проверила — они с твоей мамой были одногодками. Возможно даже подругами. Сейчас Улла работает в Гринпис. Ее мама сказала, что у них какой-то проект «Защитим Арктику»... В общем, в Швецию она вернется только на зимнее солнцестояние. У них будут короткие рождественские каникулы. И я собираюсь с ней встретиться.

— А как же...

— Если у тебя будут нормальные оценки, возьму с собой.

— Правда?! — Мара вскочила и порывисто обняла Вукович.

Та опешила. Потом неловко похлопала девочку по спине.

— Ладно-ладно, — сказала хорватка. — Не радуйся раньше времени. Надо подождать, что скажет профессор Эдлунд.

Он вернулся на остров вместе со всей мужской делегацией через несколько дней, когда эмоциональные женские бури стихли. Джо и Нанду выглядели посвежевшими, притащили с собой дурацкие сувениры и кучу местных сладостей: леденцов и лакричных конфет. Профессор все же купил Маре одежду, весьма довольный своим выбором. А выбрал он ярко-розовую куртку, вырви глаз. Со странными геометрическими вкраплениями. В такой следовало бы кататься на сноуборде, чтобы не затеряться в снегах, когда спасатели на вертолетах будут искать. К куртке профессор заботливо подобрал сапоги в тон и фиолетовую толстовку в горох.

— С воротником, как ты носишь, — сообщил он с видом пятилетнего ребенка, который нарисовал мамин портрет на обоях: гордо и совершенно не подозревая, что сотворил.

Мара через силу улыбнулась своему благодетелю, выказала признательность, а потом подождала, когда он зайдет за угол, и стянула обновку, сложив ее изнанкой наружу. И сама себе удивилась: ведь не так давно она и не мечтала о том, чтобы ей покупали новую фирменную одежду. Досталась без дырок и пятен — и на том спасибо. А теперь вот выпендривается, как какая-нибудь Сара или Рашми.

Нет, она ведь не зазнайка. Просто кругом иностранцы, живет она среди зимних. Докопаются, начнут дразнить... Не оберешься. Раньше хоть серые толстовки были, никто внимания не обращал. А с этой куда?..

Неделю Мара мерзла, но ходила по улице в двух толстовках. Пока, наконец, не рухнула с температурой под сорок. Разумеется, ее тут же определили к мадам Венсан.

— Я нашла в твоём шкафу новую куртку, — сказала Вукович, наведив Мару и трогая прохладной рукой ее влажный лоб.

— Бде очедь дравится, — выдавила та.

— Я так и поняла, — покачала головой хорватка. — Ты поэтому не срезала с нее этикетки?

Мара отвела взгляд.

— Не переживай, я тебя понимаю, — Вукович расправила одеяло. — Профессор Эдлунд не видит разницы между трехлетней девочкой и подростком. Я разберусь.

— Спасибо.

Мара смотрела на эту уставшую женщину в неизменно отглаженной блузке и недоумевала: как можно было подозревать ее в чем-то? Ей бы сейчас лечь, вытянуть ноги, отдохнуть после долгого дня. А она сидит тут с бестолковой девчонкой, сочувственно гладит ее по лбу, не позволяя себе расслабиться и выпустить пар.

— Спасибо, — снова прошептала Мара и отвернулась, не желая казаться нытиком. Ей стоило бы взять у Джо пару уроков непробиваемости.

А с курткой все решилось просто: ее заметила Брин. И пришла в неистовый восторг. Видимо, будучи от природы бесцветной, она старалась компенсировать это яркой одеждой. Странный сарафан с бантом на спине до сих пор стоял у Мары перед глазами.

Исландка взмолилась, чтобы подруга уступила ей куртку. Предлагала в обмен три доклада или конспекты по астрономии. Тут же позвонила маме, чтобы ей перевели деньги.

Мара не ожидала такого натиска, но для видимости немного поломалась, поднимая цену, и выторговала плюс ко всему еще и презентацию по мифологии. Сделкой были довольны обе. Брин щеголяла по острову, как второй маяк, а Нанду показал, как заказывать вещи через интернет, и Мара сама выбрала себе крутейшую черную кожаную куртку, к которой так и просился новенький блестящей «харлей». Густав забрал ее в Стокгольме через несколько дней, и в домик зимних Мары вернулась, подняв воротник и гордо вздернув подбородок.

Учеба пошла своим чередом. Дни становились короче, резкие ветра срывали с лип последнюю желтую листву, окна по утрам покрывались тонкой изморозью. К концу осени у Мары, наконец, дошли руки до личного дела. Она перевела записи пожарных и через Джо отправила их Биллу Маквайану. В начале декабря на стылую землю упали первые снежинки, и Линдхольм охватила предпраздничная суета.

Гуляния ожидались знатные: зимнее солнцестояние и рождество. Мальчишки со стремянками носились по острову, развешивая разноцветные гирлянды из маленьких лампочек, оргкомитет распределял поручения. Маре пришлось перейти на кофе: между подготовкой к тестам, которые она не имела права завалить, потому что иначе Вукович не взяла бы ее в Стокгольм, надо было рисовать плакаты и готовить друзьям небольшие подарки. Помня, как понравился Брин ее портрет, Мара решила сделать такие же и остальным: Нанду, Джо, Вукович, Эдлунду и даже синьоре Коломбо. Уж очень хотелось снова завоевать ее расположение и привилегию первой получать свежее печенье. Тем более, теперь, когда рядом не было мисс Кавамура с ее аллергией на орехи, Мара могла грызть их, не вылезая из кровати. Крошки, конечно, оставались на простынях, но ведь их всегда можно было стряхнуть на постель Раши. А потом с утра забавляться, глядя, как та недоумевающе чешется. Смеартона она, конечно, тоже беспощадно нанесла на бумагу, но показывать это кому-либо не собиралась.

Несмотря на жуткую усталость и навязчивое желание аккуратно сложить учебники в камин главного здания, Мара пребывала в отличном настроении, предвкушая поездку. Она напевала себе под нос, старательно вырисовывая синьору Коломбо. Ради печенья она изобразила итальянку стройнее и моложе. Оставались считанные штрихи, когда затрезвонил телефон, подмигивая лицом Вукович.

— Я жду тебя у Эдлунда, — сообщила хорватка без лишних церемоний.

Мара вздохнула, спрятала альбом с рисунками под подушку и полезла вниз. Только пригрелась в пижаме под мягким одеялом, — и снова переодеваться и тащиться в главное здание... Отопление в домиках работало, но воздух был зябким, народ не вылезал из теплых штанов с начесом и мохнатых шерстяных носков.

Ида, разбуженная звонком, накрылась подушкой, Рашми пробормотала что-то на хинди, и это явно не было дружественным напутствием. Мара влезла в высокие дутые сапоги, черный пуховик, купленный неделю назад и, затянув шнурки на капюшоне едва ли не до самого носа, шагнула в промозглую ветреную темень. Лужицы рыжего света фонарей лежали на пустых верандах, шипело северное море. Девочка ссутулилась, обхватила себя руками и торопливо, чуть не срываясь на бег, двинулась к главному зданию. Быстрее бы уже все завалило снегом, и то стало бы светлее...

— Куда это ты? — окликнул ее сзади мужской голос.

Мара вздрогнула и судорожно сжала в кармане шариковую ручку, готовясь воткнуть ее в глаз потенциальному обидчику. Собралась с силами и резко обернулась — Нанду. Она выругалась она по-русски.

— Что? — не понял он.

— Ты совсем с ума сошел? Разве можно так подкрадываться? — она перешла на английский и выдохнула, пытаясь унять бешеный стук сердца в горле.

— Темноты боишься? — ехидно спросил он.

— Сам ты... Пошли со мной, там поговорим.

— Я все равно шел за Джо. Он мою зарядку спер. Сидят с Брин в библиотеке, готовятся к тесту по мифологии.

— Ну вот! Не могли меня позвать!

— Джо хотел. Но Брин сказала, что тебя завалили плакатами. И потом Дзагликашвили тебя обожает, все равно поблажку сделает.

— Так я и знала, — Мара с досадой цокнула. — Не может мне простить, что моя иерархия китайских божеств вышла красивее, а ей поставили только восьмерку. Для нее это трагедия.

— Или... — многозначительно протянул Нанду. — Она просто хотела побыть с Джо наедине.

— Брин? — Мара поморщилась. — Неее... С Джо? Точно нет.

— Как знаешь. Вам виднее. Заходи давай, — Нанду упорно отказывался носить перчатки с дроздами, которые ему связала мама, и поэтому взялся за металлическую ручку двери через рукав. — Так куда ты собиралась?

— К Эдлунду. Вукович срочно вызвала.

— О, никак по нашему делу? Я с тобой.

— Я не уверена, что так можно...

— Плевать. Шагай давай, — он подтолкнул ее в спину и поежился. — Зверский холод. Не могли сделать школу где-нибудь у нас? Или на Карибах? Мало, что ли, островов?

— Кто станет сидеть за учебниками, если можно загорать и купаться? Нет, учиться людей можно заставить только тогда, когда на улице делать нечего.

Они поднялись на четвертый этаж. Дверь в кабинет Эдлунда была открыта, профессор и Вукович уже ждали Мару.

— Мистер Торду, у Вас какие-то вопросы к директору? — сразу напряглась хорватка.

— Он за компанию... — неуверенно произнесла девочка. — И он все знает.

— Да, и никому не скажу, — Нанду изобразил, как запирает рот невидимым ключом и широко улыбнулся.

Ровный ряд зубов белел на фоне смуглой кожи, в пунцовом с мороза ухе поблескивала серебряная серьга. Даже Вукович, сколько бы ей ни было лет, не смогла устоять перед пиратским обаянием Нанду.

— Проходи, — проворчала она, запуская наглого бразильского парня, прежде чем захлопнуть дверь.

— Нам удалось связаться с Уллой Дальберг, — сообщил Эдлунд, когда ребята устроились на диване. — Она будет в Стокгольме только в конце декабря, их миссия задерживается. И я разрешаю тебе поехать с мисс Вукович, чтобы присутствовать при разговоре.

— Спасибо, — Мара ликовала.

— Но это еще не все. Мой друг из Москвы узнал адрес Намлана Томбоина.

— Так мы можем ему написать! — воодушевился Нанду.

— Имеется в виду обычный адрес: дом, улица... В интернете он не зарегистрирован. По крайней мере, под своим именем. Живет в Твери, недалеко от дома Лены. И это только подтверждает наши подозрения.

— Я хочу для начала сама поехать туда и поговорить с ним, — вмешалась Вукович. — И еще собираюсь разыскать твой роддом и кого-то из твоих родственников.

— А зачем вам роддом? — удивилась Мара. — Ведь профессор Эдлунд говорил, что видел копии каких-то справок...

— Это другое, — пояснил Эдлунд. — Мне переслали документы из органов регистрации, где тебе выдали свидетельство о рождении. Записей из роддома у меня нет.

— Мы должны проверить историю болезни твоей мамы, — сказала Вукович. — Действительно ли она рожала в тот день. А у родственников сможем взять образец ДНК. Если хочешь, можешь поехать со мной.

— Вот это да! — всплеснул руками Нанду, не дав Маре и рта раскрыть. — Звучит, как приключение! А мне можно? Я как раз собирался посмотреть Россию.

— Чего ты собирался? — скептически подняла бровь Мара.

— А что? В каникулы тут будет тоска смертная, домой мне лететь слишком дорого, а на билеты в Москву хватит. Можете меня особо не кормить, я с завтрашнего дня начну копить сушеные подошвы, которые у вас называются хлебцами.

— Нанду! — возмутился Эдлунд.

— Ну да, просите. Святость национальной кухни. Хлебцы, немного леденцов... Вы ведь не собираетесь зажать леденцы на Рождество? Брин и Джо отдадут мне свои. А спать я могу на полу в гостинице, если, конечно, Мара любезно не согласится подвинуться...

— Нанду! — хором воскликнули Мара и Вукович, а первая еще и ткнула парня кулаком под ребра.

— Тише, тише, — Эдлунд примирительно поднял руки. — Я думаю, что большой беды не будет, если вы возьмете в компанию Торду. И безопаснее, и у него удачный тотем для ваших целей. Сможет что-то выяснить, заглянуть в нужные окна. Верно?

— Конечно! — заулыбался Нанду. — Что там у вас в России носят? Валенки и ушанки? Я закажу себе парочку. Пойду вниз, пока вы не передумали.

И он вылетел из кабинета с довольной ухмылкой на лице. Мара и Вукович обменялись взглядами. Хорватка медленно выдохнула, с трудом сдерживая раздражение, ее подопечная

закатила глаза. Поездка предстояла веселая.

Джо и Брин восприняли новость о поездке без особого энтузиазма.

— А чего вам не нравится? — Нанду подбросил орешек и поймал его ртом. — Ведь это не вам придется мерзнуть в тайге. Сидите, грейтесь с миссис Криоген.

— Крианян, — поправил Джо.

— Да ладно! Где твое чувство юмора! Ей же миллион лет, — бразилец был раздосадован тем, что никто не оценил шутку. — Вы чего? Смешно же!

— Почему ты мне раньше ничего не сказала про поездку? — Брин обиженно посмотрела на Мару.

— И почему он? — с напускным безразличием осведомился Джо, не отрываясь от конспекта.

— Нандинью сам напросился. И потом я не знала, справлюсь ли с тестами — такое было условие у Вукович. Ты ведь все равно собиралась домой на каникулы?

— Да... Ну и что? Может, я бы поменяла планы... — насупилась Брин.

— И не повидалась с мамой?

Исландка бросила на Мару еще один сердитый взгляд, но крыть было нечем.

— Не дуйся, Джозеф, — игриво заметил Нанду, раскачиваясь на стуле. — Лучше попроси Брин взять тебя с собой. Исландия, романтика...

— Я — Джо, — отрезал индеец. — И я не понимаю о чем ты.

— Да ладно. У нас намечается целый любовный квадрат. Брин нравишься ты, тебе — Мара, а ей, разумеется, я...

Мара лягнула ножку стула, и Нанду с грохотом рухнул на пол.

— Что за безобразие?! — воскликнула миссис Крианян. — Немедленно покиньте библиотеку! Все четверо!

Брин, возмущенно сопя, бросила книги на полку и выбежала в холл, никого не дожидаясь.

— Что ты наделал?! — прошипела Мара. — Тебе все шутки, а она теперь неделю не будет с нами разговаривать. Иногда я не понимаю, с чего мы вообще с тобой дружим?

— С того, что я неотразим? — самодовольно подмигнул бразилец поднимаясь с пола и потирая поясницу, но тут же согнулся пополам от кулака Джо.

Индеец вышел из библиотеки следом за Брин. Мара, вздохнув, подняла упавший стул и дождалась, пока Нанду отряхнется и приведет себя в порядок. На свою прическу он тратил больше времени, чем они с Брин вместе взятые.

— Слушай, объясни, зачем тебе это понадобилось? — спросила Мара, когда миссис Крианян захлопнула за ними дверь, и они с Нанду остались в пустынном холле одни.

— Ты о чем?

— Поездка в Россию. Тебе правда больше не на что потратить карманные деньги?

— Не, я думал сначала заказать на аукционе футболку с автографом Неймара. Он в ней играл против Перу. Круто, да?

— Допустим, — Мара понятия не имела, кто такой Неймар, но судя по плакатам в комнате Нанду — один из футболистов сборной Бразилии. — И почему передумал?

— Какой-то козел назначил ставку полторы штуки баксов. Можешь себе представить? За футболку! В общем, я расстроился и пошел отбирать зарядку у Джо, а тут ты со своей

поездкой. Раз вы без меня не можете, придется ехать с вами.

— Мы?! Без тебя?! — Мара покачала головой: Нанду был неисправим.

— Мужики во дворе обалдеют, когда узнают, что я был в России. Это ж какая экзотика!

Мара промолчала. Она не стала разубеждать бразильского парня в том, что он не увидит ни одного медведя с водкой и балалайкой. В конце концов, дурашливость и непосредственность Нанду — это именно то, что могло бы отвлечь ее от волнений. Он и еще тонна тестов впереди.

С теоретическими дисциплинами Мара справилась гладко, если не акцентировать внимание на том, что биологию и астрономию пришлось частично списать у Брин. До зимнего солнцестояния оставались считанные дни, и мысли о праздниках и поездке напрочь вытеснили из ее головы оставшиеся тесты: основы безопасности трансформаций и практику у профессора Смеартона.

ОБЖ, как Мара про себя называла курс по безопасности, вел старый, как самс мироздание, немецкий профессор Фальк. Весь семестр он читал лекции по своим ветхим пожелтевшим записям. Разговаривал тихо и усыпляющее нудно, глаза было невозможно разглядеть за линзами в палец толщиной, остатки седых волос клоками торчали как за ушами, так и из оных. Мара ждала классического экзамена с устными билетами и собиралась ориентироваться по ходу дела и чего-нибудь да наплести. Тем более, профессор обычно рассусоливал про очевидные вещи: не трансформироваться вблизи открытых источников огня, рядом с взрывоопасными и легко воспламеняющимися веществами. Или про то, что при экстренной подводной трансформации следует сначала перекрыть ноздри и уши, чтобы не допустить попадания воды внутрь в момент ревоплощения. В общем, сплошная скука.

Поэтому все уронили челюсти от неожиданности, когда профессор Фальк устроил практическое испытание. Ни вредина Сигрун, ни Вукович, которой Мара так долго помогала с бумагами, не обмолвились про то, что ждет первокурсников. Экзамен по безопасности считался здесь традиционным посвящением новичков.

Фальк запускал студентов по одному. Посередине пустого класса стоял стол с разными предметами: палка, фонарик, камень, мох, бутылка с водой и тряпка. На полу лежал волк, у которого из лапы сочилась кровь. Задачей ученика было остановить кровотечение с помощью предложенных предметов, перенести раненого в другой конец коридора, не дав ему погрузиться в сознание животного, иначе волк разодрал бы своего спасителя по дороге. В конце испытания следовало обеспечить безопасное место для обратной трансформации. На все это давалось пять минут, и чтобы никто не расслаблялся, профессор Фальк включил разом записи пожарных сирен, стрекота вертолетов и предупреждений об опасности. Старшие студенты и даже некоторые преподаватели собрались поглазеть на это шоу.

— Общее испытание для зимних и летних? — перешептывались ученики. — Разве так можно?

— Да, — кивнул профессор. — Дополнительный балл тому, кто определит, нарушение какого правила безопасности повлекло за собой травму волка.

Конечно, Мара знала, что это учебная проверка. И понимала, что сирены — это только запись. И волк, скорее всего, не умрет, просто на лапе у него был спрятан какой-нибудь киношный фонтанчик с искусственной кровью.

Но когда все разом навалилось на ее, Мара запаниковала. Все, что она урывками успела услышать на лекциях, бесследно исчезло из памяти. Во рту пересохло. Пальцы дрожали.

Волк тяжело дышал и шерился. Вблизи он был большим, и даже подходить к нему не хотелось, не то, что трогать рану.

— Опасность! Красный уровень тревоги! Опасность! — повторяла механическая женщина под вой сирен.

Палка. Фонарик. Тряпка. На кой черт здесь фонарик?

— Опасность! Самоликвидация через пять... четыре...

А если пережать? Черт! Кровь брызнула ей в лицо, волк утробно зарычал. Нет. Перевязать. Сверху. Вроде не течет.

— Красный уровень тревоги! Эвакуация!

Да заткнись ты! Думай, думай... Зачем он положил камень? А, плевать... Промыть рану. Зафиксировать лапу, да, хоть тряпкой. А чего она такая грязная? Лучше банданой... Сколько там времени осталось?

— Три... Два...

К чертям собачьим! Мара завернула волка в толстовку, подхватила на руки... Кишки же выпадут, как его удержать?!

— Корсакофф, сдавайтесь! — зазвучал из динамиков уже другой, грубый голос. — Соппротивление бесполезно! Медленно поднимите руки!

Это еще что? Так, надо трансформироваться... Она закрыла глаза, по телу прошла дрожь... Поди знай, что там изменилось. Но перевоплощение было: кроссовки жмут невероятно, джинсы вот-вот треснут на ляжках. Мара прижала волка к груди, держать его стало легче... И бросилась бежать по коридору. Но тут зверь попытался вырваться, зарычал. Звериное сознание! Чтоб тебя! Ведь фонариком же можно мигать, это останавливает процесс! Вот дура, забыла в классе... Что еще?! Было же что-то еще! Она подняла глаза: на подоконнике прыгал дрозд. Нанду! Точно! Нанду и его мама! Детские воспоминания возвращают человечность! И Мара, осененная догадкой, запела колыбельную. От волнения голос звучал хрипло.

Волк успокоился уже на второй строчке. Бинго! Мара добежала до последней двери, толкнула ее ногой и опустила зверя на пол.

Профессор Фальк отключил чудовищную тетку и вертолеты и подошел к Маре.

— Ну что ж... — он кашлянул и поправил свои огромные очки с цепочкой. — Конечно, Вы не использовали фонарь, как я предполагал, но находка довольно удачная. Могу зачесть. Правда, мох следовало бы приложить к ране, мы говорили о его заживляющих свойствах. И полная трансформация для Вашего вида была не так уж необходима. Думаю, профессор Смеартон сможет принять это в качестве зачета. Вы не знаете, он сейчас здесь?

Мара обернулась: Фальк обращался к кому-то за ее спиной. Профессор Лобо уже завязывал пояс халата. Ну, естественно. Волк. И никаких следов раны. А, вот пакетик с кровью на полу... Убедительно сыграно, браво.

— Смеартон у себя, в десятом домике, — у Лобо был приятный бархатный баритон.

— Неплохо, мисс Корсакофф. Или мистер? Как Вас теперь называть?

Мара не понимала, о чем они говорят. Взглянула на свои руки: крепкие мужские ладони. Волосы короткие, бицепсы натягивают футболку, ни намек на грудь... И джинсы давят... Вот черт!

— Извините, — буркнула Мара и не узнала свой голос.

Кинулась в туалет и замерла перед зеркалом. На нее смотрел юноша. Да, есть что-то бурятское. Широкие скулы, раскосые глаза, гладкие черные волосы. Она — это он... Так и с

ума сойти можно. И почему не идет носом кровь, не мутит и не тянет упасть в обморок? Неужели это ее гены? Неужели Намлан все-таки ее отец?

Мара перевела дыхание, ощупывая незнакомое лицо. Нет, к Смертону она в таком виде не пойдет. Даже если это сулит ей отличную оценку на следующие три года вперед. Пока все не выяснится, никаких едких комментариев и перешептываний зимних.

Она собралась вернуть свой облик, но потом все же щелкнула отражение на телефон. Пусть будет. Брин разберется.

Брин разобралась лишь к ужину: испытание затянулось. Несколько паникеров не справилось с задачей. И в их числе Шейла Флинн. Не то, чтобы Мара злорадствовала... Хотя нет, именно этим она и занималась. Столовка — отличное место для публичных унижений.

— Да отвлекись ты уже от нее! — прошипела Брин, дернув Мару за рукав, когда та в очередной раз одаривала Шейлу взглядом победителя. — Покажи мне фото!

— Сейчас, — Мара отправила в рот кусочек индейки, щедро политой соусом карри, и пододвинула к подруге телефон.

— Вот это да! Значит, мы были правы по поводу Намлана! — восхитилась исландка.

— По-моему, не похож, — Джо бегло глянул на снимок и вернулся к еде.

— Ты просто вредничаешь!

— Это известный факт. Для представителей одной расы люди другой кажутся очень похожими. Лично я вижу массу отличий.

— Например?

— Цвет кожи у Мары вышел темнее. Скулы другие, брови ниже, губы тоньше. Другой человек.

— А может, это не Намлан, а кто-то из его ближайших родственников? Она могла воспроизвести случайную цепочку ДНК из фрагментов имеющихся... — размышляла вслух Брин.

— Хорош придумывать! Мы живем не твоих фантазиях, а в реальном мире, — Нанду поставил свой поднос и плюхнулся на стул. — В мире, где я получил высший бал у Фалька. Джо, дай пять!

Индеец проигнорировал протянутую руку.

— Как ты умудрился? — просто спросил он. — Ты же играл под партой в телефон на каждой лекции.

— Что тут скажешь? — Нанду хрустнул огурцом. — Талант!

— Я видела тебя за окном! — прищурилась Мара. — Ты шпионил, чтобы узнать, как будут сдавать другие. Однажды препода тебя все же поймают...

— Не понимаю, о чем ты. Каждую птицу будешь принимать за меня? Это расовая дискриминация. Мужуку тебя вышел классный, но я не понимаю, чего вы спорите? Все выяснится через неделю. Густав уже привез мою ушанку!

— У вас что, правда, все ходят в ушанках? — шепнула Маре Брин.

— А в Бразилии все ходят в перьях? — чуть слышно отозвалась та. — Нет, я просто хочу посмотреть, как он выставит себя идиотом.

Исландка фыркнула.

Мара и рада была бы разделить беззаботный настрой Нанду, но ведь не ему надо было сдавать практику Смертону. Летним с Эдлундом приходилось гораздо веселее. Только строгую мисс Кавамура, которая вела практики у рыб и земноводных, студенты немного побаивались. Впрочем, и Джо, и Брин, и Нанду повезло с тотемами. После очередной

тренировки Эдлунд просто выставил всем десятки. Брин даже две: с наступлением зимы ее песец сменил шубку и превратился в восхитительное белоснежное животное. Мара стала чаще заглядывать на тренировки летних, чтобы полюбоваться: от одного взгляда на полярную лисичку у нее перехватывало дыхание.

А Смеартон приготовил жесткий тест на скорость. Он должен был называть часть тела, которая подлежала трансформации, и на каждую отводилось десять секунд. Задержка — минус балл, неправильное перевоплощение — минус два. И Мара внутренне уже была готова к любым его едким замечаниям и к привычной для себя шестерке, но в классе ее ждал очередной сюрприз.

Кто-то из девочек стащил из ее альбома с портретами карикатуру на Смеартона, где Мара добавила ему рожки и тонкий змеиный язык. Картинку заботливо положили на профессорский стол. Даже подписывать ее не было нужды: после летнего солнцестояния творчество Мары мог опознать каждый.

Когда горе-художница заглянула в кабинет, британец уже раскраснелся от еле сдерживаемого гнева и сжимал рисунок, как чью-то шею. Впервые Мара не увидела на его лице классической дедушкиной улыбки и лучиков морщинок в уголках глаз. Теперь он казался обрюзгшим, рот был сжат, щеки подрагивали от желваков.

— Вы плохо рассчитали, мисс Корсакофф. Я не зачел вам очередную полную трансформацию по просьбе профессора Фалька. Могли бы подождать с подарком до зимнего солнцестояния.

— Но я не хотела... Это вышло случайно, просто шутка...

— Она не хотела! Решили унижить меня, а, мисс Корсакофф? Думаете, это забавно? Вы — бездарность. Ваша способность стихийна, вы не умеете ей управлять. Мои лучшие ученики работают в главных мировых спецслужбах. Шпионы высочайшего класса. Думаете, вам все дозволено? Личные симпатии директора не стоят ничего в этой жизни. Попомните мои слова: вы выпуститесь и станете никем. Вот ваш удел — жалкие карикатуры! Больше практикуйтесь. Только это поможет вам потом заработать на кусок хлеба.

Он вызвал ее первой. Команды хлестали кнутом:

— Глаза. Прикус. Кожа... Поздно и слишком слабо. Минус два. Волосы...

Она получила семь. Не так плохо, но едва выйдя в коридор, кинулась в уборную. Ее рвало. Лоб покрылся холодным потом, болел желудок, дрожали пальцы. Шпионы... Да пошел он! Она и так не собиралась в разведку...

Горький осадок от слов Смеартона не давал ей покоя. Но праздничные мероприятия, гости, вкусный стол, не омраченный на сей раз интригами и расследованиями, помогли отвлечься. Ее подарки пришлись кстати. Вукович была скупа на похвалу, но Мара обнаружила потом свою работу у завуча в комнате на видном месте. Нанду, как обычно, пришел от самого себя в восторг, синьора Коломбо расцеловала девочку в обе щеки, и даже Джо заулыбался и отправил отцу снимок портрета.

А через день после Рождества Густав отвез Мару, Нанду и мисс Вукович в Стокгольм, откуда они вылетели напрямиком в Москву.

Родина встретила Тамару снегопадом и едким смрадом машинных выхлопов. Здесь праздники были еще впереди: деды морозы всех размеров и мастей выглядывали из витрин, за окном прокатной машины мелькали елки и гирлянды. Рекламные щиты подмигивали распродажами.

— У нас ведь всего несколько дней на визит в роддом, — с досадой сказала Мара. —

Потом сплошные выходные, никого не найдем. И как я раньше не подумала?..

— Все в порядке, — Вукович бесстрастно следила за дорогой. — Сегодня мы должны добраться до Твери. Это долго, но терпимо. К ночи будем. С утра идем в роддом. Действуем по стандартной схеме: доступ через руководителя. На встречу с главным врачом я уже записалась как журналистка. Там я беру ее ДНК, перевоплощаюсь и иду в архив за историей родов. Еще надо выяснить, кто рожал в одно время с твоей мамой. Плюс-минус один день. Чтобы понять, не было ли подмены. И мог ли кто-то пройти по ее документам.

— А нам что делать? — спросила Мара, пока Нанду, как безумный, щелкал телефоном все, что видел за окном.

Он даже в машине отказался снимать ушанку, и что хуже всего, она ему действительно шла.

— Не пускать главного врача в архив. Не дать нам пересечься.

Чем ближе была Тверь, тем сильнее у Мары потели ладони. Ожидание изматывает: время тянется и застывает липкой смолой. От правды, какой бы она ни была, всегда становится легче.

Вдоль трассы тянулись черным забором деревья, снежинки летели в лобовое, выхваченные из темноты светом фар. Нанду дремал, прислонившись к стеклу. С заднего сиденья Мара видела только плечо и скулу Вукович. Непроницаемая, уверенная, сосредоточенная. Как она могла так легко вести машину впотьмах, на незнакомых дорогах, да еще и в снегопад? Будто делала это каждый день. А эта ее фраза про стандартную схему? Покажите еще хоть одного завуча, у которого есть стандартная схема для проникновения в закрытый архив? Нет, Вукович не так проста. Неужто тоже успела поработать шпионкой?

Мара взглянула на часы, подарок Селии. Десять, а Тверью и не пахнет. И ужин, наверное, в гостиницах уже не дают.

— Остановимся в мотеле, — Вукович словно услышала ее мысли. — Навигатор показывает гостиницу через пару километров. Смотри внимательнее по правую руку.

Красная неоновая вывеска «Сказка», три фуры с выключенными фарами, заваленный снегом мангал. Какое-никакое пристанище.

Вукович взяла номер на троих, попросила подогреть заветренный плов, и вскоре делегация перевертышей отрубилась на продавленных, пахнущих хлоркой кроватях.

Будильник прозвенел в шесть: надо было торопиться в роддом. К утру снегопад стих, грузовики со стоянки исчезли. Мимо с воем неслись в Москву фуры.

Нанду встал бодрый, как будто не дрозд был его тотемом, а жаворонок, хотя светать еще даже не начинало. Скучный завтрак был наспех проглочен, Вукович захватила пару упаковок крекеров и сока и заняла свое место за штурвалом.

За окнами тянулись синие от зимней темени поля. Первые желтоватые росчерки появились на небе уже в Твери. Нанду прилип к окну, как пятилетний мальчишка.

— А это что, чей-нибудь дворец? А вот это? А это ратуша? Нет, церковь. Черт, ни у кого нет дополнительной карты памяти? Заканчивается место. Стойте, стойте, мисс Вукович! Приторможите вот тут. Вы видели этот мост? Ай, смазалось... Ну подождите!

— Потом, Фернанду. Сначала дела, — отрезала Вукович.

Они остановились у длинного двухэтажного здания из красного кирпича. На деревьях повисли сдутые шарики, асфальт пестрел женскими именами. Родильный дом № 2.

Хорватка раздала сим-карты.

— Пока меня нет, вбейте номера друг другу в телефон. Вот мой, — она протянула

бумажку. — Нанду оставаться в машине. Двигатель не глушить. И молчать. И снимки, наконец, шапку, иностранец в ушанке привлечет ненужное внимание. Мара, твоя задача — прикрыть меня. Директора зовут Наталья Владимировна. Халат я раздобуду. Чтобы ты могла меня отличить от оригинала, нужно что-то... Давай свои часы.

— А может лучше?..

— Давай быстрее. Тогда точно меня узнаешь. Если кто-то спросит, что ты здесь делаешь, скажи, что ждешь начала передач.

— Чего? — переспросил Нанду.

— В России большим передают гостинцы. Фрукты...

— А посещения?

— Запрещены. Не отвлекай, — Вукович поправила очки и достала из сумочки кошелек. — Вот деньги, купи в ближайшем магазине какие-нибудь фрукты. Положи в прозрачный пакет. Скажи, что у тебя тетя рождает. Ночью увезли на скорой.

— А если спросят имя тети?

— Придумай что-то. Выкрутись, — хорватка вылезла из машины и хлопнула крышкой багажника.

Потом снова заглянула в салон и протянула Маре пакет.

— Вот. Здесь ночная рубашка и тапочки. Когда я тебя вызову, попросишь охранника отдать это тете. Передачи только с одиннадцати, срочную он должен отнести сам. Пока его не будет, пройдешь. Все, мне пора. В десять начнется обход, опоздаю — не примут.

Вукович повесила на шею бейдж с яркими буквами «ПРЕССА» и поспешила к дверям роддома.

— Откуда она все это знает? — Нанду сидел, не моргая. — А бейдж?.. И тапочки?..

— Не спрашивай, — Мара была удивлена не меньше. — Не человек, а загадка.... Ладно, я — в магазин. Сиди и не высывайся.

Нанду озадаченно кивнул, но когда Мара вернулась с пакетом апельсинов для несуществующей тетушки, на заднем сиденье никого не было. Только аккуратная стопка одежды, увенчанная свернутыми в трубочку желто-зелеными носками.

— Чертов летун! — Мара в сердцах хлопнула дверцей.

Одна сидеть в машине она тоже не собиралась. Размялась, прошлась вдоль здания. Из окон доносился плач младенцев, пахло столовской едой, как в детдоме. Как будто и не уезжала в другую страну.

Вукович перезвонила через полчаса.

— Архив на втором этаже. Жду тебя. Через главный вход, лестница — направо.

Мара кинулась туда, прихватив пакеты. От волнения живот скрутило так, словно она шла рожать, а не стоять на шухере.

Однако попасть на второй этаж ей не удалось. В холле за стойкой пил кофе охранник.

— Куда это Вы, девушка? — лениво поинтересовался он.

— Так... у меня вот, для тети...

— Передачи с одиннадцати, вход с другой стороны.

— Ее ночью забрали, даже переодеться не во что...

— Ничем не могу помочь. Что это у Вас?.. Апельсины? Сразу убирайте. Не положено.

— Но я быстренько... — она лихорадочно соображала. — Может, мы договоримся?

У нее осталась небольшая сдача. Она видела, как делают в кино: положила на стойку купюру и подвинула ее охраннику, выразительно подняв бровь.

— Быстро заберите! — прорычал мужик. — Издеваетесь?! Сейчас обход будет! И там все стерильно!

— Ладно, я подожду... — она изобразила смирение и вышла на улицу.

И как теперь попасть внутрь? А если Вукович засекут? Она ведь ради нее, Мары, все это затеяла! Никак нельзя подвести... И где носит Нанду? Поискала глазами: голуби, воробьи, вороны... Вон, на подоконнике. Наверняка, подглядывает за женщинами.

Мара свистнула, махнула рукой. Он вспорхнул, слетел вниз и присел ей на плечо.

— Только не испачкай мне куртку, — предупредила она, и птица разразилась возмущенной трелью. — Ладно-ладно. Мне надо попасть внутрь. Охранник не пускает. Сейчас я трансформируюсь и пойду туда снова. Досчитай до двадцати и залетай в форточку. У нас это плохой знак. Пока он будет тебя выгонять, я пробегу.

Мара вернулась к машине, натянула пуховик Нанду, а под свитер запихала ночнушку и кофту, имитируя беременный живот. Потом прикрыла глаза, сосредоточилась, по телу прошла приятная дрожь... И светлые пряди упали на лицо. Голубые глаза, нос чуть длиннее... Вот так. Держась одной рукой за поясицу, а второй — за фальшивое пузо, Мара вплыла в двери роддома.

— Вы рожать или на прием?

— На прием, — она попыталась говорить чуть выше. — Специально приехала чуть раньше, чтобы не торопиться.

И охнув для правдоподобности, села на лавку для посетителей. Настал черед Нанду. С громким щебетом он впорхнул в холл и принялся нарезать круги под потолком.

— О, Господи! Птица! — Мара взвизгнула и обхватила живот руками. — Пожалуйста, уберите ее! Один раз ко мне уже залетала синица, и потом моя бабушка....

Слеза получилась отменная.

Охранник взял швабру и с громким «Шшши!» погнал Нанду к двери. Тот лихо уворачивался.

— Да что ты будешь делать! А ну, поди сюда! — мужик вошел в раж.

Мара кинулась в коридор. Кругом двери, женские вопли... Мелькнула медсестра... Нет, так ее быстро заметят... По стеночке, по стеночке... Узкая железная дверь. Толкнула — подсобка. Швабры. Воняет прелыми тряпками и химией. Быстренько переоделась, влезла в ночнушку, а куртку со штанами — на живот. В таком бы и двойня поместилась. Аккуратно выглянула... Черт! Санитарка!

— Девушка Вы к кому? — прокуренный женский голос.

— К Наталье Владимировне.

— Платная, что ли?

— Да.

— Налево.

Пронесло. Влетела по лестнице и чуть не воткнулась в необъятные тела тетки, похожей на фрекен Бок. Та подняла руку: часы Селии.

— Слава Богу, — выдохнула Мара.

— Зачем ты трансформировалась? — пробасила тетка.

— Охранник.

— Ладно, возьми халат. Иди в туалет, вон та дверь слева, переоденься. И убери живот, — хорватка взглянула на часы. — Шести минут должно хватить. Около пятнадцать мне на поиски... Должны успеть.

Мара метнулась в кабинку, натянула свою одежду, накинула сверху белый врачебный халат.

— Четыре минуты, — Вукович снова сверилась с часами. — Отлично, больше времени на поиски. Жди здесь. Если кто спросит, скажешь, что ты — ординатор.

Ее не было ровно пятнадцать минут. Она вышла, сжимая в руках телефон.

— Я все сняла. Уходим, — хорватка схватила Мару за запястье и поволокла вниз. Однако на лестнице их встретила запыхавшаяся акушерка.

— Наталья Владимировна, не глянете роженицу? Кесарево под вопросом.

— Конечно. Только отпущу девушку.

— Пожалуйста, это срочно! — по лицу женщины шли багровые пятна, лоб блестел от пота.

— Дайте мне пять минут.

— Но Наталья Владимировна! Картавец занят в третьем родзале...

— Хорошо. Идите, Катя, — хорватка кивнула Маре.

Та, конечно, волновалась за Вукович, но вся эта обстановка: крики, запах лекарств... Девочка поторопилась в машину. Нанду уже сидел там и пытался согреться.

— Какого черта ты улетел, пока я ходила в магазин? — накинулась она на парня.

— Любопытство. Я видел такое... — он сглотнул. — Будь уверена, я получил свое наказание сполна.

— Заводи машину! Она же велела не глушить двигатель!

Вскоре появилась и Вукович. Нанду пересел на пассажирское сиденье, хорватка молча пристегнулась и резко вырулила с парковки.

— Вы в порядке? — заискивающе поинтересовалась Мара. — Может, заедем перекусить?

— Мне нужен горячий душ, — без выражения бросила Вукович. — И я еще долго не смогу смотреть на еду.

— Как я Вас понимаю... — поежился Нанду. — Как я Вас понимаю...

Нанду любовался искрящимся от солнца заснеженным городом. Вукович специально проехала по историческому центру. Но гулять, как просил интурист, отказалась.

— Завтра мы едем к Намлану Томбоину. Адрес, который дал Эдлунд, находится на окраине Твери, — сообщила Вукович. — А сегодня я должна отдохнуть после дороги и трансформации.

Спорить с ней было бесполезно. Они подкатили к бетонному, ячеистому, как серая вафля, зданию глубоко советских времен. Железная вывеска, приваренная к козырьку, гласила: «Гостиница “Октябрь”».

Немногословная грузная дама, вовлеченная в сериальные страсти на маленьком телевизоре, выдала им ключ с брелком-бочонком.

— Шестой этаж, по коридору налево. Лифт не работает. Талоны на питание брать у меня. При выходе ключ сдавать под роспись.

— А нет ничего пониже? — поинтересовалась Вукович. — Ноги устали, я с раннего утра за рулем.

— Вам же с душем? Это полулюкс. Шестой этаж.

Задумка проектировщиков стала ясна уже на четвертом этаже. Только сильнейшие, способные доползти в пуховике на самый верх, были достойны привилегии помыться.

Пол в коридоре был застелен практичным темным ковровином, на котором не видна грязь, с дверей местами отваливалась кусками масляная краска. Этот недочет был компенсирован плакатом с красоткой с рекламы шампуня, заботливо приклеенным изнутри номера. Интерьер дополняли три кровати, застеленные бежево-коричневыми пледами в цветах, больничные тумбы и картина «Утро в сосновом лесу». Полулюкс радушно распахнул перед гостями свои объятия.

— Надо залезть в интернет, — Нанду плюхнулся на кровать, пока Вукович отмокала под горячим душем. — Бедолага Джо, наверное, уже соскучился.

— Не хочешь сначала посмотреть, что Вукович наснимала в роддоме? — Мара тоже растянулась на покрывале.

— Ее сейчас лучше не трогать. Сама скажет, когда пора. Слушай, а почему у меня твой номер не сохранился?

— Потому что ты всю память фотками занял?

— Да нет... Хотя... Сейчас, лишние удалю, остальные в облако... Давай, диктуй.

— Откуда мне знать свой номер, Нанду? Я сохраняла только твой и Вукович.

— Корсакофф! Просто набери меня! Кни.гол.люб.не.т

Мара нажала вызов, Нанду взглянул на свой экран и присвистнул.

— Эй, а почему тебе достался такой красивый номер? И почему я сразу не заметил?

— Обычный номер.

— Да нет же. Если его спеть получится вот что: «We are the champions, my friends... [1]» — напел Нанду.

[1] Текст песни «We are the champions» группы Queen.

— Где ты это вообще увидел? — Мара встала и заглянула в его телефон.

— Смотри: если до — это единица, тогда девятка — это ре второй октавы. А у тебя 989-86-47. Еще только четверку, и будет полная строка. Я люблю музыкальные номера, у меня

дома несколько симок с такими. Но с Queen еще ни разу не попадались! Давай поменяемся!

— Да ну, я уже все сохранила...

— Мар, пожалуйста! Ну, хочешь, я тебя поцелую! — Нанду поиграл бровями и вытянул губы.

— Еще раз это скажешь, отвезу в лес и закопаю! — она швырнула в него подушку. — Забирай свою симку, только сам мне теперь меняй номера в записной книжке.

Насвистывая мелодию легендарной рок-группы, Нанду занялся телефонами. Мара снова легла и прикрыла глаза.

— О, тебе Джо пишет! — услышала она насмешливый голос. — Сейчас посмотрим...

— Нанду! Отдай!

— А ты отбери...

— Нандинью! — это прозвище всегда действовало безотказно.

— Ладно, ладно, — сдался он.

На экране высветилось сообщение от Джо: «Надо поговорить. Папа посмотрел твоё дело. Лучше тебе услышать это от него». Она напечатала ответ: «Когда лучше ему перезвонить?» — «Через 5 минут будь в сети».

— Ну, что он там? — Нанду с любопытством вытянул шею.

— Хочет, чтобы я поговорила с его отцом. Велел быть в сети.

— Возьми лучше планшет, наверняка, будет видеозвонок.

— Точно.

Она вытащила из рюкзака планшет и как раз успела запустить приложение, когда замигал вызов от Джо. На экране появился сам индеец.

— Привет, дружище! — Нанду тут же плюхнулся рядом с Марой и помахал соседу. — Мы развлекаемся вовсю, эту красотку даже пришлось сегодня обречь.

Надо отдать Джо должное: он даже бровью не повел.

— Мара, я решил сделать групповой видеочат, — произнес он. — Сейчас подключатся мой отец и Брин. Она хотела быть в курсе.

Вскоре экран планшета разделился на четыре части, в каждой из которых шевелились лица. В том числе и Билла Маквайана.

— Я посмотрел твоё дело и даже проконсультировался с парой экспертов, — сказал он после короткого приветствия.

— И? — спросила Мара.

— Следы очень странные. Некоторые подпалины говорят о направленном источнике огня.

— Что это значит? — Мара нервно сглотнула: тон Билла вызывал нехорошее предчувствие.

— Вроде огнемёта? — предположил Нанду.

— Похоже. Но если бы это был огнемёт, повреждения были бы сильнее. И ты, скорее всего, не выжила бы. Либо, если бы ты находилась от огнемёта на достаточном расстоянии, был бы шире сам ожог. Но он узкий и точный, учитывая, что ты была младенцем. На некоторых фотографиях видны подобные следы на уцелевших стенах.

— А если газовая горелка? — вмешалась Брин.

— Слишком мала. И неудобна. Тут что-то другое. Среднее.

— Есть хоть какие-то версии?! — Мара смотрела на Билла, как на последнюю надежду, потому что чем больше они искали, тем запутаннее все становилось.

Индец немного помолчал. Тем временем Вукович вышла из ванной, уселась на свою кровать и, не обращая на детей никакого внимания, принялась втирать в руки крем.

— Не знаю, стоит ли Вам это говорить, — продолжал Билл. — Но я советовался с нашим шаманом. Он из древнего рода воронов, мудрый человек. Хоть и не приемлет науки и нововведений. Он говорит, что раньше на южных островах жили драконы.

— Кто?! — разом воскликнули Мара и Брин.

— Драконы. Перевертыши, разумеется. О них почти не осталось легенд, но это были могущественные существа. Шаман так сказал. Их истребили белые люди. Но шаман считает, что эти ожоги — следы дракона.

— Я слышал что-то о драконах, — кивнул Нанду, и Мара удивленно повернулась к нему. — Думал, это байки. Как про вампиров и эльфов. Кажется, речь шла об островах. Относительно Бразилии — северных.

— Шаман говорит, это были не те драконы, как в сказках белых. Не те огромные и крылатые, что якобы живут в пещерах на куче золота. Нет, это были большие бескрылые ящерицы, которые могли изрыгать пламя. Но дух драконов был слишком сильным и подавлял дух человека. Перевертыши либо должны были отказаться от перевоплощений, либо теряли разум. И еще шаман сказал, что тотем не давал силы драконам, как нам дает медведь или ворон. Он их отбирал, как чужие лица у зимних. И в облике тотема перевертыши не владели собой. Поэтому, как гласит легенда, когда остался на свете последний дракон, он решил не заводить потомство, чтобы больше никто не страдал. Он состарился и умер в одиночестве на маленьком острове, который вскоре поглотил океан.

Когда Билл закончил, никто не знал, что говорить.

— Но о драконах не говорится ни слова в книгах, которые я читала... — слабо попыталась возразить Брин. — А я читала все, что мама сумела достать.

— А помнишь, что говорила Дзагликашвили? — Мара прищурилась, силясь вспомнить точные слова.

— Ну конечно, ты слушаешь Дзагликашвили, только потому, что она тебя хвалит, Тамрико, — передразнила исландка.

— Не завидуй! Она ведь говорила, что именно в легендах бережно хранится наша история... И что легенды индейцев — огромный и плохо изученный пласт, — задумчиво произнесла Мара.

— И кто из вас теперь ботан?! — воскликнул Нанду.

— Я дал информацию к размышлению, — сказал Билл. — Но сам не уверен в ее правдивости. Ни один из экспертов не смог внятно объяснить странные подпалины. Либо у преступника было какое-то приспособление, либо... Либо то, что говорит шаман.

— Но это точно было убийство? — на всякий случай уточнила Мара.

— Абсолютно.

Слова Билла оставили Мару в полном смятении. Она убрала планшет, подошла к окну и раздвинула желтые прокуренные шторы. Вон люди садятся в автобус. Вдалеке поднимается в небо столп заводского дыма. И в этом мире — дракон?..

Вукович громко и выразительно хмыкнула.

— Вы же не приняли всерьез эти шаманские фантазии! — она надела очки. — Мы приехали сюда за фактами. Или я ошибаюсь?

— А что вы думаете про драконов? — Мара вернулась на свою кровать и выжидательно уставилась на опекуницу.

— Примерно то же, что про вампиров и эльфов, как выразился Торду. Чушь.

— Как тогда вы объясните, что эти легенды рассказывают и в Бразилии, и в Канаде? — поинтересовался Нанду.

— Про Золушку тоже во всем мире рассказывают. Легенды имеют свойство путешествовать по народам, разрастаясь и изменяясь. Об этом вам профессор Дзагликашвили не рассказывала? Нет, я просто не могу поверить! — снова хмыкнула хорватка. — Мы живем в двадцать первом веке! Наука шагнула далеко вперед, тайна наших ДНК почти разгадана... И тут нате! Дракон!

— То есть вас не смущает, что мы можем менять облик? Что человек может стать птицей вопреки всем законам физики? — поразилась Мара. — Когда вы мне об этом сказали, у меня чуть крыша не поехала! После такого история с драконом не кажется мне невероятной.

— А огонь? Как, по-твоему, огонь не обжигает морду самому дракону? — на щеках Вукович проступили красные пятна.

— А куда деваются мои перья при трансформации? — парировал Нанду.

— Ладно, — хорватка хлопнула себя по коленям. — Хотите верить в дракона — на здоровье. Дело раскрыто? Снимки из роддома можно удалять?

— Нет-нет, постойте! — умоляюще воскликнула Мара. — Просто версия.

— Версии у вас сильные, ничего не скажешь, — вздохнула Вукович. — Либо я убийца, либо дракон. Ладно, садитесь, посмотрим историю родов. Мара, тебе придется читать, я русский в рукописном варианте разбираю плохо.

— Во врачебном варианте его все разбирают плохо, — Мара взяла телефон. — Так. Тут понятно. Корсакова Елена Андреевна, двадцать семь лет... Поступила двадцать первого... Группа крови — первая положительная. Здесь адрес... Брак не зарегистрирован... Осложнений нет... Рост, вес... Беременность третья... Стоп! Третья?!

— Там дальше что-то должно быть, продолжай! — Вукович прикусила губу.

— Так... Где здесь... Вот. Схватки, воды, окружность живота... Выглядит натурально, похоже, на настоящие роды. Дальше — ребенок. Родилась в полчетвертого, три двести. Сердцебиение... — Мара перевернула страницу, пробежалась глазами. — Вот! Смотрите. Здоровье мужа — прочерк. Анамнез. Предыдущие беременности: декабрь девяносто восьмого. Ан-те-на-таль-ная гибель плода. То есть та фотография... И тот ребенок не выжил?..

Вукович кивнула.

— Дальше, — Мара почувствовала, как липкая холодная тошнота взбирается вверх по горлу. — Май девяносто девятого. Внематочная. Дальше не могу разобрать...

— Давай, я посмотрю, — Вукович протянула руку за телефоном и с минуту напряженно вглядывалась в фотографию.

— Ну, что там? — не выдержала Мара.

— У нее были осложнения. Не буду вдаваться в подробности, но для перевертыша это почти приговор. Завести тебя ей было непросто.

— Но... О чем это говорит?

— Ну, я почти уверена, что она тебя родила. Я мельком глянула сводки: рожениц в тот день было мало, родились одни мальчики. Была еще девочка на день позже, но недоношенная. Подмена исключена. Ты — выстраданный и желанный ребенок, поэтому она так за тебя боялась и писала Эдлунду. Завтра навестим счастливого отца и выясним, где он

был все это время.

— А может все-таки?.. — начала было Мара.

— Нет, — качнула головой Вукович. — Если я сейчас не посплю, завтра от меня не будет никакого толку. Разбудите меня к ужину.

— А нам что делать? — Нанду выглядел разочарованным.

— Что хотите, только из гостиницы не выходите. И ведите себя тихо.

— И надо же было столько ехать, чтобы сидеть в отеле! — парень улегся на свою кровать и отвернулся.

— Тебя никто не звал, — мстительно прошептала Мара.

До вечера они рубились в морской бой и переписывались с Джо и Брин. Последняя высылала фотографии свежевывловленных миног. Ничего противнее в своей жизни Мара не видела: склизкие извивающиеся существа с зубастой присоской вместо рта. Еще хуже было созерцание тех же миног, зажаренных на барбекю. Нанду — и того передернуло.

— Исландцы — варвары, — еле слышно заметил он. — Так осквернять гриль, величайшее изобретение человечества? Ди-ка-ри.

После снимков Брин, собственный ужин показался Маре вполне съедобным. Хотя под громким названием «царская уха» скрывалась жиденькая и пересоленная рыбная похлебка с одиноко плавающей по тарелке веточкой петрушки.

Так или иначе, согретый теплой трапезой желудок располагал ко сну, и Мара смогла отключиться без сновидений, несмотря на предстоящую встречу с Намланом Томбоином.

После завтрака Вукович сверилась с навигатором, и они отправились в следующий пункт назначения. Их ожидала не первой свежести пятиэтажка с трещинами, замазанными чем-то желтым.

В подъезде воняло кошками, и чем ближе они подходили к одиннадцатой квартире на третьем этаже, тем сильнее становился запах. Вукович нажала на кнопку, за дверью раздалась птичья трель звонка.

— Но мы же не обсудили стратегию! — зашептала Мара.

Она так долго ждала этой встречи, а теперь ей вдруг стало нестерпимо страшно и захотелось смыться.

— Успокойся, — Вукович сжала ее ладонь. — Разберемся по ходу дела.

— Кто? — спросил из-за двери скрипучий голос.

— Мы бы хотели поговорить с Намланом Томбоином.

— Его нет.

— Мы готовы подождать. Или дайте его номер телефона. Это очень важно, по поводу дочери Лены Корсаковой.

В квартире стало тихо, и Мара уж было подумала, что все бесполезно, но звякнула цепочка, щелкнул замок, и в дверях показалась голова старухи. Немытые седые волосы свисали паклей, линялый байковый халат сплошь покрывали сальные пятна, о ноги терлись две рыжие кошки. Пожелтевшее, изрезанное глубокими морщинами лицо говорило о бурятских корнях.

— Кто вы? — спросила она, обнажив на миг обломок нижнего зуба.

— Я — Мила Вукович, завуч в пансионе Линдхольм. Эти дети со мной. Тамара Корсакова и Фернанду...

— Проклятый остров, — пробормотала старуха, но все же отступила внутрь, пропуская гостей. — Что вы здесь забыли?

Если бы кошки начали вымирать, их занесли бы в Красную книгу и собрали в одном месте для сохранения вида, — и то получилось бы меньше. Они были повсюду: в коридоре, на вешалке для шляп, в комнате. Громоздились на диване, как курицы на насесте. Смрад был такой, что его, казалось, можно потрогать руками.

— Когда придет Намлан? — осторожно поинтересовалась Вукович.

— Я — Нарана Томбоин, — сказала хозяйка кошачьей армии. — Мой сын никогда больше не придет.

— Как это? — не выдержала Мара.

— Он мертв, — Нарана бросила на нее сухой, колючий взгляд. — С того самого дня, как встретил твою мать.

— Что? Но ведь фотографии... — девочка не верила своим ушам.

— Это было предопределено, — старуха ткнула пальцем в грудь мелких разноцветных камешков, рассыпанных по низкому столику. — Я сразу ему сказала. Еще дома, в Курумкане. Лиса была посланником смерти, но он только пошел за ней следом. И потянул меня, чтобы я смотрела, как рыжая приносит ему беды. Не может быть счастья у иноликого с порождением зверя.

Старуха говорила низко, с необычным, еле уловимым акцентом.

— Что именно случилось? — уточнила Вукович.

— Он заболел ей. Она заболела моим Намланом. Глупая, она не знала, что смерть голодна. Они зачали дитя, и смерть взяла его первым. И следующее взяла. Намлан тосковал. Лиса плакала. Мне было жаль ее, пусть она и стала могилой для моих внуков. Она должна была оставаться пустой до конца своих дней, духи сказали мне это через камни. Они не ошибаются никогда, великие духи. Не знаю, откуда взялась эта девочка. Она не лиса, я чувствую это.

— Но что... стало с Намланом? — голос Мары прерывался от волнения.

— Так ли это важно? Смерть забрала свое. Он просто лег спать и не проснулся.

— В каком году? — спросила Вукович.

— В двухтысячном. Двадцатого февраля. Я всегда знала, что два — его число.

— Почему вы остались здесь? — хорватка держалась строго и невозмутимо.

— Он похоронен в Твери. Я не могу уехать и бросить его. На второй день я нашла на его могиле кошку. Он всегда хотел завести котенка. Я знаю, что через них его дух говорит со мной.

— Почему вы не обратились к главе рода или к шаману? Или к представителям Верховного совета солнцерженных? Вам бы помогли... Давайте я запишу телефон....

Нанду потянул Мару за рукав, вопросительно подняв брови. Та коротко изложила ему всю историю на ухо по-английски.

— Смотри, — он кивнул в сторону ковра, висящего на стене.

На красной ткани извивался золотой дракон.

— Думаешь, это могла быть она? — тихо проговорила Мара, когда они вернулись в машину.

— Ну, не знаю... — Нанду пожал плечами. — Явно же, что она ненавидела твою мать. И больная на всю голову. Там же такая вонь стоит, как будто она его прямо за диваном похоронила. Прибавь к этому дракона и то, что сказал отец Билла...

— Но она же зимняя, — сомневалась Мара.

— Может, у драконов так можно. Может, она шаман или что-то такое. Если у драконов

облик тотема отнимает силы, то логично предположить...

— Вы опять о своем? — Вукович затормозила на светофоре и обернулась. — Сколько можно! Женщина потеряла сына и разум, от горя такое случается. Лично меня удивляет, что перевертыш в ее возрасте живет один, без помощи. Верховный совет создали не только для того, чтобы они лезли в вопросы образования и вели свои политические игры. Я немедленно свяжусь с ними. А с вас на сегодня хватит. Устроим экскурсию и знакомство с городом, завтра нам ехать в Москву.

В тишине мерно тикал поворотник.

— Вы не могли бы отвезти меня в номер? — вяло произнесла Мара.

— Ты что?! — Нанду вздрогнул. — А музей?

— Возили нас туда. Одни черепки, тоска. Голова разболелась.

— Как скажешь, — зажегся зеленый свет, и Вукович свернула в сторону реки.

Они с Нанду высадили Мару у гостиницы «Октябрь». Там время словно остановилось: сонная тишина, парящие в бледных лучах дневного света пылинки и бормотание телевизора вахтерши. Мара поднялась в номер и легла, уставившись в потолок.

Еще один кандидат мимо. Да уж, мама жила полной жизнью. Расследование, если это топтание кругами можно было так назвать, доводило девочку до тошноты. И желание найти убийцу притупилось, и еще меньше хотелось найти отца. Пусть даже он и жив. А толку? Все равно он останется для нее посторонним человеком. И маме, видимо, после всех бед, свалившихся на нее, после гибели двух детей и любимого, хотелось только завести ребенка любой ценой. Возможно, Тамара никогда не выяснит, кто ее отец. Каковы шансы найти его, если даже мама лишь мимоходом была с ним знакома? Пошли к черту все эти поиски! Это тупик. Куда бы они ни шли, снова тупик. И Эдлунд с Вукович всего-навсего хотят обосновать ее дар научно. Неужели просто не мог произойти сбой?

Мара повернулась на бок и поджала ноги. Взгляд безумной старухи не шел у нее из головы. А если Нанду прав, и кошатница сожгла ее маму из мести? А ребенка пожалела? Но почему тогда смотрела так удивленно? «Она должна была оставаться пустой до конца своих дней»... Что бы это значило? Мара бережно положила на тумбочку часы и телефон и попыталась заснуть, но в дверь постучали. На пороге стояла Вукович.

— Что случилось? — Мара отступила. — И где Нанду?

— Я отправила его на экскурсию, — махнула рукой опекунша. — Я думаю, ты захочешь поехать на кладбище. Посмотреть могилу своей матери.

— Правда? — в животе ухнуло от волнения, и Мара схватила куртку. — Конечно, едем!

Они спустились вниз, и хорватка пошла к серебристому седану.

— А где наша машина? — удивилась Мара.

— Плохо работала, — бросила Вукович, не оборачиваясь. — Я отвезла ее в сервисный центр. Завтра заберу.

Действительно, на седане красовалась наклейка тверского проката автомобилей. Мара села на пассажирское сиденье. По городу ехали молча, потом свернули на московскую трассу. Мимо проносились знакомые пейзажи. Поворот направо, через три километра снова направо... Минуточку, это слишком знакомые пейзажи! Прочно вбитые в память за годы поездок в Тверь из детского дома. Куда они все-таки едут? Мара аккуратно покосилась на Вукович: та постоянно сверялась с навигатором. Но ведь она уже была здесь летом и должна знать дорогу... Новая машина, акцент стал заметнее и предложения у нее какие-то механические... А еще свитер — разве она в нем была с утра? От страшной догадки заныло

под ложечкой.

— А вы разве не собирались трансформироваться в Анну Леонидовну? — как можно беззаботнее поинтересовалась Мара.

— В кого? — женщина наморщила лоб, но тут же улыбнулась. — Конечно, я вспомнила. Нет, завтра.

Тамара отвернулась к окну, пытаясь скрыть ужас. К горлу подкатил липкий комок, стало невыносимо душно. Она облизнула пересохшие губы. Ей было ясно одно: за рулем кто угодно, только не Мила Вукович.

Ее похитили. Эта мысль терзала Мару, вызывая панику и лишая возможности соображать. Медленно потянулась рукой в карман, — телефон остался в номере. Отлично. Они проехали поселковый гастронорм, отсюда до детского дома километров пять. Везет туда. Наверное, хочет сдать обратно. Хорошо, что не убить. А зачем в детский дом? Эдлунд начнет искать, настоящая Вукович... А если это все же настоящая Вукович? Вдруг снова ошибка? Нет, надо убедиться.

— Я часто вспоминаю, как мы с Вами прилетели в Стокгольм, — мечтательно произнесла Мара, косясь на спутницу. — Была жара, мы гуляли, ели мороженое... Такой красивый город!

— Да, день был очень хороший, — та снова сосредоточенно посмотрела в навигатор.

Сомнений нет. Вукович никогда бы не забыла тот день. О, Господи! А если не в детский дом? Там ведь дальше большое кладбище, главное в области. Хочешь спрятать труп — спрячь его среди других трупов. Мамочки! Неужели это все? Неужели ее жизнь закончится вот так, глупо и бестолково? А у нее только появились друзья, дом, Эдлунд! Даже Смеартон теперь казался не таким противным! Она бы все отдала, лишь бы сейчас сидеть у него на занятии и выслушивать гадости! Мама... Неужели тебе было так же страшно? А правда, что люди встречаются после смерти?..

Нет! Неважно, куда ее везут. Главное — она туда не поедет. Кто за рулем? Старуха Томбоин? Они подошли слишком близко к правде? Потом разберется. Главное, уносить ноги, пока похитительница не поняла, что ее раскрыли.

— Мисс Вукович, а можно в туалет? — Мара сделала страдальческое выражение лица.

— Потом.

— Не могу терпеть, — прокряхтела девочка. — Те сосиски в гостинице... Не надо было их есть... Ой! Кажется, я сейчас...

— Ладно. Но я не вижу на карте заправку.

— Все равно не дотерплю. Я в кусты... Остановите...

Женщина вздохнула и свернула на обочину.

— Только не смотрите, — Мара вышла из машины, держась за живот, и полезла вниз, в канаву.

Снега было по колено. Сразу набился в сапог. И лес зимой — одно название. Голые стволы, негде спрятаться. Впервые в жизни ей захотелось стать Брин. Белая шкура сейчас бы ой, как пригодилась! Еще и пуховик черный... И лезть неудобно... Живот крутило, хоть и правда садись под ближайший куст. Во рту все шершаво, вкус дверной ручки.

Мара нашла ствол пошире, сделала вид, что пытается расстегнуть штаны, и обернулась: женщина за рулем не смотрит в ее сторону. Так, сейчас... Туда, между соснами, держаться левее, вдоль трассы. Там будет деревушка, люди, проще спрятаться. Она набрала воздуха, как перед прыжком, и ринулась вглубь леса. Быстрее, быстрее! Не оглядываться, не тормозить. Без паники! Вдох-выдох, вдох- выдох. Ветки бьют, цепляются, ноги вязнут... Хруст, шорох. Подвернула — плевать. Левая-правая. То ли пуховик шелестит, то ли кто-то сзади... Не смотри! Беги! Черт, бурелом! Быстрее, Мара! Твою мать, быстрее!

Слава богу! Отдаленный лай, кривая колея, пахло костром. Деревня близко. Не удержалась — оглянулась. Никого. Неужели оторвалась?! Нагнулась, оперлась на колени.

Отдышалась... Горло саднит.... Еще рано! Соберись!

Рукав весь разодран... Надела пуховик наизнанку — подкладка бежевая. Закрыла глаза, частичная трансформация. Светлые волосы, рост чуть ниже. Спасибо Смеартону за скорость. И — к деревне.

Черт! Машина свернула с трассы. Мара отскочила за дерево, прижимаясь к мерзлой коре. Конечно, у тетки есть навигатор. Здесь и бежать больше некуда, одна деревня. Умно, ложная Вукович, умно. Вот только ты не играла в прятки в детском доме... Стоп! В детском доме! Ну, конечно! Хочешь спрятаться — иди туда, где тебя не станут искать! И Мара вернулась в лес.

Полчаса. За это время среднестатистический пешеход может пройти два с половиной километра. Но она шла по сугробам, не видя, куда ступает. Подвернутая лодыжка ныла, хотелось лечь и плакать. Упрямо шагала, ориентируясь по солнцу. И все равно периодически казалось, что она заблудилась напрочь. Полчаса? Или три, четыре часа? Бесконечно — вот, как долго она волокла ноги, пока не увидела знакомый козырек остановки и забор.

С северной стороны вышла из строя камера, лезть там. Не дай Бог, починили... Год уже, как не работает, с чего бы стали чинить? А вдруг... Нет, лезть. Прилипла к забору: тихо. И пахнет борщом... Либо обед, либо уже тихий час, никто не гуляет. С трудом, примерзая пальцами к железу, скрипя зубами от боли в лодыжке, влезла. Острая верхушка, смотреть вниз страшно. Сидеть — еще хуже, как флюгер. Издалека заметно. Зажмурилась, прыгнула. Старалась на здоровую ногу и завалилась на бок. Хорошо, здесь с осени астры не вырвали.

Кто бы знал, что она будет рада оказаться тут снова! По крайней мере, ее жизни ничего не угрожает. Теперь перебежка к стене, прижаться, чтобы не попасть в камеру... В тихий час охранник с поварами ходят курить. На территории строго с этим, приходится идти за ворота. Подождала немного, то и дело выглядывая из-за угла: так и есть. Идут. Тетя Зоя, как всегда, в пальто поверх халата, Иван Саныч в телогрейке. У него и оружие есть. Отлегло...

Мара дождалась, пока захлопнутся ворота, проскользнула внутрь, стараясь не скрипеть дверью. Круглые часы в коридоре показывали половину второго. Всю стену занимали новогодние рисунки. Интересно, что в этот раз привезут волонтеры?

Сняла сапоги: налипло столько снега, что сколько ни вытирай, остались бы следы. И побежала к дальней лестнице, накинув капюшон. Добралась до туалета, заперлась в кабинке и опустила на крышку. Закрыла глаза, вернула внешность. Эти чужие волосы ее раздражали, щекотали, дразнили, хотелось их срочно срезать.

Сердце колотилось до боли, спина взмокла, но разум был чист. Оставалось только придумать, как выбраться до вечерней уборки. Полная трансформация? Принять чужой облик — не вариант, она двинет кони через несколько секунд. И ДНК у нее только Сары Уортингтон. В того юношу, как на экзамене Фалька? Теперь понятно, что это не Намлан, но явно же кто-то из предков... Поди знай, как повторить. Да и мужчина в детском доме вызовет куда больше подозрений. Частичная? Все равно заметят незнакомое лицо.

Выход один — сидеть и ждать, когда придет Тимохина. Больше довериться было некому. Но Лиза в туалет не торопилась. И Мара уже совсем отчаялась, когда увидела через щель тапки Оли Степанчук.

— Оля? — спросила шепотом, чтобы скрыть голос.

— Ритка, ты что ли?

— Угу.

— Весь день тебя ищу. Мне сказали, что ты с Кириллом зависаешь, я не поверила...

Открой.

— Погоди. Позови Тимохину.

— А Лизка тебе зачем? Она доклад по физике пишет.

— Позови, сложно, что ли?

— Да чего ты шепчешь? Прихватило, что ли?

— Да. Но если кому-то расскажешь...

— Ладно, ладно, — хихикнула Степанчук. — Сейчас.

Через пару минут Мара услышала шаги.

— Рит, я тебе штаны чистые принесла! — голос Лизы, слава Богу! — Ты где?

— Тут я! — зашептала Мара.

Приоткрыла дверцу и втянула Тимохину в кабинку, прижав палец к губам.

— Тома?! — выдохнула Лиза. — Ты здесь откуда?!

— Долго рассказывать. Меня похитили, надо было где-то спрятаться.

— Господи! Ты цела? Они с тобой ничего не сделали? Это та женщина?

— Нет-нет, с ней все в порядке. Она заберет меня, надо просто сообщить ей, где я.

— Ну, позвони.

— Правда, Тимохина? — Мара раздраженно цокнула. — Позвони? Думаешь, был бы у меня телефон, я бы торчала в туалете три часа, дожидаясь тебя?

— Хочешь, дам свой?

— Не представляешь, как хочу! Но они быстро не приедут, а у меня уже ноги затекли тут сидеть. И воняет. Ключ от подсобки еще у тебя?

— Конечно, — Лиза сунула руку в задний карман. — Держи. И телефон возьми.

— Спасибо. Очень выручила, — Мара сжала в кулаке старый мобильник: достался Тимохиной от одной не в меру доброй выпускницы.

— Ерунда. Это ведь твой ключ.

— Слушай, а можно еще просьбу?

— Ну?

— Принеси мне вечером что-нибудь поесть. Хотя бы хлеба утащи из столовой.

— Не вопрос, — Лиза с любопытством оглядела Мару с ног до головы. — Какие у тебя штотки крутые... И стрижка... Повезло.

Тамаре стало неловко. Что тут скажешь? Она ничем не могла помочь Тимохиной. Кичиться и хвастаться не хотелось, и она как-то невнятно дернула плечами, мол, ничего особенного.

— Я рада за тебя, — Тимохина казалась искренней. — Правда. Ладно, пойду, пока нас не засекли. После ужина загляну в подсобку.

Мара дождалась, пока Лиза даст отмашку, что в коридоре пусто, метнулась к дверям, оттуда — вверх, к убежищу. И только когда замок защелкнулся за спиной, знакомо запахло олифой и древесиной, она сообразила, что понятия не имеет, куда звонить.

Интернет в телефоне не работал, всего две палочки сети. Гостиница «Октябрь»... Должна же быть справочная или что-нибудь такое... Набрала мобильного оператора, долго слушала про тарифы и акции, и через пять минут приятной мелодии раздался любезный девичий голос. Мара от радости вскочила, больно ударившись плечом о стеллаж.

— Вы не подскажете номер гостиницы «Октябрь» в городе Тверь? — спросила она, потирая ушибленное место.

— Извините, мы не предоставляем такую информацию.

— Ну, по-человечески прошу, загляните в интернет! — в отчаянии воскликнула Мара, но опомнилась и понизила голос. — Это ж секундное дело! Пожалуйста.

— Извините. У Вас будут еще вопросы?

Барахло, а не сервис! Мара сбросила звонок и поджала губы. Соображай, соображай... Вот оно! Нанду! Со своей любовью к музыкальным номерам!

Она пошарила внизу, в своем тайнике. Надо же, даже леденцы целы. Закинула в рот сразу горсть, чтобы уgomонить ноющий желудок. Вытащила альбом и начертила нотный стан. О музыкальной грамотности у нее были слабые представления, потому что по музыке всем без разбора ставили пятерки. Но ноты она примерно знала. Нарисовала на линейках черные мушки, под каждой поставила цифру. Что он там говорил? С ре второй октавы?

Мара зажмурилась, вспоминая припев песни. Вниз, вверх, вниз, вверх — тут просто. Девять-восемь-девять-восемь. А дальше — скачком. Куда? На семерку? Шестерку? Она принялась расписывать варианты. Штук десять набралось — прозвонила. Все мимо.

За окном темнело, повалил снег. Свет никак не включишь, привлечет внимание. Под дверью такая щель, что палец просунуть можно. Сразу засекут. Подсвечивая телефоном, Мара продолжала выдумывать комбинации. Потом опять звонить. Она настолько привыкла слышать незнакомые голоса и механическое «номер не существует» или «абонент выключен или находится вне зоны действия сети», что когда в трубке раздалось вальяжное «Хей!», она вздрогнула.

— Нанду? — не веря своим ушам, спросила она.

— Мара?! Где тебя носит?! — заорал он. — Мисс Вукович, это Мара! Ты вообще представляешь, что мы думали?! Обыскали всю гостиницу! Телефон здесь, часы твои ненаглядные здесь, а тебя нет! Мы думали, ты сама поехала к этой Томбоин, попала в аварию или тебя украли...

— В точку, Нанду.

— Что ты заблудилась в городе... Подожди, что?!

— Меня похитили.

Тишина.

— Нанду, ты здесь?

— Повтори, что ты сейчас сказала, — хрипло попросил он.

— Дай мне Вукович.

— Нет, сначала объясни мне...

— Включи громкую связь, — перебила Мара.

— Готово, — в трубке зашуршало: они ехали в машине.

— Мисс Вукович, днем кто-то пришел в номер в вашем облике. Она предложила поехать на могилу моей мамы, я согласилась. Потом поняла, что это не вы, и сбежала.

— Вот черт! — и Нанду добавил что-то на португальском.

— Ты в порядке? — хорватка звучала сдержанно.

— Да.

— Где ты?

— Я... — Мара замялась, голос Вукович снова показался ей странным. — Какая была погода в Стокгольме, когда мы прилетели из Москвы? И с чем было мороженое?

— Шел дождь. И никакого мороженого мы не ели.

— А как зовут моего первого опекуна?

— Караваева Анна Леонидовна. Мара, это действительно я.

— Да, она весь день была со мной, — подтвердил Нанду. — Так где ты?

— В детском доме.

Вукович издала неопределенный звук, из-за помех Маре сложно было отличить смех от ее обычного хмыканья.

— Молодец, Тамара, — сказала хорватка. — Через час будем.

— Слишком быстро. Придется дожидаться ночи. Хотя бы одиннадцати часов. Отбой в девять, но старшие иногда ходят по коридорам.

— Жди и смотри в окно, я пришлю Нанду.

— Ладно. Третий этаж, над главным входом четвертое... Нет, пятое окно слева. И купите что-нибудь для Лизы. Она так выручила... Чтобы Нанду смог поднять.

И Мара отсоединилась.

Леденцы закончились быстро, но сытости не дали. Она постелила на пол пуховик, прилегла, вглядываясь в ночное небо за окном, чуть скрашенное вспышками от мигающей новогодней гирлянды. Больная лодыжка пульсировала. Завтра, наверное, вообще не сможет на нее наступить. Звук машины всякий раз заставлял ее съезжиться в ожидании: Вукович? Или похититель?

И тут в дверь кто-то поскребся.

— Это я, — раздался шепот Тимохиной.

Мара поднялась и впустила Лизу. Та пихнула что-то ей в руки, в темноте было ни черта не видно.

— Хлеб и печеночные котлеты, — пояснила Тимохина. — Хлеба мало дали, а котлеты три взяла, их все равно почти никто из наших не ест.

Мара их тоже не жаловала. Обычно. Но сейчас в животе заурчало, она торопливо откусила сразу половину и прикрыла глаза от удовольствия. Этот сухой, сладковатый с горчинкой фарш казался ей верхом кулинарного мастерства.

— Ну, как ты? — тихо спросила Лиза.

— Не жнаю. — с набитым ртом проговорила Мара. — Нормально.

Здесь не привыкли делиться переживаниями, потому что произнесенное вслух сразу кажется материальным. Нет слов — нет слабости. Про перевертышей рассказывать тоже нельзя было. Оставалось только вскользь упомянуть Швецию и пансион, который Мара из чувства солидарности назвала интернатом, и радоваться, что Лиза не станет стучать.

Уничтожив свой сухой паек, Тамара поблагодарила Тимохину и вернула ей телефон.

— Ключ засуну под плинтус прямо у двери, — предупредила она. — Завтра меня здесь уже не будет. И как придешь, загляни под стеллаж, там в ящике был мой тайник.

— Зачем?

— Загляни.

— Как скажешь.

Они распрощались, и Лиза прокралась в коридор. Едва заперев за ней дверь, Мара услышала тихий скрежет, будто иглой водили по стеклу. Нанду! Второпях она споткнулась о ящик. Распахнула форточку — ее окатило морозным воздухом, над ухом захлопали крылья. Она замерла, но ничего не происходило. Нечем было даже посветить.

— Ты где? — прошептала она, слепо шаря глазами по комнате.

В ответ знакомый дроздовый посвист: три долгих, два коротких.

— Я поняла, что это ты! Перевоплощайся!

Снова залиvistое щебетание.

— Да тут и так темно, я даже не знаю, куда мне отвернуться! — она встала в угол, как наказанный ребенок. — Все, не смотрю.

Шорох, стук, шипящее португальское ругательство.

— У тебя нет фонарика? — спросил Нанду уже по-английски.

— Конечно! Фонарик, палатка, спальный мешок и портативная радиостанция, — съерничала она.

— Где ты тут? — он нащупал ее ладонь и положил туда что-то маленькое и холодное. — Купили твоей подруге кулон. Пока вы болтали, я чуть не окоченел. Даже ваши дрозды улетают на зимовку, а мой тотем вообще к этому климату не приспособлен.

— Ладно, извини, — она села на корточки и убрала подарок в тайник.

— Сейчас я перевоплощусь и полечу впереди, — в голосе Нанду зазвучали командные нотки Вукович. — Проверю, все ли свободно. Показывай, куда лететь, а я дам знак, если кого-то замечу. На всякий случай, смени облик. Тебя не должны здесь видеть.

Мара настроилась и снова отрастила светлые волосы. Блондинок всегда жалеют.

— А какой сигнал? — спросила она. — Свистеть нельзя, разбудим кого-то.

— Давай так: лечу под потолком — идти можно. Лечу вниз — стоп. Тебе в лицо — срочно назад.

Ее обдало жаром — так всегда бывало, когда Нанду или Брин перевоплощались. Профессор Эдлунд что-то объяснял про размер тотема и выброс энергии, но Мара так и не смогла вникнуть. Или не пыталась.

Она оделась. Стиснув зубы, влезла в мокрые сапоги, хотя, в конце концов, распухшей щиколотке стало приятно от влажной прохлады, и приоткрыла дверь — учительское крыло пустовало. Спрятала ключ, махнула Нанду и поспешила вниз, припадая на здоровую ногу. На первом этаже остановилась, пропустила дрозда вперед, он вернулся и взмыл к потолку. Охранника в коридоре не было. На цыпочках пробиралась вдоль стены — из его каморки доносился приглушенный гомон телевизора. Прошмыгнула к выходу — связка с ключами лежала на столе у входной двери, на том самом столе с хреновыми бабочками. Иван Саньч, бывало, выходил перед сном проветриваться и оставлял ключи под рукой.

Мара уже открывала последний, нижний замок, когда услышала за спиной громкий возглас.

— Куда это ты?! А ну, стоять! — прокричал охранник.

Она замерла. Зажмурилась, перевоплотилась, как она надеялась, в парня. Мельком взглянула на руки — мужские. И сапоги до боли сдавили ступни.

— Ты кто?

— Кирилл Осипов, — Мара не оборачивалась.

Ему не повредит взбучка.

— Куда собрался? Отойди от двери! — дикция охранника была нечеткой. — Отбой был два часа назад!

— Птица залетела. Хотел выпустить.

— Уйди, я сам!

Он двинулся к ней, но Нанду, слетев на пол, перевоплотился. Бедный Иван Саньч взвыл и пошатнулся.

— Бежим, — крикнул бразилец, и она толкнула дверь.

Нанду кинулся следом. Видимо, следующая трансформация была уже на бегу, потому что пока Мара возилась с замком на воротах, дрозд уже исчез за забором. Охранник так и не

вышел.

Машина Вукович с готовностью рычала и пускала клубы дыма в двух шагах. Мара пропустила птицу внутрь, плюхнулась на сиденье, и хорватка вдавила педаль газа в пол. Девочку впечатало в спинку.

— Как все прошло? — опекунша сжимала руль обеими руками.

— Нормально, — прокряхтел Нанду, натягивая джинсы. — Никто не видел, как мы ушли.

Мара смолчала. Она понимала, что ее друг нарушил главное правило международного кодекса солнцерженных о запрете трансформаций перед обычными людьми. Первокурсники только подбирались к основам права, но это их сразу заставили выучить назубок. Нанду рисковал ради нее, и выдавать его она не собиралась. Все равно Иван Саныч был под мухой, и даже если он настолько глуп, чтобы поведать миру о превращении птахи в голого парня, его в лучшем случае уволят, а в худшем — упекут в дурку. Внутри камеры нет, а снаружи... Что они засекут? Убегающую фигуру? Кому нужны лишние проблемы, если все на месте, и никто не пропал? Да и охранник, наверное, решил проспаться, так что смотреть в мониторы некому.

— Нормально, — повторила Мара и почувствовала, как ладонь Нанду сжимает ее плечо. — Все уже спали.

Вукович отложила допросы. Ехали молча, каждый думал о своем, бразильский щебетун — и тот был на удивление тих.

— У нас нет никакой еды? — Маре хотелось если не насытиться, то хотя бы утешиться. — В гостинице ужин давно закончился.

— Мы не едем в гостиницу, — сообщила хорватка.

Действительно, прошло уже минут сорок, а за окном так и не посветлело от городских огней.

— Она сказала, надо срочно возвращаться в Москву, — пояснил Нанду.

— Не она, а мисс Вукович, — женщина сжала губы и еще крепче вцепилась в руль. — Не стоило брать вас с собой. Представить не могу, что скажет донна Зилда. Какой скандал!.. Посмотри, в бардачке оставались крекеры.

Мара разорвала упаковку и с громким хрустом умяла несколько штук. Дразняще запахло сыром. Нанду потянулся через спинку и тоже взял себе пригоршню.

— Хотите? — Мара протянула пачку опекунше: та только качнула головой. — Да Вы не волнуйтесь. Мы никому ничего не расскажем.

— Не в моих правилах. Такие вещи нельзя скрывать. Преступник, кем бы он ни был, на свободе. И ты в опасности, пока мы все не выясним.

Это девочке в голову не приходило. Так складно все вышло с побегом: настоящая Вукович и Нанду снова были рядом, и похищение стало казаться дурным сном.

— Может, это та чокнутая старуха? — предположил бразилец.

— Сомневаюсь, — хорватка перестроилась в правый ряд. — Она не совсем здорова, чтобы так логично все спланировать. В ее стиле было бы наслать проклятие или духов или что у нее там... Но исключать ее из подозреваемых тоже нельзя.

— Куда мы? — Мара выпрямилась, заметив, что машина снижает скорость.

— В мотель, — Вукович кивнула в сторону яркой вывески. — Нам надо связаться с Эдлундом. И я не собираюсь делать это за рулем.

Они обосновались в узком номере с низким потолком. Страшно несло приторным

освежителем для туалета, как будто хозяева пытались замаскировать другие запахи. Вукович с телефоном в руках нервно металась от стены к стене, кусая губы. Нанду и Мара провинившимися щенками сидели на кроватях и ждали распоряжений профессора.

— Ларе? — хорватка поправила волосы, словно он мог ее сейчас видеть. — Где ты пропал? Третий раз звоню. Так поздно летал? Ах, да, разница во времени... Слушай, у нас плохие новости...

Она пересказала историю похищения и, поморщившись, отодвинула телефон от уха: Эдлунд орал так, что громкую связь можно было не включать.

— Ларе... Я понимаю... Да, экскурсии — плохая затея... Да, не имела права оставлять одну... Пожалуйста, дети слышат...

Маре было жаль ее. Вукович готова была заплакать. С чего он так взъелся? Он не психовал, даже когда они с Джо обвинили завуча в убийстве.

— Мы уже уехали, — сказала хорватка после очередной гневной тирады профессора. — Завтра едем к ее родственникам в Москве, берем материал и... Срочно в Стокгольм? Но ведь это секундное дело!.. Почему сразу опасно? Дети будут при мне, днем вылет... Но... Ладно. Я поняла. Хорошо, первым рейсом. Отчет? Сейчас я продиктую...

Она прижала телефон плечом и вытащила из сумочки блокнот. Пролистала несколько страниц, потом безжизненным голос начала читать свои записи: дата смерти Намлана Томбоина, история болезни Лены Корсаковой. В какой-то момент Эдлунд, видимо, прервал ее, потому что она резко замерла, уставившись в пустоту.

— Что?.. Ты уверен?.. Хорошо, сейчас, — она включила динамик. — Мара, он хочет, чтобы ты это услышала.

— Привет, профессор, — как можно жизнерадостнее отозвалась девочка. — У меня все уже в порядке, можете совершенно не волноваться. И ничего такого, если завтра мы с утра навестим мою двоюродную тетю...

— Мара, — мягко перебил ее Эдлунд. — Вам не надо ее навещать. Нет смысла.

— Почему?

— У Лены Корсаковой была первая группа крови. А у тебя — четвертая.

— И? — она не понимала, что он пытается этим сказать, но во рту пересохло неприятного предчувствия.

— Мне жаль, но Лена не может быть твоей биологической матерью.

Вцепившись в ледяные перила, Мара взбиралась по трапу в аэробус. До этого Вукович дала ей обезболивающее, а после паспортного контроля удалось стащить еще две таблетки. Лодыжку поверх мази стягивала восьмерка эластичного бинта — безупречная работа хорватки. Но наступать было так же невыносимо, как грызть орехи больным зубом.

Да еще и Нанду с полными сумками матрешек не пустил ее сесть у окна. Пролез вперед с победоносным воплем «Чур мое!» и занял лучшее место. Настроение рухнуло окончательно, в душе воцарился хаос.

Мара, конечно, доверяла Эдлунду, но в Интернете про группы крови почитала: никаких шансов. И все равно она продолжала считать Елену Корсакову своей настоящей мамой. Женщину, которая нянчила ее когда-то, укладывала спать и защитила ценой собственной жизни. Плевать на генетику и ДНК.

Брин Мара позвонила уже из зала ожидания. Решила порадовать подругу и рассказать новость первой. Та оценила. Правда, тот факт, что Лена — не мать Мары, не вызвал у исландки никакого сочувствия. Напротив, в ее голосе слышалось предвкушение, которое подозрительно смахивало на радость.

— Думаешь, это как-то связано с подменой? Или все-таки искусственное оплодотворение? — возбужденно тараторила она.

— Она была и будет моей матерью, несмотря ни на что, — Мара вздохнула, понимая, что превратилась из подруги в научную загадку.

— Ты была бы первым перевертышем из пробирки! Сенсация! Главная статья в ежеквартальном научном обозрении Верховного совета!

— Супер, — без энтузиазма протянула Мара.

— Но где она взяла донорские материалы? Почему не свою яйцеклетку?

— Откуда я знаю. Полно ведь разных клиник.

— Да, но ведь ты — перевертыш! Насколько я знаю, у солнцерженных нет официального криобанка. В первом издании Эдлунда было что-то по эмбриологии, но он забросил эти исследования... Я должна посмотреть. Мама! Поменяй билеты, мне надо в Линдхольм. В крайнем случае, можно и завтра... — и Брин сбросила вызов, забыв даже попрощаться.

А Мара осталась наедине с мыслью о том, что она — результат научного эксперимента. Чего хорошего было ждать человеку от жизни, если он появился на свет совсем не от большой любви?

Перед возвращением в Линдхольм им предстояла встреча с Уллой Дальберг. Эдлунд велел не задерживаться. Никаких ночевок, прогулок и экскурсий. Аэропорт Арланда — встреча — «Сольвейг». Густав дежурил на пристани с утра.

Хорошо хоть, Вукович позвала Уллу в Гамла стан. В старый город с уютными разноцветными домиками, тесно прильнувшими друг к другу, будто пытаясь согреться. В таких хотелось поселиться, на верхнем этаже, под крышей. Стоять у окна и верить, что однажды к тебе прилетит толстый человечек с пропеллером.

В Стокгольме снега почти не было, он сахарной пудрой лежал на крышах и козырьках домов и таял на мокрой брусчатке. От рождественской ярмарки на площади Стурторьет уже не осталось и следа, и ничего не напоминало о том, что завтра — тридцать первое декабря.

Зато в пекарне продавали имбирные пряники, горячие крендели и прочие лакомства. В промозгом морском воздухе витал дразнящий аромат корицы.

Они устроились в крошечном кафе на четыре столика, Вукович расщедрилась и позволила детям набрать любого мороженого, сколько влезет. Чего там только не было! И, ковыляя с грудой разноцветных шариков на подносе, Мара вдруг подумала, что жизнь ее складывается не так уж их плохо.

Улла Дальберг опоздала на пять минут. Она вошла, звякнув колокольчиками, раскрасневшаяся от холода. В смешной вязаной шапке с помпоном, в длинном, обмотанном до самых щек, шерстяном шарфе. Вблизи были видны ниточки морщин, но светлые ресницы и полное отсутствие косметики делали ее похожей на подростка.

Она поздоровалась, задорно улыбнулась, а Мара застыла, уставившись на длинные пшеничные волосы. Почти как те, что отращивала она сама в моменты частичных трансформаций. Так неужели?..

Нанду пнул ее под столом. Мара повернулась: он выразительно кивал в сторону Уллы. Наверное, ему пришла та же мысль. Просьбы Вукович сидеть тихо, доводы логики и такта испарились в долю секунды. И девочка уже раскрыла рот, чтобы по обыкновению задать вопрос контрольным выстрелом, как хорватка сжала ее руку.

— Здравствуй, Улла, — с любезной улыбкой произнесла Вукович. — Это я звонила тебе. Меня зовут Мила, а это дочь Лены Тамара и Фернанду, ее однокурсник.

Мара сглотнула и решила пока молчать.

Шведка повесила куртку на крючок, заказала кофе и устроилась на стуле.

— Ну, чем я могу помочь? — она с готовностью подалась вперед, облокотившись на столик.

— Мы нашли эту фотографию, — Вукович протянула Улле снимок с беременной Леной и Намланом. — Вы дружили?

— Пожалуй, можно сказать и так, — Дальберг со вздохом провела пальцем по изображению. — С Леной трудно было не подружиться. Это был первый и единственный раз, когда она привозила Намлана в Линдхольм. Просто так, хотела показать ему родные места. Была осень, обычная рабочая неделя. Мы плыли на моей яхте, мне все равно нужно было поговорить со старым Эдлундом, тогда директором был он.

Улла откинулась на спинку стула, ее взгляд расфокусировался, и она погрузилась в воспоминания. Мара слушала внимательно, как ни на одной лекции, забыв даже про тающее мороженое.

— Они были хорошей парой. Мне нравился Намлан, хотя он и был зимним. Лена мечтала однажды отвезти сына на остров. Они ждали мальчика. Ни на секунду не отходили друг от друга.

— Что случилось потом? — голос Вукович звучал сухо после ремарки про зимних.

— Я толком не знаю. Кажется, мне говорили, что Лене приспичило лететь куда-то в середине декабря. В самолете ей стало плохо, роды начались чуть раньше... Не знаю точно, — Улла опустила глаза, задумчиво царапая ногтем угол столика. — Мне не хотелось лишний раз расстраивать ее. Она просто написала мне, что ребенка больше нет. Потом не выходила на связь года два. Не появлялась на встречах выпускников, не приезжала на летнее солнцестояние. Мы ведь всегда отмечали день рождения на острове. Наверное, это были самые унылые праздники за всю историю Линдхольма.

— Почему? — удивилась Вукович.

— То ли Лена была источником веселья, ведь половину конкурсов обычно придумывала она. То ли из-за Ларса. Ты помнишь ту историю, Мила?

— Про Иниру? — хорватка отхлебнула горячий глётг[1]. — Я смутно ее знаю. В те годы я не ездила на остров, а Ларе не любит говорить об этом. Она ведь бросилась с маяка?

[1] Шведский традиционный напиток, аналог глинтвейна.

— Да. Бедная девочка. Я была на похоронах. Ее брат и отец... — Улла качнула головой, словно стряхивая непрошеную картинку. — Ларе ушел в себя. Опустился, не выходил из лаборатории. Это ведь чувствовалось, витало в воздухе, как бы ни бодрился Эдлунд-старший. Какие уж тут праздники? Селия старалась, но развлечения — не ее конек.

— Селия Айвана? — уточнила Мара.

— Да. Мартин тогда был профессором, Селия — их с Эдлундом ассистентом. Потом старого директора разбил сердечный приступ, Парсу пришлось собраться и возглавить пансион.

— Так что с Леной? — напомнила Вукович.

— Да, Лена... Она не выходила на связь два года, а потом вдруг написала мне. Летом двухтысячного... — Улла на мгновение задумалась, что-то подсчитывая в уме. — Нет, две тысячи первого. Ей надо было приехать в Стокгольм, и она хотела остановиться у меня. Конечно, я была не против. Она очень изменилась за это время. Похудела, стала молчаливой... Рассказала, что Намлан умер. Я помню, в вестнике Совета была статья какого-то французского ученого про то, что в период смены тысячелетий солнцержожденные особенно уязвимы... Не знаю, так ли это, но он изучал события рубежа десятого и одиннадцатого веков и пришел к выводу...

— Улла, что было с Леной? — настойчиво повторила Вукович.

— Извини, — Дальберг взяла с тарелки кусочек тростникового сахара и положила за щеку. — Так вот, Лена была сама не своя. Я предложила ей познакомиться с кем-нибудь, у нас в Гринписе был один парень, алеут, кажется. Ну, ей ведь нравился Намлан... Неважно. Она отказалась. Говорила, что больше не сможет полюбить. Что другие для нее как измена... В общем, я беспокоилась за ее рассудок.

— Потому что она не хотела ни с кем встречаться? — Вукович саркастично изогнула бровь и поправила очки.

— Не только. Она была одержима идеей завести ребенка. Просила меня быть донором...

— И вы согласились? — не утерпела Мара.

— Нет, — качнула головой шведка. — Я не хотела, чтобы мой ребенок рос где-то вдали от меня.

Девочка сникла и принялась бесцельно ковырять ложечкой остатки мороженого.

— Я знаю, что Лена ездила в центр лечения от бесплодия, — продолжала Улла. — Здесь, в Стокгольме. Она не рассказывала, что там вышло. Все время уходила от разговоров. Жила у меня пару недель, потом внезапно исчезла. И только через год, летом, написала, что родила девочку. Приглашала в гости.

— Вы поехали? — Мара оживилась.

— Да, — улыбнулась Дальберг. — Тебе был, наверное, месяц. Ты не слезала у нее с рук, много плакала и постоянно требовала грудь.

— Ага! — торжествующе воскликнул Нанду, но Вукович дернула его за рукав.

— Но главное, что Лена снова стала прежней, — сказала Улла. — Я была рада за нее.

Никогда не видела ее такой счастливой.

— Она не говорила, как ей удалось... решить свою проблему? — поинтересовалась хорватка.

— Нет, и я не стала спрашивать. Какая разница? Ведь она, наконец, стала матерью. Не верится, что так ненадолго. Мне очень жаль, Тамара. Ларе писал мне. Ты, наверное, росла у родственников? У Лены ведь кто-то был в Москве.

Мара неопределенно дернула головой. Это можно было расценить и как согласие, и как отрицание. Видеть жалость в глазах Уллы или слышать «ах, если бы я только знала!» ей не хотелось.

— Вы не могли бы посмотреть одну фотографию? — она взяла со стола телефон и открыла снимок со своим мужским перевоплощением. — Я думала, это Намлан, но, видимо...

— Нет, это не точно не он, — Улла прищурилась и увеличила изображение. — Как будто я его раньше видела, не могу понять... Нет, все-таки не узнаю. Извини.

Шведка допила свой кофе, распрощалась и уже застегивала куртку, когда Нанду вдруг вскочил, а потом хлопнул себя по лбу.

— Она ей написала! — крикнул он, и посетители стали на него оборачиваться.

— Торду, веди себя прилично, — попыталась одернуть его Вукович, но тот коршуном метнулся к Улле и схватил ее за руку.

— Она вам написала! — громко повторил он, заставив ее испуганно отпрянуть.

— Да... — растерянно протянула шведка.

— Ее почта! Ее электронный адрес, вы помните его?

— Не помню, но могу посмотреть... — Улла вытащила из кармана телефон и некоторое время копалась в нем. — Вот, нашла. Мила, я скину тебе в сообщении.

Хорватка кивнула, и Дальберг поспешила уйти, на ходу натягивая шапку.

— Что нам даст адрес маминой почты? — Мара не понимала, из-за чего переполох.

— Ты что?! — завопил Нанду, но под пристальным взглядом Вукович понизил голос. — Ящики могут храниться на сервере годами. Если нам повезет, мы взломаем его и откроем переписку твоей мамы. Я позвоню одному другу...

— А ведь и правда... — согласилась Вукович. — Что если мы не могли найти письмо, потому что оно было электронным? Эдлунд вполне мог упустить такую мелочь. Поставил себе напоминание в календарь на две тысячи шестнадцатый год и забыл, откуда оно взялось. Обычное дело. Если бы не мы с Кавамурой, его кабинет стал бы кладбищем документов.

— Подождите, ведь раньше его ассистенткой была Селия Айвана? — осенило Мару.

— Может, позвонить ей?

— Я спрашивала, — хорватка поджала губы. — Она не помнит про письмо. И Лену знала плохо. Ладно, что могли — мы выяснили. И Мара, вышли мне тот снимок с твоей последней трансформацией. Попробую показать знакомым, может, они подскажут, в кого ты могла превратиться. Пойдем, не хочу задерживать Густава.

На пристани их ждал сюрприз: Брин с Сигрун и матерью уже сидели на «Сольвейг», распивая какао из большого термоса.

— Но как... — опешил Нанду. — Откуда... Ты ведь должна была...

— Здравствуйте, миссис Ревюрсдоттир, — любезно приветствовала их Вукович.

— О, пожалуйста, просто Эйрун. Брин так торопилась, что забыла половину книг и малыша Левенгука, — женщина с нежностью посмотрела на младшую дочь. — Я потом

обязательно перешлю его. Наверное, у вас тут случилось что-то важное?

— Что может быть важнее очередной прихоти нашей лисички? — пробормотала Сигрун.

— Мы это обсуждали. Летать дважды непрактично, — одернула ее Эйрун. — Ничего, проведешь больше времени с друзьями.

— Мам, ты точно училась в этом же пансионе? Там сейчас три с половиной человека, и те — учителя. И Кавамура, и Лобо — даже они уехали домой, — Сигрун смерила сестру взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

— Профессор Кавамура и профессор Лобо, если ты не возражаешь, — поправила Вукович.

Впрочем, Брин этого не заметила. Она расстегнула свой разноцветный рюкзак и нырнула туда, шурша бумагами.

— Я такое нашла... Даже распечатала... Вы умрете... — бубнила она.

— Все дела — в пансионе, — Вукович тронула ее за плечо. — Прощайтесь с мамой, уже темнеет.

Девочка с неохотой оторвалась от поклажи и обняла мать. Эйрун сошла на пристань, и «Сольвейг», заурчав, отчалила, мягко покачиваясь на зимних черных водах, на которые даже смотреть было зябко.

По пути на остров Мара и Нанду наперебой рассказывали Брин про похищение, преследующую старуху и встречу с Уллой Дальберг. Вукович тем временем обсуждала с Сигрун конкурсы для весеннего бала выпускников и в разговоры первокурсников не вникала.

Услышав, что Лена обдумывала искусственное оплодотворение, Брин вошла в раж. Ее ледяные глаза загорелись, ноздри затрепетали, тонкие пальцы железным кольцом обхватили запястье Мары.

— Я знаю, — шептала она, сильно напоминая старуху Томбоин. — Я именно об этом и собиралась вам прочитать.

Она переводила безумный взгляд с Нанду на Мару, будто ожидая разрешения.

— Валяй, только своими словами, — сдался под натиском бразилец.

Брин радостно выпрямилась и заправила за ухо прядь белых волос.

— Итак. Я уже говорила, что первое издание Эдлунда отличается от последнего. В первом он рассуждает о вопросах эмбриологии. В частности, он пишет, что наука пока не определяет, что именно влияет на формирование способности в большей мере: генетика или положение Солнца. С одной стороны, были случаи, когда по разным причинам дети перевертышей рождались раньше срока. Ну, авария, стресс... Неважно. В отличие от простых детей, недоношенные перевертыши выживали очень редко. И если выживали, то были лишены дара. С другой стороны, обычные люди тоже рождались в дни солнцестояния, и никакими способностями там и не пахло. Понимаете, к чему я?

— О том, что важно все вместе? — неуверенно предположила Мара.

— Это да. Но Эдлунд хотел найти закономерность. Почему, например, одна способность является доминирующей? Что важнее: положение Солнца во время зачатия или во время рождения? Он исследовал эту тему!

— И?.. — Нанду наклонил голову на бок.

— Да подожди ты! — Брин сдвинула брови. — Сейчас. Я нашла в интернете его заметку девяносто восьмого года. Он говорил, что генетика играет определяющую роль. Довольно пылко и неосмотрительно, но он был молод... В общем, ему можно простить. Я веду к тому,

что он мог спокойно завести криохранилище в своей лаборатории и исследовать эмбрионы.

— Крио... Что? — поморщился Нанду.

— Камеру с жидким азотом.

— А разве эмбрионы можно замораживать? — удивилась Мара.

Исландка медленно вздохнула и выдохнула.

— Разумеется, — сказала она сладким тоном воспитательницы детского сада. — На этом построено все искусственное оплодотворение. Разумеется, замораживать можно лишь до определенной стадии развития, когда там всего несколько клеток... Самой оптимальной является стадия бластоцисты, это примерно пятый или шестой день...

— А я уже представила крошечного замороженного младенца, — Мару передернуло.

— Синего, — брезгливо дополнил Нанду.

— Да почему сразу синего?! Я же говорю: несколько клеток... Слушайте, с вами невозможно! — Брин с досадой откинулась на спинку сиденья. — Причем здесь синие дети?! Если у него было нужное оборудование, камера с жидким азотом, то он мог хранить эмбрионы! Понимаете теперь, где мама Мары могла взять ребенка?

— В Линдхольме?! — голос Мары балансировал на грани ультразвука.

— Да тихо ты, — зашипел Нанду, оглядываясь на Вукович, и придвинулся ближе к девочкам. — Это мысль. Но к Эдлунду в лабораторию доступ закрыт. Варианта два: либо он сам ей помог, но тогда с чего бы ему теперь так убедительно изображать недоумение, либо она как-то стащила эмбрион.

— Как ты себе это представляешь? — прошептала Брин. — Как бы она сама себе его подсадила? Ей бы понадобился профессионал и УЗИ...

— Привезла пробирку в клинику, заплатила, — Нанду пожал плечами.

— Слабо верится, — Брин закусила губу и задумчиво посмотрела в окно. — До Стокгольма ей пришлось бы добираться несколько часов, эмбрион мог погибнуть... Или у нее был специальный контейнер с жидким азотом, но он стоит очень дорого, и я не уверена, что можно запросто его достать. Да нет, ерунда какая-то. Была осень, много учеников, вот так зайти и выйти... И потом: она собирала фольклор. Намлан погиб. Где ей взять денег на оплату шведской клиники? Тем более, врачи бы не взяли образец неизвестного происхождения. И Эдлунд бы психанул, если бы обнаружил пропажу. Нет-нет, тут что-то другое. Ей кто-то помогал. На острове. Кто-то с доступом в лабораторию. Достаточно сведущий в этих делах, раз посадка эмбриона прошла гладко, и ты появилась на свет. И знаете, что меня еще смущает?

— Что? — заморожено спросила Мара.

— Его книга. Во втором издании ни слова на эту тему. Я искала в Интернете — ничего. После той статьи он словно закрыл для себя этот вопрос. Но почему? Я имею в виду, он же увлеченный человек. Если бы он помогал Лене сам, то гордился бы удачным экспериментом. Что-то пошло не так, и он разочаровался?

— Тут как раз все просто, — махнула рукой Мара. — Смерть Иниры. Улла сказала, он был в страшной депрессии. Наверное, забросил все. Может, они вместе вели это исследование, а после ее самоубийства он не смог продолжать. Тема ведь так себе. Ну, согласитесь. Эксперименты над зародышами... Франкенштейн какой-то.

— А может, Инира и помогла твоей маме? — предположил Нанду.

— Не тупи, — Мара фыркнула. — Она же умерла в девяносто девятом.

— Надо будет подойти к миссис Крианян, — решила исландка. — Вдруг она помнит, у

кого был доступ в лабораторию в те годы.

— Точно! — с азартом кивнул Нанду. — Заодно посмотрим, что у нее есть про драконов.

— Ты что, правда, веришь в эту чушь? — у Брин было такое выражение лица, будто кто-то царапал ногтем по стеклу. — Это же антинаучно!

— Вукович номер два, — обиделся Нанду. — Просто ты не видела старуху Томбоин. И дракон у нее на ковре. Она жуткая. И крышу у нее сто лет назад сдуло. Прямо как у тех перевертышей-драконов.

— Еще скажи, что это был полтергейст, — съязвила Брин. — Всему есть логическое объяснение. Мини-огнемет, например, еще какой-то прибор...

— Мини-огнемет! Конечно, кто-то специально станет мастерить мини-огнемет, чтобы убить человека, когда есть миллион других способов: яд, газ, пистолет, веревка, — Нанду загибал пальцы.

— Стоп, — прервала их спор Мара. — С этим тоже разберемся. Но я хочу сначала поговорить с самим Эдлундом. Мы ведь обещали ему — никаких тайн.

— И что, если он откажется отвечать на наши вопросы, ты просто послушно обо всем забудешь? — ехидно спросила Брин.

— Не откажется. А если даже и так, мы будем знать, что попытались.

— Вот именно, — согласился Нанду. — Сначала попробуем легально, потом — сами. Не забывайте, у нас еще есть электронная почта Лены.

Мара прикрыла глаза, мысленно уговаривая пульсирующую лодыжку хоть ненадолго утихнуть. Сейчас бы растянуться на кровати и приложить к ноге лед... Ида и Рашми уехали на каникулы, и можно было полежать внизу, не мучиться, залезая на верхний ярус. Еще бы кто-нибудь принес ей ужин прямо в спальню — красота... Но сквозь розовую вату предвкушения пробился голос Вукович.

— Тебе придется пожить в моей комнате, пока мы не найдем похитителя.

— Отлично, — буркнула Мара.

За-ме-ча-тель-но. Отбой — в девять, никакого печенья в кровати, еще и доклад придется делать, вместо того, чтобы рубиться с Нанду в морской бой или с Джо в танки. И даже с Брин толком не поболтать.

И точно: хорватка разогнала всех по домикам сразу после ужина, и чуть не довела до слез Брин, которая изо всех сил рвалась к Эдлунду. Мара смирилась, что в Швеции не принято отмечать Новый год по-настоящему. Ни елки в холле, ни гирлянд, ни снежинок на окнах, как будто завтра — самый обычный день. И оливье от синьоры Коломбо вряд ли дождешься. Но неужели нельзя было дать ей хотя бы в честь праздника побыть с друзьями?

Мара улеглась на раскладушку в комнате Вукович, мрачно отвернулась к стене, предчувствуя завтрашнюю встречу с профессором. Наверняка, как только он поймет, что она — из пробирки, да к тому же еще из его жутковатой коллекции эмбрионов, примется изучать ее под микроскопом и демонстрировать миру, как трофей. Еще бы, ему удалось нарушить мировой порядок, заставить зимнего перевертыша появиться на свет летом. И всем будет наплевать, что чувствует она, Мара. И Смертон с деланным сочувствием разведет руками, мол, разве можно требовать успехов у жертвы научного эксперимента?

Эдлунд ждал их утром в своем кабинете. Вукович и всю четверку, включая Джо, — конечно, накануне вечером друзья успели его просветить, пока Мара маялась под надзором опекуны.

— Мне только что звонили из Совета, — первым делом сообщил директор, устраиваясь в кресле. — Они отправили человека к Наране Томбоин. Ее проверили, вкололи ХГС, чтобы остановить трансформации. Это действительно она, никто другой ее обликом не прикрывался. Они считают, что в ее состоянии проверить похищение было невозможно.

— Ее заберут в Центр поддержки нетрудоспособных? — поинтересовалась Вукович.

— Пока не знаю. Ее поставили на учет, дальнейшую судьбу будет рассматривать Совет. Так или иначе, она не останется без их помощи. А что рассказала Улла?

Хорватка озвучила вчерашнюю беседу, и по мере того, как версия искусственного оплодотворения становилась очевиднее, профессор заметно оживлялся. Мара не ошиблась на его счет.

— У вас ведь было криохранилище с эмбрионами? — не утерпела Брин. — Я читала вашу статью и первое издание книги... И наверняка... Просто я не знаю, как еще объяснить, что Мара — перевертыш.

— Невероятно! — выдохнул Эдлунд. — Я и подумать не мог... Ведь это доказывает, что время зачатия важнее, чем время рождения! Это перевернет всю науку! Всю нашу историю! Получается, мы дети равноденствия, а не солнцестояния? Я должен продолжить эти опыты... Теперь, когда мы знаем о результате, Совет выделит денег на новый этап эксперимента, и если я найду суррогатную мать... Даже несколько...

— Ларе, держи себя в руках, — тихо, но твердо произнесла Вукович. — Значит, это правда? У тебя было хранилище? И что, Совет разрешил проводить эксперименты с эмбрионами?

Эдлунд вскочил, метнулся в одну сторону, потом обратно, и замер.

— По правде говоря... хранилище было. Но Совет об этом не знал. Папа и Мартин верили в меня, они закупили оборудование на собственные средства. В те годы это было целое состояние. Но на некоторое время я заморозил исследование по ряду причин...

— Инира? — понимающе спросила Мара.

— Откуда?.. Ах, ну да. Улла, — профессор вздохнул. — Да. С Инирой случилось несчастье, потом отец... В две тысячи втором году я хотел вернуться к исследованиям, но оборудование вышло из строя. Я все потерял. Криокамеры удалось починить, и я отдал их Мартину. Все равно я занял пост директора, и у меня не было ни времени, ни ресурсов для исследования. Но теперь...

— Вам не кажется, что они вовремя вышли из строя? — Брин деловито скрестила руки на груди.

— Теперь кажется... Тогда я не стал проверять под микроскопом каждую пробирку. Отключилось питание, пока я был в отъезде. Камера была обесточена несколько суток. Разумеется, все живые клетки погибли. Когда Селия сообщила мне, я был вне себя. С тех пор я и поставил на лабораторию новые замки.

— То есть до этого туда мог зайти любой желающий? Отлично, круг подозреваемых... — начала было Мара.

— Нет-нет, подожди, — Вукович предупредительно подняла руку. — Говоришь, тебе сообщила Селия, и ты даже не стал проверять?

— Да, но с чего бы ей... — Эдлунд изменился в лице. — Ты думаешь?..

— Верно, Ларе, — с досадой то ли на него, то ли на себя кивнула Вукович. — Я думаю, у твоей бывшей был веский повод сделать тебе гадость.

Селия Айвана и Ларе Эдлунд?.. Брови Мары поползли наверх, Брин прижала пальцы к губам, и только Нанду уважительно закивал.

— Да не смотрите на меня так! — не выдержал профессор. — Это было давно! Наши отцы дружили, хотели породниться. Вот и все. И встречались мы от силы полгода. А потом дружно сошлись на том, что не подходим друг другу. Я встретил Иниру...

— Ооо... — понимающе протянула Брин. — И вы никогда не ставили под сомнение факт ее самоубийства?..

— Бриндис! — рявкнула Вукович. — Держи подобные догадки при себе!

— Нет, я понимаю, куда ты клонишь, — Эдлунд ссутулился и отвернулся к окну. — Я не хотел верить в то, что она могла сама... Но даже тогда, когда мне хотелось обвинить в ее смерти кого угодно, я не мог подозревать Селию. Она бы не стала. Мы расстались спокойно, с Инирой они ладили... Нет, виноват был только я. С головой ушел в свои исследования, уделял Инире мало времени... Упустил ее...

— Ларе, не думай об этом, — Вукович подошла к нему, погладила по спине, метнув уничтожающий взгляд на Брин. — Давай сосредоточимся на Маре. Вспомни: ты не мог получить письмо от Лены по электронной почте?

— Может быть... — Эдлунд поскреб щетину на подбородке. — Но мне казалось, я держал его в руках... Наверное, решил распечатать.

— Когда ты его получил?

— Кажется, был какой-то праздник... Зимнее солнцестояние... Новость о пожаре пришла через пару недель...

— Селия еще работала у тебя?

— Да. Но в это время она всегда уезжала на каникулы... Постой... Ты же не думаешь, что это была она?

— Она не может быть убийцей, — мотнула головой Мара.

— Правда? То есть меня тебе было обвинить гораздо легче? — на щеках Вукович проступали красные пятна.

— Я не это имела в виду... Но она же...

— Веселая? Добрая? — услужливо подсказывала хорватка. — А теперь давай сопоставим факты. Допустим, Лена похитила эмбрион, а Селия об этом узнала. Или даже сама Селия помогла твоей маме, в чем я сильно сомневаюсь. Потом решила уничтожить все образцы, чтобы он не вернулся к эксперименту и не узнал о пропаже. И о том, что один из эмбрионов стал человеком. Но через два года что-то пошло не так.

— Лена знала, что ей что-то угрожает, — предположила Брин. — Потому и решила написать профессору...

— Может, она хотела все рассказать? — подал голос Джо.

Все повернулись к нему.

— Логично, — согласилась Вукович. — Селия увидела письмо у Эдлунда и решила остановить Лену.

— Зачем ей убивать маму? И меня? — язык Мары едва ворочался во рту.

— Значит, помогала все-таки Селия, — отозвался Нанду. — И не хотела, чтобы ее раскрыли.

— Получается, у нее был мотив. Была возможность... — Брин выпрямилась.

— А оружие? — спросил Джо. — Где она могла достать направленный источник огня?

— Подождите, подождите, — Эдлунд поднял ладони. — Это только гипотеза. И мотив очень натянутый. Мы не будем спешить с выводами. Джо прав: оружие мы пока не знаем. И потом, по вашей логике, если Селия убила Лену, то именно она должна была похитить Мару в России. Допустим, она решила, что расследование становится опасным. Но откуда ей было знать, что Мара в России? Я ей не сообщал.

— Я тоже, — кивнула Мара. — Нанду, ты не выкладывал свои снимки в инстаграм?

— Нет пока... — дернул плечом бразилец.

— Кроме того, — продолжал Эдлунд. — Твой похититель говорил по-русски?

— Да. Но странно... Сильного акцента не было, а фразы какие-то... — она поморщилась, подбирая слова. — Как из учебника.

— Тем более, — сказала Вукович. — Значит, Селия только выучила язык и не успела попрактиковаться в живом общении.

— Но откуда она знала про поездку? — Эдлунд из последних сил отказывался верить.

— Полно способов, — развела руками Вукович. — Спроси у Найджела Смертона, у него был факультатив для четвертого курса по последним достижениям шпионской техники. Согласно, телефон она бы не отследила, потому что мы сменили сим- карту, но есть же крошечные датчики... Мара, Селия тебе ничего не... О, господи! — воскликнула хорватка. — Разумеется! Часы!

Мара ошарашено посмотрела на свое запястье. Шикарные часы с надписью — всего лишь маячок? Она расстегнула ремешок и протянула любимую вещь опекунке.

— Ларе, ты сможешь разобрать? — та повертела их перед глазами. — Или мне попросить у Найджела какой-нибудь специальный радар?

— Селия не так сильна в технике, — покачал головой Эдлунд. — И эти часы у нее давно. Скорее всего, маячок там самый простой. Я просто сниму крышку.

Затаив дыхание, ребята наблюдали, как профессор возится с миниатюрной отверткой. Вскоре металлический диск оказался на столе, и они смогли заглянуть внутрь.

— Вот он, — Эдлунд подцепил плоскую черную штуковину немногим больше монеты. — Хорошо, что нет микрофона.

Мара осторожно опустилась на диван. У нее кружилась голова, в глазах насмешливо прыгали мушки. Она весело болтала с убийцей собственной матери... Восхищалась, любовалась, мечтала подражать... Дурной сон...

— Ты в порядке? — донесся издали низкий, успокаивающий голос Джо.

Большая теплая ладонь легла на ее колено.

— Да... — хрипло буркнула она и прочистила горло. — Я рада, что все выяснилось. Теперь вы доложите в Совет, профессор Эдлунд? Или как это делается?

— Разумеется, — швед потер лоб. — Теперь ты в безопасности.

— Не думаю, — жестко произнесла Вукович. — Пока приедет кто-то из службы безопасности, пройдут часы. Может, даже сутки. А Селия уже знает, что Мара здесь. Маячок еще работает.

— Не проблема, — Эдлунд занес над часами отвертку.

— Стой! — крикнула хорватка. — Не торопись. Если сигнал пропадет, она поймет, что мы ее вычислили. Тогда мы больше ее не увидим. Сейчас ни в коем случае нельзя ее спугнуть.

— Ты что, предлагаешь ловлю на живца?! — профессор уронил отвертку и отпрянул.

— На ребенка?! В моем пансионе?! Сумасшествие. Я закрою Мару в лаборатории и не выпущу, пока люди из Совета не увезут Селию в наручниках.

— Я не стала бы подвергать Мару опасности, — успокоила его Вукович. — Мы просто должны вычислить Селию как можно быстрее. Не удивлюсь, если она уже на острове.

— Но в кого она могла трансформироваться? — Нанду нервно сглотнул.

— В кого угодно, — хорватка села на стул и взяла чистый лист бумаги. — Сначала надо исключить каждого из нас.

Присутствующие переглянулись. Каждому пришлось вспомнить какую-то мелочь, чтобы подтвердить свою личность. Нанду — кодовый посвист, Брин — имена всех игрушек, Джо — экскурсию с Марой по острову, а самой Маре, — для галочки, — черную мамбу. Вукович и Эдлунд тоже обменялись понятной только им информацией.

Когда с этим покончили, хорватка предложила придумать кодовое слово и опознавательный знак. Нарисовала каждому на шею маленький треугольник, паролем сделали вопрос: «Ты уже придумал номер на летнее солнцестояние?», а отзывом — ответ «Да, танец драконов». Потом составили список тех, кто находился на острове. Сигрун была права: в каникулы торчать в пансионе было мало желающих. Венсан и Смертон, Крианян и Коломбо, Густав и миссис Чанг. Плюс несколько учеников.

— Мы приехали вчера, — сказала Вукович, постукивая ручкой по списку. — Селия могла прибыть только после нас. Густав не собирался снова в Стокгольм?

— Сегодня собирались вернуться Кавамура и Дзагликашвили. И кто-то из студентов... Кажется, Ханна и Кевин...

— Тогда у нас две задачи, — хорватка поправила очки. — Первая — проверить тех, кто сейчас на острове. Если Селия решит перевоплотиться снова после прибытия, нам будет легче ее опознать. Вторая — проверить тех, кто придет сегодня. Рассказывать всем подряд, что происходит, не надо, иначе кто-нибудь все испортит. Брин, Джо, поговорите с ребятами. Придумайте что-то... Как это у вас называется...

— Флешмоб? — подсказал Нанду. — Они оба ботаники, их никто слушать не станет. Лучше я.

— А кто тогда займется почтой?

— Это потом, — отмахнулся профессор. Я еще свою не проверял, вдруг письмо сохранилось. Фернанду прав, Мила. Пусть он тоже займется студентами с Бриндис и Джо. Только держитесь вместе, и если у вас появится хоть малейшее подозрение, сразу звоните мне или мисс Вукович. А мы пока проверим взрослых.

— А я? — Мара с готовностью расправила плечи.

— Нет, — хором отрезали Эдлунд и Вукович.

Профессор уступил слово даме.

— Ты не выйдешь из лаборатории, — отчеканила хорватка. — Ни за что. Я не позволю тебе рисковать.

— Но почему тогда им можно? — по-детски обиделась Мара.

— Потому что убить хотят не их, а тебя. Это не обсуждается. Я дам тебе телефон, но высунуть нос даже не пытайся.

Девочка обреченно прошествовала в новую тюрьму. Длинные металлические столы, компьютеры, микроскопы, аппаратура... И здесь, в безликих холодных стенах зародилась ее жизнь? Была ли у этой жизни хоть какая-то ценность кроме научной? В просвете

закрывающейся двери в последний раз мелькнули сочувствующие лица ее друзей, и Мара осталась одна в оглушающей тишине. Ноздри щекотал острый химический запах. Она чихнула и подошла к окну: фигуры Брин, Джо и Нанду двигались к четвертому домику. Наверное, пошли проверять Альфреда, австралийского парня. Последнего, в кого бы стала трансформироваться Селия.

Мара поежилась. Как она могла быть такой идиоткой? Поверила приятной гаитянке с первой же секунды. Убийца... Хладнокровно и жестоко расправилась с человеком, только чтобы скрыть собственный грешок... Но почему? Что Эдлунд мог ей сделать? Уволить? Она сама уехала с отцом через полгода после убийства... Тем более, он только обрадовался, когда узнал, что Мара — результат его эксперимента. Нет, все это вызывало кучу вопросов.

Например, Эдлунд. Какой смысл было скрывать от него свой поступок? Он был бы счастлив найти живой бесплатный инкубатор. Да и не могла Селия помочь Лене по доброте душевной. О какой доброте может идти речь, если она заживо сожгла человека и пыталась сделать то же самое с маленьким ребенком? Раздвоение личности? Такое вообще бывает у перевертышей? Вряд ли. Кто-то бы заметил.

Нет, тут было что-то другое. Мара терла виски. Думай, думай, думай... Если Селия хотела во что бы то ни стало скрыть пропажу, Лена взяла не просто пробирку. Она взяла важную пробирку. Но какую?

Взгляд беспомощно метался по лаборатории. Аппаратура, микроскопы, пробирки, склянки с заспиртованными органами, железная тумба. В такой хранилось ее личное дело... Точно! Это ведь несгораемый шкаф? Там должна быть картотека или журналы экспериментов или как там ученые называют свои записи? Может, Эдлунд наговаривал все на диктофон? В фильмах так делают. Жаль, если по-шведски... Мара подергала ящики — закрыты. Надо же быть таким параноиком! На лаборатории замок с отпечатком пальца, как в банковском хранилище, так он еще и тумбу запер! Что он там прячет? Трупы? Она раздраженно пнула нержавейку, забыв про щиколотку. Тихонько заскулила от боли, прикусила губу. Вот черт! Сидит тут, как тюфяк, пока они ловят Селию... Она подкатила крутящийся стул, села, баюкая лодыжку. И застыла, зацепившись взглядом за компьютер. Как же она сразу не додумалась?!

Торопливо подъехала к столу, нажала на круглую кнопку, монитор приветливо подмигнул голубым огоньком. Она ждала. Буквы, буквы, буквы... Так, загружается... Мара скрестила пальцы — нет. Пароль. И все равно, попытаться стоит. Какой он мог поставить пароль? Швеция? Стокгольм? Линдхольм? Эти дурацкие сухари, как их, knackebrod? Кнакербрэд. Как если бы она установила себе на почту ши и балалайку. Нет, у нее была мама и год ее рождения. Минутку, а вдруг он сделал то же самое? Не маму, конечно, а, допустим, Иниру? Как там ее? Заглянула в телефон, проверила снимок Брин из маяка. Инира Нанук. Попробовала так и эдак... Вошла с шестого раза: инициалы и годы жизни.

Не веря своей удаче, Мара изучала десятки папок. Какие-то странные названия, наверное, коды. Попробовала открывать наугад — документы, таблицы, графики... Ну что за дряньство! И тут ее осенило — нужны не названия, а время! Отсортировала по дате создания — и вуаля. Девяносто восьмой год. «Гусеница»? Seriously? Вот это фантазия. Кокон, бабочки... Поэт! Под ложечкой заныло от волнения и страшно захотелось что-нибудь зажевать. Потом, потом, где-то здесь должен быть ответ...

Она открывала файлы — снимки клеток под микроскопом... Серые кружочки — два, четыре... Наверное, процесс деления. У каждого снимка свой номер. Вот, файл с таблицей.

Номера, группы крови, какие-то даты и фамилии. Неужели, это он? Список доноров? Пробежала глазами и на последней строчке замерла. Сердце пропустило удар, в голове зашумело, и она стиснула зубы так сильно, что только по металлическому привкусу поняла, что прикусила язык. Потому что в нижней ячейке значилось: Инира Нанук. Группа крови — IV (+).

Так вот, откуда черные волосы? И облик того парня... Наверное, она превратилась не в отца, а в родственника, ведь если бы и отец ее из эскимосов, она не стала бы метисом. Или это всего лишь совпадение? Нет-нет, больше никаких фантазий. Подойдет к Эдлунду и спросит прямо. Пусть он проводит тесты, а до тех пор ни в чем нельзя быть уверенной... Мара не сдержалась, полистала снимки в телефоне, нашла фотографию Иниры. Красивая. И кажется доброй. Наверняка, она. Иначе и быть не могло: из всех доноров именно тот, кого нет в живых. Две мамы, и обе мертвы. Причем первая погибла за три года до рождения дочери. Остается надеяться, что Эдлунд найдет записи об отце.

На всякий случай Мара попыталась отыскать какие-нибудь снимки Иниры в компьютере профессора. На его жестком диске хранились огромные архивы фотографий, сотни папок с датой вместо названия. Девяносто девятый... Открыла — множество людей в черном. Похороны Иниры. Пасмурный день, мокрая каменистая почва, длинные плащи и сложенные зонты. Вот Эдлунд. Бледный, под глазами круги, такой худой... Рядом его отец — одно лицо, если бы не седина и очки. Молодая Улла Дальберг. И много людей, похожих на Иниру. Эскимосы, кажется. Старик, наверное, ее отец. Какой-то парень держит его под локоть... Что-то знакомое... Мара схватилась за телефон, открыла снимок с собственной трансформацией. Это он! Один в один. Она перевоплощалась в брата Иниры. Сомнений быть не может. Она — дочь Иниры Нанук.

Но если Селия так ненавидела соперницу, зачем было давать жизнь ее ребенку? Или она не знала, чей эмбрион взяла Лена?

Мара бесцельно шелкала разные папки — раз уж ей удалось войти в компьютер профессора, стоило поискать еще. Одна из папок называлась «Айвана». Вдруг в ней досье на Селию? И девочка приблизилась к монитору. Но нет — куча видео про ящериц. Старых, двухтысячного года. Какой-то текстовый файл... Дневник трансформаций Мартина, отца Селии... Точно, ведь Эдлунд рассказывал, как его коллега так долго находился в теле тотема, что начал терять разум. Она открыла один из последних роликов: крупная морщинистая игуана в клетке. Неподвижная, как чучело. Маре вспомнилось, как она впервые увидела Мартина Айвану: он вошел в палату и смотрел на нее таким же немигающим взглядом... Вдруг игуана дернулась, метнулась к решетке, с хрипом разинула пасть. Мара вздрогнула. Всего лишь видео, но этот свистящий хрип, это шевеление морщинистой длинной шеи... Как будто она вот-вот исторгнет пламя... Самая обычная безобидная игуана вселяла в девочку животный ужас. Перед глазами всплыл смутный образ. Дежавю. Распахнутая змееподобная пасть... Жар, боль... Крики... Темнота... Падение... Шрам нестерпимо заныл, и Мара прижала руки к шее... Щеки обожгли горячие дорожки, все расплылось в тумане.

Господи! Билл Маквайан был прав! Дракон! Дракон убил ее маму! Мартин Айвана так глубоко вошел в сознание тотема, что сумел воскресить вымершее животное! Он перевоплотился не в игуану, а в ее предка — дракона южных островов! В дракона Гаити. Вот, почему он стал сходить с ума! Наверное, даже не помнил, что делал в чужой шкуре! И Селия... Получается, она использовала собственного отца как орудие убийства?

Господи, а Эдлунд? Он ведь даже не знает, что его пансион может превратиться в кучку

пепла!

Трясущимися руками Мара взяла телефон. Не с первого раза ей удалось попасть по номеру профессора. Нет денег на счету! Да чтоб тебя! Со злостью сжала аппарат и еле сдержалась, чтобы не швырнуть его об пол. Вай-фай? Здесь, наверху, стоит другой пароль... Их надо предупредить! Мара бросилась к окну — никого в поле зрения. Только «Сольвейг» уже движется к пристани. Селия там, наверняка там... И каждая секунда может стать последней!

Девочка хаотично металась по лаборатории. Лом? Рубильник, чтобы обесточить кодовый замок? Ничего... Она судорожно провела по волосам, спина взмокла. А если пожар? Нет, у него наверняка целая система брызгалок... Через окно? Снова подскочила к стеклу, глянула вниз — слишком высоко. И липа угрожающе колышет голыми острыми ветвями, так и норовит проткнуть, и снега слишком мало, чтобы целиться в сугроб... Чертов Эдлунд! Ладно, у него снаружи сканер отпечатков пальцев, внутри-то зачем? Хотя... Отпечатки пальцев? Она нервно хохотнула. Ведь тут же должна быть где-нибудь его ДНК...

Мара заглядывала во все шкафы, полки и ящики без замков. Есть! Шкаф с одеждой! Здоровенные пластиковые очки, халаты, шапочки, маски... Почти все чистое и пахнет порошком... Она придирчиво осматривала каждый сантиметр, пока не обнаружила короткий русый волосок. Зажмурилась, попыталась проглотить... Он лип к небу, цеплялся за язык, вызывая рвотный рефлекс. Схватила бутылку с прозрачной жидкостью: понюхала, лизнула, — вроде, вода. Опрокинула в себя половину, волосок проскочил внутрь.

Засекла пятнадцать минут — минимум, чтобы организм смог считать генетический код. «Сольвейг» уже пришвартовалась... Так, теперь одежда. Если ей удастся трансформироваться, массивное двухметровое тело Эдлунда порвет ее любимые джинсы. Толстовка, сапоги, — все будет испорчено. Она разделась, настроилась. Вспомнила все: уродливую пасть ящерицы, лживую Селию, крики матери, безвинную гибель Иниры. От злости ей стало жарко, дыхание участилось, горели щеки, пульс эхом бился в ушах. По телу прошла дрожь, комната опустилась вниз — она выросла. Наклонилась над столом: из гладкого металла на нее глядело лицо профессора.

Кинулась к двери, прижала палец к сканеру, — и вот оно! Долгожданное пиликанье, щелчок замка! Как хорошо, что цифры надо набирать только для входа! Поставила в щель сапог, вернула облик, чтобы одеться. Долго она бы не протянула в теле Эдлунда — да и не надо. Все равно тренировки сыграли свою роль, теперь она не рухнула без сил в первую же секунду. Натянула джинсы, забыв про боль в лодыжке, понеслась вниз по лестнице. Сначала — ребята. Селия станет искать ее, Мару, а где ей быть, как не с друзьями?

Остановилась у библиотеки, заглянула — миссис Крианян на посту, Ксюша Пичугина корпееет над толстенным фолиантом. Отлично! У Ксюши красная куртка! И можно даже не прятаться! Мара оставила свой черный пуховик на крючке, вошла в Ксюшин, затянула завязки на капюшоне до упора, скрывая лицо. Пальцы не слушались.

Выбежала на улицу, бросилась по главной дорожке. Они должны были уже обойти летних... Да что там, за это время можно было всех проверить. Сидят у Брин? Свет в спальне горит... В два шага вскочила по ступенькам на крыльцо, оттуда в общую комнату, оставляя лужицы растаявшего снега. На кровати с игрушками сидели Нанду и Джо и жевали печенье.

— Где... Брин? — хрипя и задыхаясь, выдавила Мара.

— Ты что здесь делаешь?! — крикнул Нанду. — Эдлунд тебя убьет!

— Постой, — вмешался Джо. — Ты уже придумала номер на летнее солнцестояние?

— Что? Ах, да... Танец с драконами. Нанду, мне пришлось... Этот дракон — он был... Мартин Айвана... Его тотем... Короче, он — игуана и углубился... — Мара никак не могла отдышаться. — Потом объясню. Просто поверь. Где Брин?

— Мисс Кавамура приехала, позвала Брин к себе, чтобы обсудить график дежурств,

— спокойно объяснил Джо.

— Она была здесь?

— Да. Все как обычно, — индеец откинулся к стене.

— Вспомните точно, что она делала? Может, при ней была большая сумка? Вроде переноски для кошек?

— Не, она была без вещей, — Нанду подбросил орешек и поймал ртом. — Заглянула, поздоровалась. Была в хорошем настроении. Даже стянула пару печенек.

— Что?! — Мара ахнула. — И после этого Брин пошла с ней?

— Да чего ты паникуешь? — удивился Нанду.

— У мисс Кавамура аллергия на орехи. Она запрещает проносить печенья в домик. И Брин это знает. Не могла не знать. Чья была идея взять печенья?

— Ее, — Джо выпрямился.

— Она сделала это нарочно. Хотела проверить мисс Кавамура.

— Но почему молчала? Зачем пошла с ней одна?! — воскликнул Нанду.

— Ты плохо ее знаешь? — Мара всплеснула руками. — Если ей что-то стукнуло в голову, она вообще не думает о последствиях. Может, решила в одиночку ее поймать.

— Ей не придется, — качнул головой Джо. — Если у мисс Кавамура аллергия, она проявится и у Селии. Наверное, Брин рассчитывала, что отек гортани лишит убийцу сил.

— Плевать, что она решила! Ее убить могут! Чего вы сидите?! — заорала Мара. — Бегом в учительскую комнату!

— А Эдлунд? Вукович? — спросил Нанду, вставая с кровати.

— Некогда! Быстрее давай! Потом завяжешь свои шнурки!

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Мара с трудом дождалась, пока мальчишки оденутся, и вместе они поспешили на улицу, к двери мисс Кавамура. Взошли на крыльцо, переглянулись, и Джо постучал. Тишина. Постучал снова. Подергал за ручку — заперто. Обошли с другой стороны, посадили Нанду, тот заглянул в окно. Темнота. Никаких признаков движения.

— А если она уже... — пролепетала Мара.

— Даже не думай, — прервал ее Джо.

Разбежался и всей тушей влетел в дверь, выбив ее вместе с петлями. Они ворвались внутрь — никого.

— Вот, черт, — Джо потер ушибленное плечо. — Опять месяц в библиотеке.

— Нет-нет подожди... — Мара наклонилась. — Нанду, включи свет.

На полу виднелись мокрые следы.

— Это не наши, — пульс колотился так, что она едва слышала собственный голос. — Они тут были. И стул валяется на полу, и ваза... Они боролись...

— У тебя в кармане что-то пищит, — Нанду тронул ее локоть.

— Что? Да, сейчас, — она выудила телефон. — Это от Брин. Она пишет «Жду тебя в маяке. Приходи одна». О, Господи... Думаете, это ловушка?

Парни молча переглянулись. Оба казались бледными.

— Надо звать Эдлунда, — повторил Нанду. — Это опасно.

— Она же написала: «Приходи одна»! А если Селия увидит профессора и что-то сделает с Брин?! — воскликнула Мара. — Нанду, проверь!

— Что?

— Ты должен туда полететь. Тебя она не заметит, а Эдлунда знает.

— Но ведь он может принять облик любой птицы...

— А время?! Нанду, пожалуйста, — она умоляюще сжала его пальцы.

— Ладно, — без выражения ответил он и прошел в комнату.

Через несколько секунд дрозд вылетел наружу. Взмыл в серое зимнее небо, ветер трепал его крохотное тельце. Было видно, как он борется с сильными порывами на высоте, у смотровых окон. Вот черт, а если у Селии пистолет? Только бы обошлось, только бы Нанду не подлетел слишком близко... Но дрозд приблизился к окну, в стекле мелькнуло что-то желтое, и в следующее мгновение он уже камнем летел вниз. Что случилось? Ведь звука выстрела не было... Мара испуганно втянула воздух: он падал так, будто лишился крыльев.

В нескольких метрах от черных волн дрозд вышел из пике и набрал высоту. Ворвался в дверь, хлестнув Мару перьями, кубарем рухнул на пол человеком.

— Ты в порядке? Что это было? В тебя стреляли? — она кинулась к нему.

— Огонь... — пробормотал он, прикрываясь одеждой. — Эта жуткая здоровенная игуана... Но я цел. Брин там. И Селия..

— Это Мартин... — прошептала Мара. — Я должна туда пойти.

— С ума сошла? Тебя убьют! — воскликнул Нанду. — Я звоню Эдлунду.

— Звони. Джо, и ты звони, — она бросила короткий взгляд наверх, на маяк. — А я пошла.

— Ты что?! — Джо стиснул ее запястье. — Не пущу.

— Ты подумал о Брин? Селии ничего не стоит убить ее. Как мою маму. Как Иниру. Теперь я знаю, Иниру тоже убила Селия. Убийца всегда возвращается на место преступления.

Джо молчал. Его лицо посерело.

— Я справлюсь, — продолжала она. — Я должна прийти туда одна, чтобы Брин отпустили. А там что-нибудь придумаю. И профессор подоспеет. Не вздумайте идти за мной. Пусть Селия решит, что я ни о чем не подозреваю.

— Но... — начал было Нанду.

— Нет, — она развернулась и шагнула на улицу.

Было влажно. Соленый морской ветер толкал ее назад. Бил по лицу, резал глаза. Но она твердо шла к маяку. Ею двигала злость. Плевать на все.

— Слышишь, Селия? — шептала она, задрав голову. — Я больше тебя не боюсь. Я знаю, что ты сделала. Знаю, кого ты убила. И мне не нужен Эдлунд. И Вукович. Никто не нужен. Потому что они помешают мне убить тебя. Тебя и твоего дракона. Слышишь, Селия? Пусть он сожжет меня до костей, но живым отсюда не выйдет.

Мара решительно распахнула железную дверь: темнота, прелый дух сырости. Почти на ощупь подошла к ступеням. Черт знает, где у Густава выключатель... Двинулась наверх. С каждым шагом сердце стучало чаще, кровь шипела в ушах... Шух-шух-шух... Страх поднимался их глубины, полз в грудь холодной липкой змеей.... Шух-шух-шух... Уродливая пасть, шипение, жар... Боль, крики, падение... Она мотнула головой, прогоняя образ. Ее мама бросилась на ящерицу с ножом, и она, Мара, не сдрейфит. Лучше умереть, чем сделать жертву этих женщин напрасной.

Шаг, другой... Шух-шух-шух... Думай о Брин... О маме... Не смей реветь, просто шагай. Вот так: ступенька, еще одна... Убить Селию. Сначала ящерицу, потом Селию... Черт! Она встала. А чем убить-то? Вдруг не хватит сил свернуть шею игуане? И Селию столкнуть с маяка? Вот бы сейчас пистолет... Войти — и сразу: выстрел! Другой! Обоих в лоб... Она зажмурилась, прижавшись к холодной жесткой стене. А если не получится? Представила Селию, как она смотрит, улыбается... Смогла бы выстрелить?

Нет. Надо. Только так. Селия безумна. Жестока. Хитра. И ни одна тюрьма не удержит ее. Просто сжать зубы — и убить. Но чем? Возвращаться — поздно. Мара озиралась. Ничего кроме лестницы и стен. Железные перила... Дергала рукой каждую из опор — все держались прочно.

— Давай же, хоть одна... Тебе же двести лет, неужели перила нигде не проржавели?..

Вдруг снизу донесся шум. Только не Эдлунд! Не сейчас! Она замерла. Нет... Скрежет, тяжелое дыхание... Что-то царапает по камню... Нет... Джо...

Она попыталась перегородить проход, но здоровенная мохнатая зверюга промчалась мимо, отбросив ее к стене.

— СТОЙ! — завопила она, рванула первую попавшуюся балясину изо всех сил.

Есть! По сжатому кулаку стекала кровь, но острая железная палка была у нее в руках. И Мара бросилась наверх, толкая ногами ступени.

Сверху раздался рев.

— Джо! — она преодолела оставшийся пролет и вломилась в смотровую комнату.

Пахло паленым. Брин сидела в углу, поджав колени. Зеленоватая ящерица размером с овчарку застыла в странной позе, напротив нее щерился медведь. Шерсть на его лапе дымилась.

— Я же велела тебе прийти одной, — процедила Селия, выходя из тени.

Мара не сразу ее заметила. На красивом лице гаитянке не было ни следа былой любезности. Ноздри хищно трепетали, глаза сузились, губы сжались в тонкую нить.

— Отзови его, и твоя подружка сможет уйти, — произнесла она, нацелив на Брин длинное изогнутое лезвие.

— Джо, я прошу тебя, — взмолилась Мара. — Уйди...

Но медведь с утробным рыком развернулся и бросился на Селию. От неожиданности она выронила нож, но игуана с шипением выпустила струю огня. Шкура Джо на спине запылала, он взвыл.

— Нет! — Мара прыгнула сверху, накрыв его своим телом.

Огонь потух, а палка вылетела из рук и со звоном отскочила ногам Брин. Исландка молниеносно дернулась вперед, взяла железку и обрушила на ящерицу. Что-то хрустнуло, на узком туловище показалась кровь. Игуана безжизненно обмякла.

— Папа! — Селия упала на колени.

Внизу раздался шум, и резкий грубый голос через рупор объявил:

— Сдавайтесь! Медленно поднимите руки! Сопротивление бесполезно!

Мара скатилась на пол, подхватила нож.

— Джо, Брин, уходите. Зовите профессора, — она вцепилась в рукоять, держа ее перед собой. — Я в норме.

— Но ты не сможешь... — пролепетала Брин.

— Я выйду следом. Джо, уведи ее.

Джинсы на коленях исландки были разодраны, красные полосы тянулись к щиколоткам.

На скуле зрел синяк.

— Джо, пожалуйста, — повторила Мара. — Ей нужен врач. Дракона больше нет, Селия безоружна.

— Сдавайтесь! — снова раздалось снизу. — Сопротивление бесполезно!

Медведь ткнулся черным носом в ладонь Брин. Та покачала головой, но подчинилась.

— Ну, что же ты стоишь? — Селия подняла красные от слез глаза на Мару.

— Думала, я не узнаю учебную записку? Там никого нет. Но я рада, что они ушли.

— Она убила моего отца...

— Он убил мою мать, — твердо ответила девочка, стараясь не смотреть на ящерицу.

— Которую из?.. — рот гаитянки искривился в злобной насмешке. — Пришла сюда отомстить? Ну, давай же...

Селия запрокинула голову, обнажая горло. Одно движение — и все будет кончено. Мара сжала зубы, втянула воздух, крепче вцепилась в рукоять. Но руки ходили ходуном. Ну же! Одно движение...

— Ты не сможешь. И Лена не смогла. Она думала, что просто украдет эмбрион, и никто об этом не узнает. Представляешь, ей хватило наглости вломиться в лабораторию Ларса с медсестрой! Планировала провернуть все прямо там. А я застала их.

— Значит, это не ты ей помогла?

— С чего бы? Но я готова была дать ей уйти спокойно. Я все равно собиралась прикрыть этот эксперимент. Так у нее хватило ума рассказать мне, что ты похожа на Иниру! Рассказать мне! И после этого она надеялась, что сможет спастись! — скалилась Селия, подставляя шею. — Швырнула тебя в окно, как щенка. Вы обе — полное ничтожество. Давай, трусишка, последний шанс.

— Это ты ничтожество! Из-за своей ревности убила Иниру. Просто потому, что не могла признать, что кто-то лучше тебя. Твоя ненависть была настолько велика, что ты убила снова. Даже пожертвовала собственным отцом, его разумом и жизнью. Тебе придется с этим жить. За решеткой, лишённой дара, — Мара рванула ручку окна и распахнула его.

Внутри ворвался холодный ветер, и Мара бросила оружие вниз, в шипящие волны.

— Я не стану такой, как ты, — произнесла она.

Гаитянка вскочила и бросилась на Мару. От резкого толчка под колени ноги подкосились, и девочка растянулась на полу. Селия села сверху, вытащила из заднего кармана складной нож. Лезвие уперлось Маре в подбородок. За шиворот стекало что-то теплое.

— За что ты ненавидела Иниру? — с трудом прохрипела Тамара. — Ты убила маму только за то, что я оказалась ребенком Иниры?

— Линдхольм — мой! Он должен был стать моим! Как и Ларе, — глава Селии странно блестели, на лбу вздулась вена. — Мы бы поженились, не будь ее! И я была бы здесь хозяйкой. Я никому не позволю забрать мое, ни ей, ни тебе...

— Мне... ничего... не нужно... — Мара начинала задыхаться.

— Ты еще не поняла?! Мне надо было сразу отключить криокамеру... Или добить тебя тринадцать лет назад. Чертовы пожарные приехали слишком рано! Но я не позволю тебе заполучить...

В этот момент игуана шевельнулась, поднялась на ноги, и Селия ослабила хватку. Мара попыталась столкнуть ее, но та лишь крепче прижала девочку к бетону.

— Радуйся, малышка. Папа жив, и я не стану мучить тебя перед смертью. И даже

позволю умереть, как она. Сейчас мне даже кажется, что ты на нее похожа... Так же хрипишь, так же плачешь....

Плачешь? Мара даже не чувствовала, как по вискам бегут слезы.

Селия рывком подняла ее и пихнула к распахнутому окну.

— Прощай, Тамара, — Селия давила ножом на горло жертвы, и та против воли отклонялась назад. — Папа, помоги... Она сильнее, чем я думала.

Девочка отчаянно сопротивлялась, цеплялась ногтями за раму, пыталась пнуть убийцу. Но рыжее пламя ударило по пальцам, они разжались, и сильный удар в грудь отправил Мару в ледяную бездну.

Ветер свистит в ушах, куртка облепила спину. Окна маяка стремительно взлетают вверх. И кто-то кричит, а руки все беспомощно тянутся, хватая воздух. Бездонное холодное небо...

Вот и все. Как будто это происходит с кем-то другим. С ней просто не может так случиться! Нет, правда: в Новый год? Боль пронзает грудь раскаленным копьем. Дышать нет сил... Инира, тебе было больно? Это ведь кончится быстро? Господи, как хочется жить! Обнять кого-нибудь, смеяться, плакать... Жить...

Этот соленый морской ветер... Он обнимает, толкает, он не даст упасть... И шепот волн... И боли больше нет, и ее самой... Как будто она растворилась в этих брызгах... Бросает в жар, и в холод, и тело тает, уменьшается, трепещет, сжимается в комок... Время стынет, как желе... Она не чувствует ботинок, джинсов, и кофта с курткой вдруг становятся большими, как парус, мешаются, хлобьщут, путают... Она выскальзывает через горловину — свобода! Раскидывает руки — и ветер нежен с ней, ласкает, несет над островом...

Это сон? Она умерла и воспарила? Взгляд вниз — никакого труп, только обмякшую красную куртку несет волна... Взгляд в сторону — да это же крыло! Широкое, бурое, с длинными перьями по краю. Она летит! Но ведь не могла же она перенять тотем Эдлунда через волосок? Хотя... Какая теперь разница... Внутри так легко, так хорошо, и свист ветра звучит колыбельной... Наклон — она поворачивает, и почти не надо махать.

Везет же летним! Не трансформация, а удовольствие! Восторг, гармония! Теперь понятно, о чем говорила Брин! Принять себя, принять природу... Как это отличается от страха погони и вечной маскировки зимних! Свобода! О, как же не хочется больше вставать на ноги! И как же прекрасен Линдхольм! Припорошенные снегом скалы, пустое тренировочное поле, игрушечные красные домики и черное кружево лип... И по центральной дорожке из главного здания бегут люди... Белая макушка Брин, пуховик Нанду, а здоровяк Джо припадает на одну ногу. Вот пальто Вукович, а это, должно быть, Эдлунд. И даже Смертон несется к маяку, неуклюже переваливаясь. Ха! Вот он удивится, когда узнает! Пусть сам попробует считать тотем из ДНК летних!

Они взволнованы. К пристани швартуется белая яхта, не «Сольвейг», нет! И люди в черном. С оружием. На спинах — желтые круги солнца. Верховный совет!

— Сдавайтесь! Медленно поднимите руки! Сопrotивление бесполезно! — на сей раз это не учебная тревога, вон тот мужчина держит рупор.

Из лодки выпрыгивает пантера в специальной броне, быстрая и величественная. Агенты обмениваются жестами, снайпер наводит винтовку на распахнутое окно, в дверь запускают какого-то мелкого зверька, кажется, крысу. Смотрят на монитор. Снова какие-то жесты, пантера врывается следом.

Вукович не пускает ребят к маяку, Брин, кажется, плачет, машет рукой, указывая на красную куртку, которую качают волны. Хорватка хватается за лицо, что-то надрывно кричит, бежит к воде, но Эдлунд останавливает ее. Обнимает. Смертон, Кавамура, Коломбо, ребята, — все стоят в растерянности.

Из маяка выводят Селию, ее руки связаны за спиной, в шею уткнулся пистолет. Следом — ее отец. Он испуганно озирается по сторонам, идет с трудом, согнувшись. Завернут в одеяло. Что-то пытается крикнуть Эдлунду... Не разобрать, слишком высоко. Круг, снижение...

— Прости, я не знал! — кричит профессор Айвана.

Но Эдлунд молчит, баюкая рыдающую Вукович. Вдруг хорватка замечает Селию, вырывается, как кошка, очки летят на землю.

— Я убью тебя, дрянь! Убью! Я достану тебя и вырву глаза, разгрызу глотку и буду смотреть, как ты захлебываешься в крови!

И эта женщина — завуч Линдхольма?! Мужчина из Совета, видимо, думает о том же: он подозрительно смотрит на Вукович, и Эдлунд тянет ее назад.

— Найджел, Юми, уведите детей, — бросает директор.

Педагоги неумолимо гонят стайку учеников к главному зданию. Пантера обнюхивает пристань.

— Найдите ее! Вдруг она еще жива? Ей нужна помощь! — кричит Вукович людям из Совета.

— Шансов почти нет, — низкий голос мужчины перекрывает шум мотора. — И погодные условия не позволяют. Наш агент с тотемом моржа прибудет на поиски тела...

Женщина в форме незаметно толкает его локтем.

— Спасательная операция начнется завтра, — поправляет она. — Мы просветили воду прожектором... Простите, сегодня мы сделали все, что могли.

Вукович бросается в маяк. Никто не мешает ей: убийца уже на лодке.

Мара подлетает к окну, к тому самому распахнутому окну, из которого выпала некоторое время назад. Садится на подоконник, сложив крылья. Так тихо здесь теперь, так спокойно... Как будто ничего и не было. Только темнеют капли крови на полу.

Все стены в надписях, сердечках. Непрерывная вязь слов, признаний, планов. Мечты разных поколений сплелись в единую сеть.

Дверь, скрипнув, пропускает Вукович. Бедная! На ней же лица нет! Без очков, распухшие, мокрые глаза, из груди рвутся прерывистые вздохи. То ли рыдания, то ли лающий кашель.

— Ларе, нашел время летать! — сказала она, обессилено опустившись на колени.

Мара вспорхнула внутрь, тряхнула головой, прикрыла глаза, вернула облик. И сразу стало так холодно и неуютно.

— Мисс Вукович, это я!

— Что?! Но как... Откуда... Нет, скажи, что это правда! О, Боже! Мара! — хорватка кинулась к ней, заботливо завернула в свое пальто, стиснула, прижала к себе и разразилась новой порцией рыданий. — Я думала, ты... Как же так могло?.. Господи, ты жива! Ты цела!

Тонкие пальцы судорожно ощупывали лицо Мары, как будто она могла вот-вот исчезнуть.

— Это действительно я, — поморщилась девочка. — Кажется, я выяснила, кто моя мать. Инира Нанук. Потом я проглотила волос Эдлунда, чтобы трансформироваться, наверное, от стресса его тотем...

— Нет-нет, — замотала головой Вукович. — Все дело в другом. Это все эксперимент... Нет, разговоры потом. Нет времени. Кто-то видел, как ты взлетела?

— Нет... Не думаю... Вам бы сразу сказали.

— Не надо, чтобы кто-то знал. Срочно перевоплощайся, лети вниз, и жди меня на камнях, с другой стороны от причала. Я все проверю и позабочусь, чтобы никого не было рядом.

Мара кивнула, настроилась. Было непривычно освобождать разум и представлять

природу, но все же вышло. Жар, холод, и снова крылья. Взлетела, ринулась вниз. Какое все-таки удовольствие — лететь! И никакого страха, только щемящее чувство детского восторга.

Она вцепилась когтями в мокрую скалу, поворачивая головой то в одну, то в другую сторону. Нелегко приспособиться к птичьему углу обзора. Вукович появилась с большим шерстяным одеялом и охапкой одежды.

— Густав сейчас по моей просьбе меняет лампу в холле. Остальные на обеде. Никого не должно быть. Трансформируйся.

Мара послушно вернула человеческий облик.

— Одевайся, — велела хорватка. — Вот так. А теперь лезь в воду.

— Что?! Она же ледяная!

— И возможно ты после этого заболеешь. Так будет даже правдоподобнее. Лезь.

Девочка присела на корточки, тронула пальцами негостеприимное море. Руку обожгло холодом.

— Но мисс Вукович...

— Мы теряем время! — женщина снова нацепила очки, превратившись в строгого завуча.

Мара вздохнула и прыгнула. Иначе она бы не осилила это жуткое зимнее купание. Напоролась ногой на камень, хотела вскрикнуть, но изо рта вырвался только хрип. Дыхание перехватило, грудь сдавило тисками.

— Да... чтоб... тебя... — дрожа, она шептала самые забористые ругательства, которые помнила из детского дома.

— Я этого не слышала, — сказала Вукович. — И не забудь голову намочить.

Мозги будто заскрипели от холода, изо рта рвался пар. Мокрая одежда отяжелела, гирей тянула на дно.

— Достаточно... — голос хорватки пробивался сквозь стук зубов.

Как робот, который только учиться управлять конечностями, Мара вылезла наружу, царапая руки о камни. Морская соль тут же въедалась в раны, причиняя боль.

— Царапины даже правдоподобнее, — кивала женщина вместо того, чтобы посочувствовать.

Вукович завернула ее в одеяло, растерла и повела в главное здание. Девочку трясло, она едва соображала.

— Ларе, Мара жива, — торопливо сообщила женщина в телефон. — Пусть Полин готовит горячую ванну. И постель, ей лучше ночь провести в палате. Да, сильных повреждений нет. Я догадалась. Скажешь сам.

— Над-д-до сказ-з-зат-т-ть Бррррин! — с трудом проговорила Мара.

— У меня только номер Торду. Брин все равно сейчас в истерике.

— К-к-к-как в-в-в-вы?

— Не понимаю, о чем ты. Алло, Фернанду? Я сейчас веду Мару к мадам Венсан. Да жива. Не кричи ты! Скажи Брин. Нет, навестить ее пока нельзя. Я сообщу.

Из трубки еще доносились вопли парня, когда Вукович сбросила звонок.

— Слушай внимательно, — шепнула она Маре. — Потому что внутри нас может кто-то услышать. Природа задумала тебя зимней, и родись ты у Иниры, ты была бы такой. Но Лена нарушила все естественные процессы, и ты появилась на свет летом. Положение солнца...

— Хотите сказать, у меня теперь обе способности? — опешила Мара, забыв про холод.

— По-видимому... — Вукович хмурилась и остервенело грызла нижнюю губу.

— И если я превратилась в орла, то мой отец?..

— Эдлунд. Да, я думаю, он.

Мара отшатнулась. Выходит, ее чуть не убили из-за какого-то наследства?! И ее отец все это время был так близко? Что он скажет теперь? Что подумает? Как его называть? Не получится же долго избегать встречи. Что ж, зато она была плодом любви, пусть и в такой странной форме.

— Это должно быть в строжайшем секрете, — продолжила Вукович. — Нет-нет, Ларсу мы, конечно расскажем. Но нельзя, чтобы узнали в Совете. Не сейчас.

— Почему? Разве это что-то плохое? — Мара с трудом приходила в себя.

— Твой случай — уникальный. Я знаю их. Они заберут тебя, будут изучать, не дадут спокойно жить. Начнется целая серия экспериментов над эмбрионами... Сначала ты должна вырасти и повзрослеть. Потом решишь сама, но не теперь.

— А про то, что Эдлунд — мой отец, тоже нельзя рассказывать?

— Решайте это с ним. Уверена, он поддержит тебя. А сейчас мы должны придумать логичное объяснение тому факту, что ты выжила. Шансов было мало, но они были. В Совете зацепятся и будут копать. Я поговорю с Густавом. Завтра мы должны убедить их людей, что ты просто упала в воду и выжила. Отвести любые подозрения. Учитывая скалистый берег Линдхольма, это будет непросто.

Одеяло почти не грело. Брови, одежда Мары, — все покрывалось инеем. Отходить она начала лишь в холле: там было тепло, и реакция ребят отвлекла ее от ноющих костей. Все перешептывались:

— Она жива?

— Как это возможно?

— Разве ее не сжег дракон?

— Мара, дорогая! — кинулась к ней синьора Коломбо. — Мы думали, что больше не увидим тебя!

— Не сейчас, Франческа, прошу тебя, — строго вмешалась Вукович. — Ей нужен врач.

— Я сварю тебе горячего шоколада! — кричала вслед повариха. — И сделаю большой сэндвич с грудинкой!

— Ксюша, прости, я взяла твою куртку... Она в воде, — Мара остановилась, заметив Пичугину. — Забирай пока мою, но я куплю тебе новую, честно.

— Да ничего страшного, — ответила та.

— Потом, потом, — хорватка тащила Мару наверх.

Девочку уложили в горячую ванну с апельсиновым и хвойным маслом, ее кожа порозовела, заочевенные пальцы ног согрелись и разогнулись. От блаженства она едва не уснула прямо там, но мадам Венсан велела вылезать, выдала теплую фланелевую пижаму, носки из овчины и отвела в кровать, около которой уже стоял поднос с дивным густым горячим шоколадом и пышным сэндвичем.

Мара уютно устроилась под одеялом и набила рот волшебным угощением. Когда она слизала с тарелки последние крошки и капли расплавленного сыра, в палату вошли Эдлунд и Вукович.

— Ну, как ты? — обеспокоенно спросил профессор.

Он будто постарел лет на десять: морщины стали глубже, лицо осунулось. И выглядел он неуверенным.

— В норме, — кивнула Мара, вытерев рот тыльной стороной ладони.

— Я должен кое-что тебе сказать... — Эдлунд мялся у порога и с трудом подбирал слова. — Ну, возможно, это тебя напугает, но... Я проанализировал некоторые данные... И если мы рассудим логически, то единственным вариантом, при котором мог получиться межрасовый метис... Я не хочу тебя обидеть, просто с научной точки зрения...

— Ларе, говори прямо, — прервала Вукович его реверансы.

— Я полагаю, что твоя мать — Инира Нанук, а отец — я, — и он в нерешительности замолчал.

— Да вы что?! Правда? — Мара пыталась изобразить удивление.

Профессор подозрительно взглянул на нее.

— Ты знала... — протянул он и перевел взгляд на Вукович. — Вы обе знали! Мила, зачем тогда ты заставила меня...

— Ты должен был сказать сам, — хорватка довольно улыбалась. — Это по-мужски.

— Значит, Мара, ты уже успела обо всем подумать, — подытожил Эдлунд. — И, наверное, обсудить с друзьями.

— Нет, они ничего не знают. Пока, — пожала плечами Мара. — И я могу ничего не говорить, если хотите. Но за сверхмощный процессор в голове Брин не отвечаю.

— Да я не об этом! — с досадой отмахнулся Эдлунд. — Я сам готов повесить плакат у главного входа и сделать рассылку всем выпускникам Линдхольма. Я хочу услышать, что ты об этом думаешь... Наверное, злишься на меня? Что я не догадался сразу, позволил Селии обмануть себя...

— Не знаю, — Мара сосредоточенно ковыряла заусенец на большом пальце. — Ну, в смысле... Во-первых, я рада, что хоть кто-то из моих родителей жив. Во-вторых, я даже готова была смириться, что мой отец — Озгюр Коркмаз... И с этой точки зрения вы — далеко не худший кандидат... — она вздохнула. — Я вряд ли готова называть вас папой, и вообще... Но я не против, это точно.

— Можно... я обниму тебя? — голос Эдлунда прерывался.

— Без проблем...

И он сжал ее так, что будь она чуть младше, не обошлось бы без переломов. Щетина на его щеках приятно кололась, от него пахло незнакомо, но очень уютно. Мара неуверенно похлопала его по спине. Хорватка шмыгнула. И когда девочка поняла, что сама вот-вот разревется, решила срочно сменить тему.

— Профессор, — прокряхтела она из-за его плеча. — Есть еще кое-что.

— Что? — он отстранился.

— Я спаслась не потому, что упала в воду, — и Мара с помощью Вукович рассказала про перевоплощение в орла.

— Мила, ты что, заставила ее залезть в море только для того, чтобы отвести подозрения?! — взревел Эдлунд.

— Тише, Ларе. Посуди сам. Лучше оставить ее способности в тайне. Подумай о последствиях.

Он потер щетину, сунул руки в карманы, подошел к окну.

— Ты права, — произнес он, наконец. — Мне даже жаль Мартина. Его дракону теперь несладко придется.

— После всего, что он сделал?! — Вукович уперла руки в боки.

— Он ведь не знал... Не помнил. Он гениален. И не заслужил такого, — Эдлунд ссутулился. — Я говорил с Селией. И как я раньше этого не видел? Она безумна. И все

гораздо хуже, чем у ее отца.

— Никогда ей не доверяла, — процедила Вукович.

— Я не воспринимал наши отношения всерьез... Нет, она нравилась мне, но планы Мартина и отца казались шуткой. Не уверен, что они и правда хотели нас однажды поженить. А в Селии что-то сломалось. Она отчего-то винила не меня, а Иниру. Почему? Почему не сказала сразу, не устроила истерику, как у вас, женщин принято?

— Она психопат, Ларе, — покачала головой хорватка. — Уверена, ее признают невменяемой.

— Но ведь она идеально все спланировала! — удивилась Мара. — Разве сумасшедший человек так может? И даже похищение... Ведь это была она?

— К сожалению, — кивнул Эдлунд.

— Ревность делает людей неадекватными, — грустно сказала Вукович. — Всегда есть спусковой крючок, с которого все начинается. Но думаю, жестокость жила в ней изначально. Гены драконов, вероятно.

— Она разумнее, чем кажется, — Мара натянула одеяло до подбородка. — Она сказала, что рассчитывала стать хозяйкой острова, выйдя замуж. Инира была препятствием. А потом, когда узнала, что я — наследница...

— Так вот, почему она кричала: «Линдхольм мой!» А я решил, что она окончательно спятила, — Эдлунд отвернулся от окна. — Выходит, Лена заметила сходство между тобой и Инирой. Она знала, как я переживал тот несчастный случай на маяке, и хотела все рассказать. Но Селия знала, что отец эмбриона — я, и начала угрожать Лене. Тогда я и получил то письмо.

— Она вам не призналась... — поняла Мара.

— В чем?

— На маяке произошел не несчастный случай. Это Селия столкнула Иниру. Там, наверху, она... Хотела убить меня так же, как ее.

Эдлунд побледнел и опустился на табуретку.

— Простите, профессор, — прошептала Мара.

— Он все равно бы узнал, — Вукович положила руку ему на плечо. — Завтра приедут из Совета тебя допрашивать. Тебя и всех свидетелей. Мы попросили отсрочку, чтобы дети успокоились и пришли в себя.

— Профессор, я понимаю, Вам сейчас не до этого... Но можно я расскажу Брин, Джо и Нанду о второй способности? Они ведь столько помогали, пытались защитить меня... Разве после всего этого им нельзя доверять?

— Я против, — встряла Вукович, но тут же поджала губы. — Хотя теперь мое мнение никого не интересует.

— Нет-нет, ты права, — рассеянно отозвался Эдлунд: взгляд его был расфокусирован, а мысли витали где-то далеко. — То есть это риск... Я не знаю... Мара, решай сама... Извините, я должен побыть один.

Он сорвался с места и выбежал из палаты. Вукович присела на край кровати и погладила Мару по руке. Через несколько минут они увидели за окном парящего орла: его силуэт двигался по пасмурному темнеющему небу в сторону маяка.

— Тебе повезло с отцом, — тихо сказала Вукович. — Но вам обоим понадобится время.

— Я знаю, — Мара сжала пальцы опекунши.

Сейчас ей хотелось объятий, но просить их у этой несгибаемой женщины... Нет, она не

настолько осмелела. Тем более, сегодня ее уже наобнимали на год вперед. Точно! Новый год же...

— Мисс Вукович?

— М-м-м?

— С Новым годом.

— И тебя, — улыбнулась хорватка. — Ты, наверное, устала и хочешь отдохнуть?

— Вообще, я бы... Ну, если кто-то из ребят тут... То есть я бы им написала, но телефон

— в море и...

— И как я сразу не догадалась! — Вукович закатила глаза. — Ни минуты не можешь без своих товарищей! Вы ужасно друг на друга влияете. Ты хоть представляешь, сколько правил вы сегодня нарушили? Каждый из вас мог погибнуть! Что я должна сказать их родителям?

— Но ведь все же кончилось хорошо... И новый год... — Мара умильно подняла брови.

— Мы вернемся к этому завтра. Пойду, позову их. И не надейся, что меня хоть на секунду ввело в заблуждение то, как прилежно они ждали разрешения все это время. Наверняка, Фернанду торчал где-нибудь в вентиляции.

— Что вы, он никогда...

— Неубедительно, мисс Корсакофф. Совершенно неубедительно.

Вукович хмыкнула и вышла из палаты. Мара обвела глазами комнату. Действительно, за окном дрозда не было, во время разговора она проверяла. Во-первых, зимой Нанду мерз, во-вторых, Эдлунд бы его сразу раскусил. Но вентиляция?.. Вряд ли. Слишком узко и темно.

Через пару минут хорватка запустила ребят. Брин несла маленькую елочку с золотыми огоньками, Джо — фигурку Сайты. Конечно, Деда Мороза здесь было бы не достать.

— Ксюша попросила синьору Коломбо сделать картофельный салат. Как там он... — Нанду наморщил лоб.

— Оливье, — растрогалась Мара, любуясь новогодним украшением. — Настоящий праздник.

— Конечно, праздник! — Брин поставила елку и полезла обниматься. — Мы чуть с ума не сошли! Я прочертила траекторию падения с учетом направления ветра, и шансы попасть мимо скал были ничтожны... Это чудо! И то, что твое сердце не разорвалось во время падения, ведь по статистике большинство людей погибает не от столкновения с твердой поверхностью....

— Ладно, я, пожалуй, оставлю вас, — Вукович напоследок окинула их подозрительным взглядом и закрыла за собой дверь.

— С ума сойти! — тут же зашептала Брин. — Орел! И дочка Эдлунда! Два дара сразу Сенсационно!

— Подожди, откуда ты... — опешила Мара. — О, ясно... Чтобы вы — и не подслушали... Но как? Телефон? Диктофон? Стакан у стены?

— Я на каникулах как раз тренировалась с новым обликом, — довольно сообщила Брин. — Конечно, профессор Эдлунд нам еще не давал эту тему, но я рискнула... Ты же знаешь про фенька?

— Кого? — нахмурилась Мара.

— Фенёк. Миниатюрная лиса, которая обитает в Северной Африке и славится большими, несоразмерными туловищу ушами. Я просто сидела в соседнем кабинете, ты представляешь? И каждое слово! Надо будет сделать эксперимент на дальность...

— Брин сразу не поверила в то, что ты могла выжить при падении, — прервал ее

Нанду. — Увидела тебя мокрую в холле и кинулась что-то считать. Я думал, она двинулась окончательно, ведь это был вопрос времени...

— Нанду! — исландка раздраженно цокнула. — Шансов не было. Я просчитывала все возможные траектории, силу толчка, скорость ветра, даже сверилась с новым бельгийским пособием по криминалистике. Там одни камни, в том числе и под водой. Даже если бы сердечная мышца осталась целой, ты проломила бы череп. Поэтому пристань с другой стороны — справа к маяку ни одно судно не подойдет.

— Это надолго... Пока ты не уснула, я просто скажу, что мы со стариной Джозефом... — Нанду хлопнул друга по спине

— Джо, — буркнул индеец и поморщился.

— Твоя спина! — спохватилась Мара. — Ожоги сильные?

— Нет, шрамов не останется, — мужественно прохрипел он. — Но я теперь понимаю, почему ты недолюбливаешь длинные волосы.

— Так вот, мы с нашим нежным мишкой страшно рады, что ты жива, — сообщил Нанду. — И у тебя все способности разом.

— И что вы обо всем этом думаете? — нерешительно спросила Мара. Книголюб.нет

— Одни плюсы! — Нанду принялся загибать пальцы. — Ты — дочка директора, теперь нас точно никто не отчислит. Даже если ты увесишь все стены портретами Смеартона и будешь ежедневно плевать в его овсянку. Жить можешь снова с Брин, если ее чокнутые зайцы потеснятся. Потом мы будем вместе летать над островом. И раз уж ты птица, думаю, моя мама не будет против...

— Прекрати паясничать, — жестко пресекла его Брин. — Все должно быть в секрете.

— Ну что ж, пока у нас плохо получается, — Мара вздохнула. — Жалкие пару часов после моей трансформации, а уже пять человек в курсе.

— Мы должны разработать систему, — воодушевилась Брин. — Кодовые слова на случай появления кого-то в радиусе десяти метров. Это будет тайный клуб. Мы можем найти секретное место для твоих трансформаций, а дневник экспериментов я буду писать каким-нибудь из шифров времен второй мировой. С одной стороны, искусство кодировки шагнуло далеко вперед, с другой — история сыграет нам на руку...

— Брин, мы просто никому не скажем, — с улыбкой перебила ее Мара. — И обойдемся без экспериментов. Проблема в другом: завтра надо убедить Совет в том, что я упала. И я понятия не имею, как это сделать, если даже ты говоришь, что шансов у меня не было.

— А как вы тогда с Густавом красили ту сторону маяка? — поинтересовался Джо.

— Точно! — Брин воодушевленно выпрямилась и хлопнула индейца по спине, но тут же отдернула руку, увидев гримасу боли на его лице. — Прости, пожалуйста... Так вот, там есть небольшой промежуток между скалами, куда мы заплывали на «Сольвейг», но она достаточно далеко от стены... А если мы предположим, что примерно в середине полета тебе удалось оттолкнуться ногами от маяка, то ты могла упасть туда...

— И почему тогда она сидела там молча, а куртка плавала отдельно? — изогнул бровь Нанду.

— Допустим, она была в состоянии шока... Или без сознания...

— Тогда она нахлебалась бы воды, — отрезал Джо.

— Она была напугана... — размышляла Брин. — Да, она же не могла видеть оттуда, что Селию уже поймали. Решила, что это была уловка, как тогда, с учебной тревогой. Мы ведь повелись!

— Точно! — Мара хлопнула себя по коленям. — И раз уж мне хватило ума оттолкнуться ногами и сидеть молча в ледяной воде, то почему было не снять заодно куртку, чтобы запутать убийцу? Мне нравится, что Совет сочтет меня умной. Брин, ты гений. Если не считать того факта, что ты решила в одиночку справиться с Селией. О чем ты вообще думала?

— У мисс Кавамура отек Квинке обычно начинается через двадцать минут. Мне этого хватило бы, чтобы связать ее, а потом вколоть лекарство. Я знаю, где у нее хранится аптечка, — развела руками Брин.

— И в чем ты прокололась?

— Селия не стала дожидаться отека. Как только начался кашель, она приняла что-то, у нее был свой препарат. Но она раскрыла мою задумку, разозлилась, отобрала телефон и потащила меня в маяк, — у Брин задрожал подбородок.

— Прости. Это все из-за меня, — Мара потеряла ее плечо. — Забудь, теперь Селия никому не навредит.

Они сидели и болтали, пока не стемнело. Потом мадам Венсан отправила ребят ужинать, а Маре принесли порцию оливье, который хоть и не походил на тот салат, который ей когда-то давали в русской столовой, но был довольно неплох. Перед сном Нанду с загадочным видом притащил подруге планшет и тут же ретировался. Мара дождалась, пока уйдет суровая докторша, и включила его. Увиденное заставило ее ахнуть: на экране высветилось письмо мамы. Бразильцу удалось взломать почту. И пусть прошло уже тринадцать лет со дня пожара, и это были всего лишь крошечные пиксели в матрице, от каждого слова исходило мягкое, обволакивающее тепло, будто невидимая рука гладила девочку по голове.

Ларе!

Ты знаешь, что два с половиной года назад у меня родилась дочь, Тамара. И знаешь, что я воспитываю ее сама, а мои родственники по линии отца не имеют отношения к перевертышам.

Она чудная девочка, Ларе. Уверена, ты поймешь это, когда ее увидишь. А в том, что однажды вы встретитесь, я не сомневаюсь. Она одна из нас. Моя маленькая летняя девочка.

У меня к тебе просьба. Я не знаю, что будет со мной: завтра, через неделю, через месяц... Прошу тебя, пообещай, что возьмешь ее в Линдхольм ко дню ее пятнадцатилетия. Просто поставь напоминание в календарь, если к тому времени я не привезу ее сама. Так и запиши: Тамара Корсакова. Или, как вы меня называли, Корсакосрф. И разыщи ее. Где бы я ни была, я буду знать, что она в надежных руках.

Я скучаю по острову, Ларе. Надеюсь, смогу выбраться с моей малышкой на летний праздник.

Яркого солнца над головой!

Лена.

Мара прерывисто вздохнула, вытерла мокрые щеки.

— Мам, я в надежных руках, — прошептала она.

Сердце теснилось, жалось в груди, хотелось раздышаться, выпустить боль. Вдруг стало душно, одеяло налипло жаркой глиной. И Мара вылезла из кровати, подошла к окну, чтобы проветрить, но вместо форточки распахнула обе створки.

Ветер студил ее заплаканное лицо, сдувал со лба и ласково трепал короткие волосы. Прибой что-то шептал, облизывая скалы. Остров окутывала ночь, погасли окна, и только

пятна света фонарей плясали на главной дорожке. Мара улыбнулась своим мыслям. Сняла пижаму, прикрыла глаза, впитывая кожей еле различимый морской запах. Тело дынуло жаром, переродилось, охваченное блаженным чувством свободы — и она спикировала вниз, расправив крылья навстречу ветру.

Больше книг на сайте - Knigolub.net